

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

10.335
1992

3

7

10.335
1992/3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. Стихи. Перевод Ва-
лентина Никитина 3

ДЖАБА ИОСЕЛИАНИ. Санитарный поезд.
Повесть. Перевод Наны Двораков-
ской 4

ТАМАЗ БИБИЛУРИ. Для семи голосов и жа-
воронка. Роман. Перевод Э. Елигу-
лашвили 59

МАКВАЛА ГОНАШВИЛИ. Стихи. Перевод
Владимира Еременко 137

ГУРАМ КАПАНАДЗЕ. Пояс. Рассказ. Пе-
ревод Ирины Зурабашвили 138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. О переводах Николо-
за Бараташвили 156

7

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ
ВАХТАНГ ГОГУАДЗЕ. Антихрист

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. «Я назвал ее Роми-
берой» 182

РЭМОН ДЮГЕ. Москва и страстотерпство
Грузии. Перевод с французского Мзии
Бакрадзе и Ирины Зурабашви-
ли 196

СПОРТ

АРСЕН ЕРЕМЯН. Догоняющий себя 219

Из классического наследия

ДВЕ МОЛИТВЫ

* * *

Я стою на коленях, Отец наш Небесный,
Пред Тобой, не прося ни богатства, ни чести.
Да пребудет без скверны молитва святая!
Но хочу, чтоб, как небо, душа засияла!

Чтобы сердце к врагам запылало любовью,
Даже если пронзят, обагрят его кровью;
И я мог бы молиться, как на Небе рыдают:
Ты прости их, Господь, что творят — то не знают...
17 июля 1858 г.

* * *

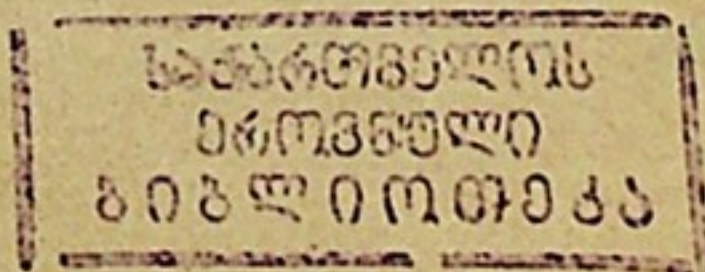
Когда демон неверья, отрицанья, лукавства
Даст душе ослабевшей чашу с ядом соблазна,
Пощади меня, Боже, обойденного роком,
И не дай к этой чаше прильнуть ненароком.

Но коль мерой подобной испытать меня надо, —
И Твое пощенье над кознями ада,
Да постигну Твой промысл, свою волю склоня,
И да сбудется воля святая Твоя!

28 августа 1858 г.

Перевод Валентина НИКИТИНА

148824

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД

ПОВЕСТЬ

Выйдя из здания Петроградского вокзала, Валико Арадэли увидел горящий посреди Лиговки костер. Он приостановился, словно бы колеблясь, в какую сторону идти, посмотрел на Невский, куда лежал его путь. Потом круто повернулся, будто решил идти в другую сторону, поднял воротник пальто и снова в нерешительности оглянулся. Вспомнив, что во внутреннем кармане у него лежала щепотка табаку на одну папиросу, он решительно направился к костру.

Вокруг костра стояли солдаты. В золе пеклась картошка, и изголодавшиеся с нетерпением ждали момента, когда можно будет потаскать из углей почерневшие, треснувшие от жара картофелины.

Вывернув карман, Арадэли высыпал на ладонь щепотку табака и спросил у солдат бумагу. Они недоверчиво взглянули на пришельца, кое-кто неохотно пошарил у себя в карманах. Бумаги не оказалось. Арадэли курил редко, либо когда бывал в хорошем расположении духа, либо в дурном, иногда от безделья. Но сейчас его почему-то охватило непреодолимое желание глотнуть теплого дыма.

ОТ АВТОРА.

Эта повесть написана по воспоминаниям (точнее, по фактам, извлеченным из одного эпизода) известного грузинского деятеля Зураба Авалишвили. Поэтому хотелось бы вспомнить его слова:

«В стремительном мелькании исторических событий... необходимо отыскать основные темы, постоянные прочные нити. Стремление народов к свободе, независимому творческому бытию, покрытая тайной общность национального коллектива — вот одна из этих тем, одна воображаемая оборванная нить...»

— Неужели не найдется клочка бумаги? — чуть ли не с упреком повторил он и осекся, встретив настороженный взгляд взъерошенного солдата. Пришлось уйти несолоно хлебавши.

Город Боровичи, откуда только что приехал Арадэли и где он шесть месяцев лежал тяжело раненный в по-семейному уютном госпитале, находился почти в 40 верстах от московско-петроградской магистрали. Путь к железнодорожной станции лежал через села. До Новгорода, ближайшего к Боровичам города, добраться можно было через болотистые леса и пустынную дорогу. В период безвременья и бездорожья в этот маленький, пока еще тихий по-старинному городок эхо революции доносилось в виде приключенческих или житейских историй. В мельчайших подробностях рассказывали все новые и новые случаи убийств, грабежей, мести, изнасилований, самосудов. В мутном потоке нахлынувших сплетен и реальных событий тонули лаконичные, в телеграфном стиле, исторические события. За все это время Арадэли понял только, что большевики совершили переворот, что в бывшей Российской империи идет гражданская война и немцы стоят у Петрограда.

Темнело. Выбитый революцией из привычной колеи петроградский обыватель торопился закончить свои дела до наступления ненадежной ночи. Арадэли неторопливо шел по Невскому проспекту. С той самой минуты, как на станции Угловка он вскочил на подножку первого же подвернувшегося товарного поезда, идущего к Петрограду, он все время колебался, к кому пойти, кого побеспокоить в столь смутное время. Даже его приезд сюда был случайностью — если бы к Угловке подошел поезд, идущий на Москву, он теперь выбирал бы, кого побеспокоить из московских знакомых. Большинство оставшихся в живых однополчан-офицеров, москвичей и петроградцев, были где-то на Украине, о знакомых грузинах ничего не было известно.

Первое время по прибытии на фронт он еще обращал внимание на окружающее. Его, привыкшего к горным пейзажам Кавказа и Северной Персии, угнетала равнинная русская природа. Но затем нескончаемый нестройный топот сапог, непрекращающиеся пе-

реходы, дожди, слякоть и мороз, солнце, ^{встающее} над необозримыми снегами и нестерпимо ^{слепившее} воспаленные глаза, не только отбили охоту ^{любоваться} природой, но довели его до оупения. Порой он забывался в мечтах, произраставших опять же из воспоминаний о прошлой жизни, порой память и фантазия, причудливо переплетаясь, возвращали ему былую уверенность в том, что он человек, а не пучок перекапти-поля, гонимый по беспредельным зыгоревшим степям. Бессонными ночами, проведенными в казарме в ожидании приказа, в блаженной тишине, наступавшей после боя, в госпитале, где к глухой ноющей боли ран примешивались мужские скупые слезы — эти видения бальзамом проливались на действительность. И тогда он по-другому представлял себе возвращение в Петербург, тогда он даже не смог бы вообразить, что весной в семь часов вечера он будет стоять на Невском и чувствовать себя таким бесприютным и опустошенным.

Серые сумерки над городом. Мартовская подмерзшая слякоть, силуэты затемненных домов. Суевливые призрачные тени прохожих отнюдь не способствовали возвращению того настроения, которое он сейчас пытался пробудить в себе. Разумеется, многое изменилось за это время — три года срок немалый. Но все же почему он не ощущает радости, почему его не волнует по-прежнему хотя бы близкая возможность окунуться вновь в водоворот жизни. Неужто происходящее так подействовало на него? Ведь в Персии он вообще был в безвыходном положении... И все же его не покидала надежда. Может, это потому, что в Петрограде еще не настала весна, и солнце еще не растопило намерзшую за зиму душу?! А может, виной всему возраст — тридцать семь все-таки! С другой стороны, так ли уж это много? Может разве быть, чтоб в тридцать два человек был совсем другим, нежели в тридцать семь?! Во всяком случае иной раз человек не похож сам на себя. Отрывистые, бессвязные видения, недостигаемые островки чувств, обрывки мыслей о предметах и явлениях, взаимоисключающие друг друга, — почему все это воспринимается как единое течение жизни?!

Какой-то прохожий обогнал Арадэли и заглянул ему в лицо.

К кому бы он ни пришел, все будут думать, что он ищет прибежища. Возможно, это и так. Но ведь он не задержится надолго — ему бы только разузнать что-либо о своих знакомых. Но это еще надо втолковать лицемерно хлопочущему, отводящему взгляд хозяину, который лихорадочно соображает, какую бы найти уважительную причину для отказа. Нет уж, лучше самому попасть в беду, чем ворваться в чужую семью, как волк в овечье стадо.

Княгиня Марья Павловна с радостью приняла бы «Валю», но в ее чрезмерной опеке чувствуется какая-то демонстрация, нет даже намека на тепло. Да и, помимо всего прочего, разве ее оставила бы в Петрограде бесчисленная парижская родня?! Верно, она уже приютила беглую княгиню. Было странно, что университетские друзья даже не пришли Арадэли на ум, хотя что же тут странного?! У разменявшего четвертый десяток мужчины было мало общего с двадцати- и двадцатипятилетними юношами. Разумеется, каждый из них, если кто-либо остался в Петрограде, будет горд и счастлив встретиться с Арадэли, но он не то что адресов, не помнит даже их имен. Кого бы еще могло порадовать возвращение Валико? Хозяйку-финку на Литейном? Куда ей деться с ребенком и больной матерью на руках?! А вдруг она замуж вышла или сбежала в Финляндию?! Ему сейчас были бы очень даже кстати заботливые руки, чистая постель... Расслабиться и забыть обо всем, забыть вой, крики, грохот, грязь, голод, кровь, злые глаза, безумные лица, прошлое и будущее. Правда, в ее спальне всегда пахло то ли старой мебелью, то ли неухоженным телом, то ли плесенью. Прежде он был избалован вниманием женщин, и эти запахи возмущали его изнеженные прихотями чувства, теперь же ему нужны были только ласка, сон и черный хлеб.

Арадэли ускорил шаг, его охватила какая-то неясная тревога. Он заметил что-то неладное: встречные, поравнявшись с ним, почему-то шарахались в сторону, а за спиной у него происходило какое-то движение. «Надо бежать», — подумал он и инстинктивно оглянулся. В ту же минуту на него бросились неско-

лько солдат, заломили руки, натянули на глаза шапку, один даже вскочил на спину, крепко сжав ему локти. Арадэли сопротивлялся, не понимая, что означала эта возня — арест или просто намерение избить и оскорбить. Помощи ждать было неоткуда, прохожие сторонились их. Оставалось только одно — и Арадэли старался высвободить правую руку, чтоб дотянуться до засунутого за пояс браунинга. Активно действуя левой рукой, он не двигал правой, выжидая момента. Но вдруг в голове у него что-то вспыхнуло и из глаз посыпались искры, затем зазеленели колокола и стало темно.

— Курить захотел, немчура. окаянная, сволочь офицерская! — злобно проскрежетал взъерошенный солдат, вытирая окровавленный ружейный приклад об шинель валявшегося на земле Арадэли.

Октябрьский переворот семнадцатого года, разгон Учредительного собрания, нестабильная обстановка в Петрограде — все это побудило грузинскую колонию искать возможность немедленно вернуться на родину.

18 марта 1918 года в восемь часов вечера на Фурштатской улице в доме графини Паниной, где с согласия хозяйки проводились собрания созданного незадолго до того национального комитета, ждали бывшего сенатора Захария Авалишвили, который вместе с представителем армян генералом Тиграновым отправился в тот день в Смольный для встречи с влиятельным большевиком — Абелем Енукидзе. По мнению людей умных, возлагать надежды на эту встречу было самообманом. И действительно, нечего было и рассчитывать на то, что большевистское правительство разрешит какой-либо другой, недостаточно лояльной организации добиться своей цели, пусть даже крайне незначительной. Помимо всего прочего, надо было брать в расчет беспорядки на железной дороге, безденежье, прерванную связь с Закавказьем. Хотя встреча с представителем правительства в Смольном и не являлась тайной, но на людях об этом предпочитали не говорить.

В малом зале графини Паниной вместе с двумя-тремя членами комитета находилось и семейство Ишхнели. Пили чай. Госпожа Шуня Ишхнели, женщина

лет шестидесяти, в свое время слышавшая известной красавицей и в Петербурге и в Грузии, и сейчас еще не была лишена женского обаяния. Белоснежные волосы, от висков затянутые в тугий узел, огромные серые глаза, белые зубы, розовая кожа, чуть тронутая увяданием. От нее веяло спокойствием и мудростью.

— Пожалуйста, угощайтесь, это чудное печенье, я сама пекла его из ржаной муки. Нам приносит ее крестьянин из Любани, по-моему, очень порядочный человек, он ни с чем ее не смешивает. И очень дешево продает.

— Совсем даром! Один фунт муки — один золотой браслет, — с подчеркнутой иронией произнес сын госпожи Шунии Ираклий.

— Ираклий, не валяй дурака! Во-первых, браслет мне был мал. И зачем он мне в такое время, когда кругом разбойники? Господин Лади, угощайтесь! Все свежее — и мука, и масло, да и сахар настоящий...

Лади Чкония одно время заседал в Государственной думе, но в период смуты стал социал-демократом, хотя и не последовал за «девятым валом» революции, и, как сам считал, временно отошел от политики. Сейчас он в Петрограде хлопотал о втором издании книги Бенуа «История русского искусства» и параллельно выполнял роль советника в комитете.

— Нет, дорогая Шуния, по нынешним временам снабжение в Петрограде прекрасное. Недавно вот у нас на обед были мозги, сегодня ржаное печенье.

— Чтоб у них мозги высохли! Швырнули нам какие-то вонючие мозги, чтоб они сдохли, сдохли, сдохли!

Все засмеялись.

— Скажите, господин Лади, что нужно этим молодым грузинам в русском правительстве? С какой стати они вмешиваются в их передряги? Не могут в Грузии себе места найти? Кто они такие? Безграмотные крестьяне, двух слов по-русски связать не могут, а суют свой нос в судьбу Российской империи.

— Госпожа Шуния, — приподнял брови Лади, — честолюбие и тщеславие не дают грузинам довольствоваться крошечной родиной, поэтому они и выбрали ареной своей деятельности великую страну.

— Поэтому мы еще долго будем под гнетом инонациональной власти, до тех пор, пока в каждом не будут сломлены эти беспочвенные честолюбие и тщеславие, — произнесла дочь госпожи Шунии Нино, бездумно перелистывавшая у окна старый иллюстрированный журнал.

— Это подсознательное стремление можно удовлетворить только посредством ассимиляции, — закончил свою мысль Лади Чкония и, постукивая пальцами по ручке кресла, добавил: — Вообще великий народ — зеркало малых народов.

Более всех с нетерпением и надеждой ждал возвращения Авалишвили Ираклий Ишхнели.

— Очень может быть, что господин Авалишвили сегодня вообще не придет, а может, ему и не удалось повидаться с Енукидзе, — сказал он наконец, вставая и оправляя френч без погонов. Взяв в руки посеребренную трость, он прошелся по комнате и, не дождавись ответа, остановился перед Лади Чкония: — Сейчас каждый истинный патриот должен стремиться на Кавказ. Революция не ждет, господа, у Грузии появилась возможность возрождения.

— За это русской революции надо сказать спасибо, — опять забарабанил пальцами по ручке кресла Лади Чкония.

— Бросьте, ради Бога! Какая революция, какая свобода! Детям просто надоело учиться, хотят сделать карьеру без образования!

Все снова засмеялись.

— Да возьмите любого профессионального революционера и он окажется недоучившимся студентом! Зачем им учиться, когда разом можно добиться всего! Даже ад придуман неудачниками и мстительными людьми, ничего не сумев сделать в земной жизни, они придумали загробную.

— Не надо, госпожа Шуния, так уничижительно говорить о революционерах и их успехах. Революция сплавивает угнетенных, обездоленных, пробуждает в них мечты, надежды, стремления, желания. Эти ручейки страсти сливаются в бушующий океан. Поэтому вождям революции необходимо обладать великим даром демагогии. Это все не так-то просто.

— Мне все же кажется, что вожди должны быть

людьми ограниченными, иначе толпа не поверит им и не пойдет за ними.

Нино спокойно, но решительно отложила журнал и, повернувшись к окну, стала смотреть на улицу, всем своим видом давая понять, что ее не интересуется предмет спора.

— Революция — это возврат к варварству, общественный атавизм, — вызывающе произнес Ираклий Ишхнели.

— Да, но подготовка революции, ее канун — это апофеоз гуманизма: с одной стороны, большинство людей стремится к лучшей, прекрасной жизни, а с другой стороны, правительство проявляет максимум мягкости и человечности, — стоял на своем Чкония.

— Грузия должна воспользоваться моментом и во что бы то ни стало восстановить свою государственную независимость. Грузины, которые на протяжении многих веков снискали себе славу непобедимых воинов, должны защитить свои интересы. И кроме всего прочего...

— Нет, мой дорогой, нет! — перебила госпожа Шуния своего сына. — Не верю! Я где-то читала, что грузины еще монголов встречали жареными цыплятами. Да, подкупали цыплятами-табака, добиваясь своих политических притязаний. Не в боях, а в застолье проводили время они и тешили свой патриотизм произнесением тостов.

— Говорят, большевики хотят впустить в Петроград немцев и тем самым убить двух зайцев — подавить внутреннюю оппозицию и использовать эту уступку в целях перемирия, — сказал молчавший до той поры доктор Квиникадзе.

В это время в передней послышался какой-то шум. Квиникадзе поднялся с кресла, затем, как-то неловко замямвшись, оглядел всех и, направляясь к передней, виновато произнес: — Это Буцхрикидзе, Варден...

Аллах его знает, как и зачем попал Варден Буцхрикидзе в город святого Петра. Говорят, прибывший в столицу «без пересадок» из какого-то села близ Самтредиа, он не только в Тбилиси или Москве, но даже и в Самтредиа никогда не бывал. Рассказывали еще, что Буцхрикидзе привез в Питер два мешка яблок на продажу. Он, оказывается, долго слонялся и

наконец где-то за городом, в Лесном, набрел на грузинских студентов. Они ему дали временное пристанище. И с тех пор не было им от него покоя, он пристаивал ко всем: сделайте милость, познакомьте меня с какой-нибудь русской женщиной. Ребята привели ему с Лиговки проститутку и на всю ночь оставили с ним. Наутро, когда его спросили, как ты с ней объяснялся, ведь русского же не знаешь, Варден ответил: а чего с ней было разговаривать, каждый раз я давал ей по яблоку. А женщина с хихиканьем призналась студентам, что в жизни столько яблок не ела и столько не ...

Этот случай произошел лет пять тому назад. Сейчас Варден уже бойко лопотал на ломаном русском языке. И на вопрос, каким ветром его занесло в такую даль, он, хитровато улыбаясь, говорил: «Ехал мимо поезд, что же мне было делать?!» За это время Варден приобрел известность и вес в кругу ремесленников, мелких торговцев и буржуа. Он женился на единственной дочери богатого торговца. Правда, тесть пока не принимал у себя дома молодых, был против вторжения в его семейство какого-то нищего басурмана. Но дальновидные деловые люди поддерживали с Варденом связь. Как ни крути, дочь остается дочерью, и не сегодня-завтра родители признают молодых, тем более что Варден оказался никаким не басурманом, а самым что ни на есть православным христианином, и в итоге ему продолжать дело тестя. Так что ничто не препятствовало его замыслам. А если бы даже тестю вздумалось упрямитесь, Варден мог быть споксен и в этом случае, поскольку и у него водились кой-какие денежки. Одним словом, все складывалось как нельзя лучше для него. Не будь Октябрьской революции, которая заставила Вардена призадуматься. Вот уже пять месяцев вокруг творились очень неприятные дела. Помимо всего прочего, настораживало вызывающее поведение мелких ремесленников, многозначительные улыбки на лицах сторонников Советов указывали на их черные, с дальним прицелом мысли. Поэтому он не особенно верил тем, кто говорил, что большевики долго не протянут. Он не разделял этой точки зрения, но и не противоречил ей, потому что знакомые обвинили бы его в низости,

бессовестности и несправедливости. О возвращении в Грузию он и слышать не хотел. Пять лет он крутился и вертелся, столько всего перевидал и достиг и от него, простого крестьянина, нечего было и ждать высоких патриотических стремлений. Достаточно было того, что Варден и дня не мог прожить в Петербурге без своих соотечественников. Всем приезжавшим из Грузии он обязательно предлагал свои услуги. Независимо от того, кто бы он ни был: приехавший по семейным делам князь, мечтающий повеселиться повеса или студент, связавшийся с русской бобылкой, духовное лицо, приехавшее на заседание Святейшего синода, или сбежавший каторжанин—для каждого приезжего грузина Варден был незаменимым человеком. Даже самый влиятельный и богатый человек на чужой стороне всегда нуждается хотя бы и в мелкой, но услуге. И вот Варден в критический момент оказывался рядом и устраивал все наилучшим образом, так, как того требовали обстоятельства. В ответ они дружески, фамильярно шутили с Варденом, который в Грузии и мечтать не мог о знакомстве с такими людьми. В душе он гордился этим, хотя, сказать по правде, большой выгоды от этих встреч не имел—но что было делать, он всему на свете предпочитал шумное грузинское балагурство.

У Буцхрикидзе была масса знакомых, он со всеми находил общий язык (как говорил Лади Чкония, человек, не знающий ни одного языка, со всеми может найти общий язык).

В первый же день своего существования национальный комитет вспомнил о Вардене, и Варден оказался тут как тут. Единственной его просьбой было, чтоб его участию в комитете не придавалось официального характера.

Вот и сейчас среди гостей возникло легкое замешательство, создавалось впечатление, будто Буцхрикидзе не впускали в комнату, а он вламывался насильно. Его громкий разговор и бурная жестикуляция, привычка апеллировать ко всем присутствующим словом, жестом, мимикой всегда создавали веселое оживление.

— Глубокоуважаемая Шуня, отведав вашего вкусного печенья, я потерял покой. На печенье моей суп-

рути, которое я раньше весьма уважал, я не могу даже смотреть, не так ли, батоно Лади? Я, конечно, люблю и жену свою и детей, но печенье я люблю больше...

Лади ответил снисходительной улыбкой на эту неприкрытую лесть.

— Любишь, так подходи и бери, видишь, припрятали для тебя...

— Дорогие господа, — продолжал Варден, с подчеркнутой почтительностью направляясь к госпоже Шунии, — все, что сказал наш доктор — враки. Наоборот, Енукидзе сказал, что мы должны перейти в наступление на немцев, а для этого вернувшиеся с фронта грузины должны собрать полк, мы дадим им оружие, пусть воюют, а потом отпустим в Грузию.

— Кто это сказал? — вскинулся Ираклий Ишхнели.

— Я говорю, вы что, не верите? Вот придет господин Авалишвили и сам все расскажет.

Госпожа Шуния поставила перед Буцхрикидзе тарелку с печеньем и сказала:

— Поразительно, как любят объявлять войну пожилые люди. Я бы издала закон: объявил войну — иди и воюй сам. Я бы запретила посылать на войну молодых, а если воевать обязательно, пусть гонят в армию сорокалетних.

— Правительство Смольного лицемерит, — иронически улыбнулся Чкония, — первая их забота — перемирие с Германией, которое вот уже три месяца подготавливается в Брест-Литовске. Большевики, несмотря на свои идеалистические лозунги, народ крайне не практичный. Они прекрасно знают, что революция была вызвана этой нескончаемой войной, и самой большой ошибкой Временного правительства было то, что они не осознали это и продолжали громыхать лозунгом «До победного конца». Дорого обошлись честолюбивым интеллигентам кабинета Керенского знание истории Французской революции и пример Наполеона.

— Совершенно верно, большевики обязательно прекратят войну с Германией! — истерически выкрикнул доктор.

— Зато начнется еще более длительная, крово-

пролитная и беспощадная гражданская война, — проговорила Нино и вышла из комнаты, словно рассердилась на кого-то. Она не любила споров, и ходячая мудрость, что истина рождается в споре, казалась ей демагогическим щитом. Нино с детства считали капризной, вернее, угрюмой девочкой, и она никогда не упускала случая оправдать эту утвердившуюся за ней репутацию.

Родившаяся в семье военного врача девочка, жившая во многих городах, получившая массу впечатлений, избалованная бабушкой, вместо того, чтоб стать общительной, она вдруг замкнулась в себе, всему предпочитая одиночество. Она всячески избегала новых знакомств, и потому родители редко звали Нино к гостям. Такое поведение со стороны расценивалось как проявление гордости и высокомерия, а не независимости мышления, как пытались объяснить его родные Нино. В девичестве, учась в гимназии, Нино и со своими сверстниками держалась отчужденно, стараясь ни с кем не общаться.

Она вышла замуж за крупного промышленника Димитрия Лебанидзе. И замужество это было столь стремительным, что на слухи, сплетни, традиционный подготовительный период и разного рода спектакли совсем не осталось времени. Никто не смог бы сказать, любила она его или они просто каждый со своей стороны по-деловому подошли к этому. Нино приехала в Петроград забрать в Тбилиси мать с братом, но из-за хаоса, возникшего в результате октябрьских событий, сидела здесь уже более пяти месяцев. Неотложные дела держали ее супруга в Иране, а десятилетняя дочка их была в Грузии под присмотром бабушки с дедушкой.

...Погас свет и Нино была вынуждена вернуться в малый зал. Буцхрикидзе, доктор и незнакомый Нино мужчина возились со свечами. Было непонятно, откуда взялись свечи, то ли их вынесла запасливая хозяйка, то ли принес незнакомец... Но Варден распоряжался так по-хозяйски, что никто не усомнился, что он и тут проявил свою изворотливость. Сумерки за окном, бледный дрожащий свет свечей, трепетные тени сблизили находившихся в зале людей, сделали

их как бы членами одной семьи. Беседа приняла более интимный, дружеский характер.

Вскоре пришел и Авалишвили, а вместе с ним и другие члены правления комитета. Авалишвили в подробностях рассказал о своей встрече с Абелем Енукидзе, попутно комментируя обещания правительства Смольного. В заключение он сказал:

— Так или иначе, мы, как тот человек, попавший в яму, должны делать свое дело. Раз нам разрешили вернуться на родину, мы должны искать поезд.

— Это пустые слова, уважаемый. В такой ситуации не найдешь и конки до Васильевского, не то что поезда до Грузии.

Эти слова Лади Чкония прозвучали как сигнал. Все разом заговорили. Возник небольшой спор. В рассказе Авалишвили был один пункт, на который только Ираклий Ишхнели обратил серьезное внимание:

— Я думаю, в предложении большевиков есть момент, который можно использовать для Грузии. Испытанный на германском фронте, прошедший войну грузинский полк, организовать который нам советуют из Смольного, окажется существенным подспорьем для борющейся за независимость Грузии.

— Как они окажутся в Грузии, если их перебьют немцы? — воскликнула госпожа Шуня.

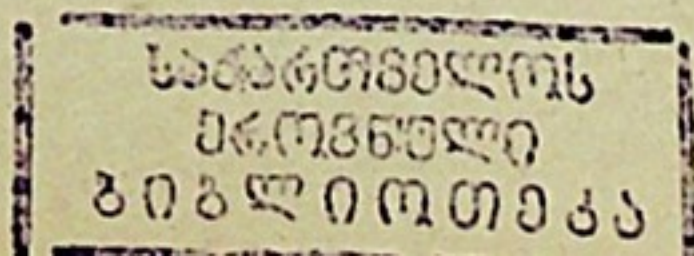
— И в Смольном и у вас, господа, преувеличенное представление о числе грузин, побывавших на Западном фронте. Допустим даже, что они смогли бы составить один полк, но где их искать? Они ведь разбросаны по всей стране, и вообще находится ли кто-нибудь из них в Петербурге?

— Это можно будет организовать, господин Лади, в этом нашем Петербурге, поверьте, без меня не объявится ни один грузин, — захохотал Буцхрикидзе. — Я как раз ждал вашего прихода, господин Коркия. У меня сосед, он дезертир, но считает себя большевиком. Любит выпить, и я иной раз подношу ему, кто знает, когда он может понадобится. Сегодня он пришел и рассказал, что поймали одного «грузинца», думали, немецкий офицер, если, говорит, принесете от правительства бумагу, отпустим как твоего земляка, нет — так расстреляем как контру. Я сразу же пошел туда, и знаете кого я увидел, господа (слово «господа»

Варден произносил с особым удовольствием)? Валико Арадэли!

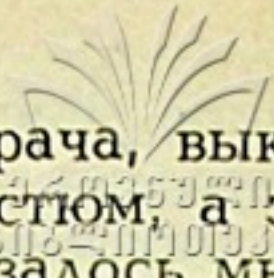
Валико Арадэли многие знали как юношу из состоятельной хорошей семьи. Мамы и папы знали его как кутилу, повесу, пользующегося успехом у девушек на выданье, он был рыцарем их мечты. Для молодежи из высшего света он был воплощением мужества. Студенты и деловые люди избегали его общества, при встрече старались быстрее отделаться от него, тем не менее расточая ему комплименты. Возвратившись домой, они сплетничали о нем со своими домочадцами, к месту и не к месту вставляя слухи о его легкомысленном поведении, тем самым смертельно заинтересовывая своих жен и невест этой неординарной личностью. Не проходило и года, чтоб не появились сенсационные новые слухи о его похождениях: Арадэли выбросил в Куру семь или девять разбойников, вызвал на дуэль одного из отцов города, похитил жену итальянского консула, принимал участие в иранской революции и прочее. Но самое большое удивление вызвало все-таки то, что мужчина, которому было за тридцать, отправился учиться в Петербург. И вот сейчас он попал в руки большевиков. Это известие вызвало у многих улыбку. «Революция именно для таких авантюристов, он и в Грузии всем надоел, пусть себе хоть шею свернет». Никто, разумеется, всерьез не принял эту реплику госпожи Шуния. Ираклий Ишхнели, например, считал, что Арадэли надо срочно освободить и именно ему и поручить создание грузинского полка. Большинство согласилось с ним, хотя комитет и считал идею создания иверского полка вряд ли осуществимой. Было поздно, времени для разговоров не оставалось. Догорали оплывшие свечи.

Немногие из грузин имели в Петербурге свои квартиры. Большинство из них нашли прибежище у нелюбимых родственников и друзей, поэтому они старались вовремя вернуться домой. Решили, что завтра утром один из членов комитета с бумагой, подтверждающей личность Арадэли, пойдет вместе с Буцхрикидзе освобождать его. Проблему же поезда доверили Господу Богу и счастливому случаю.

Арадэли был без сознания. Порой приходя в себя, он пытался понять, где он и что с ним, но тут же опять погружался в колышущееся марево... Стояло знойное лето. Он лежал на ярко-зеленой траве, и перед ним, раскинувши ветви, словно готовясь пуститься в пляс, стояло обнаженное дерево. Арадэли узнавал деревья только по плодам, и хотя поначалу ему показалось, что он где-то уже видел это дерево, он никак не мог вспомнить, как оно называется. Силясь вспомнить, он напряженно вглядывался в него. Вдруг дерево тронулось и поплыло; в танце он узнал лекури. Дерево поочередно передвигало голые с длинными пальцами потрескавшиеся «ноги» с присохшими к ним комочками земли. Арадэли смотрел, пытаясь уловить ритм этого танца, естественно было предположить, что такому плавному без раскачивания корпуса, с раскинутыми руками, скольжению должны были соответствовать и движения ног, конвульсивные и хаотичные. Неожиданно дерево перевернулось на крону и затрясло в воздухе корнями. С длинных корневищ во все стороны, как весенний дождик, брызнула земля, комья падали, сверкая золотом и серебром. Постепенно звук осыпавшейся земли смолк. Дерево опять стало на «ноги» и начало приближаться к Арадэли, по мере приближения оно все больше походило на пугало. Это очень огорчило Арадэли. Оранжевый холм, зеленая молодая трава... Согнутая в локте, прижатая к груди рука и другая, откинута, как в лекури, черная бедная чоха — дерево выглядело таким жалким, что к глазам Арадэли подступили слезы. Это было бы ужасно, если бы дерево и в самом деле оказалось высохшим. Валико бросился ему навстречу, обнял его и, содрогнувшись, ощутил ссохшееся тело, взволнованный, он прижал его к себе крепче, торопясь, провел рукой по его стволу, чтоб убедиться... Почувствовал сильную боль. Дерево тут же стало наливаться соками, зазеленело, расцвело и уже больше не походило на пугало. Оно вдруг пустило ветви, и вокруг на траву залегла густая тень. Арадэли снова попытался вспомнить, что это за дерево такое, дуб, липа или орех, и снова внимательно пригляделся к плодам. И узнал! Это был орех, плоды его уже почернели и внутри скорлупы чувствовалось какое-то дви-

жение. Внезапно он все вспомнил, узнал грузин-добровольцев с патронташами крест-накрест на груди и расшитыми белым позументом войлочными шапками. Он медленно присел, отер с лица холодный пот. Обрадованный, он вспомнил, что все это уже снилось ему как-то раз в Иране накануне его казни. Утром же произошло чудо — пришедший за ним карательный отряд и курдские надзиратели были так увлечены подготовкой к ритуалу казни, что на несколько минут оставили незапертыми двери. Арадэли случайно прислонился к двери, чтоб подслушать, что там происходит, и вдруг она открылась, — и Валико оказался среди зубоскалящих солдат. Стараясь не привлекать к себе внимания, не торопясь и улыбаясь, он пошел прямо к воротам тюрьмы, здесь застряла телега, и погонщик нещадно ругал часового. Валико было даже смешно, он каждую секунду ждал панического вскрика и представлял себе, с какими лицами бросятся за ним вдогонку спохватившиеся разини. Но чудо продолжалось, он спокойно прошел караульную будку и, только выйдя за ворота тюрьмы, позволил себе побежать. Бежал так, что ничего не слышал, кроме звука собственных шагов и стука сердца. Он даже не понял, была ли за ним погоня... И сейчас та же трава, тот же холм, то же дерево... Он ничуть не удивился, когда в приглушенный гул ворвались деловитые голоса, ничуть не удивился, когда его, обреченного на смерть, выпустили на волю, словно курицу из курятника. В лицо ему плеснуло дневным светом и чистым воздухом. Он прислонился к стене, чтоб не упасть. Тут же кто-то обнял его и засыпал ворохом подбадривающих слов. Валико узнал Буцхрикидзе, понял, что это и есть его спаситель, улыбнулся. Но никак не смог вспомнить его имени. «По-моему, Шакро», — промелькнуло в голове, и он в знак благодарности потерся щекой о его плечо. Еще большую неловкость он почувствовал, когда его, как нашалившего, но прощенного ребенка, с отяжелевшей, обмотанной окровавленной рубахой головой, за руку привели в грузинский комитет. Кружащаяся в хороводе страна отнимала у него возможность действовать независимо. Он поневоле должен был плыть по течению. Без руля и без ветрил.

Для Валико в дом графини привели врача, выкупали, подобрали ему чей-то цивильный костюм, а затем засыпали вопросами. У него вдруг оказалось множество доброжелателей, но Варден Буцхрикидзе был не из тех, кто останется в стороне. Он никому не желал уступать лавры спасителя.

— С ума меня сведут, ей-Богу, эти люди! — разводил он руками. — Мы торопимся на обед к Ишхнели, какое время, господа, задавать вопросы. Валико нуждается в отдыхе!

На протяжении пяти месяцев Ишхнели успели поменять несколько квартир. В первых числах октября, когда еще Димитрий Лебанидзе был с ними, они жили в гостинице «Астория», затем, когда выяснилось, что Ираклию нужно длительное лечение, Лебанидзе поселил жену, тещу и доктора в прекрасном особняке своих близких друзей Беляевых на Садовой, а сам ввиду неотложных дел вернулся в Грузию. После падения Временного правительства Беляевы отправились во Францию, и Ишхнели вынуждены были на какое-то время попросить пристанища у знакомых грузин, где их вскоре постигла большая неприятность — у Нино пропали дорогие украшения. Разумеется, в этом никого нельзя было обвинить. К тому времени и Ираклий выписался из госпиталя и грузинский комитет подыскал им трехкомнатную квартиру на Фурштатской улице, неподалеку от дома графини.

Ираклий был хорошо знаком с Арадэли, наслышан обо всех приключениях, которые ему приписывались, одно время, в период своей учебы в гимназии, даже усы носил, как у своего кумира. Однажды в Тбилиси в «Новом клубе» они играли за одним столом в баккара. Арадэли тогда выиграл большие деньги и тут же, не считая их, подарил только что созданному грузинскому симфоническому оркестру, а партнерам своим сказал: так все будут в выигрыше.

Ираклий отправился в комитет, где снова настоятельно потребовал принять конкретные меры для создания иверского полка. Пока Арадэли перевязывали рану, он нашел Вардена и пригласил через него Валико на обед, а сам, опираясь на палку, и для солидности хромая, вернулся домой.

Буцхрикидзе еще в дороге рассказал Валико все,

что знал о «текущем моменте», в частности, о положении в Грузии, рассказал и о том, что на территории бывшей Российской империи создаются национальные комитеты — армянский, азербайджанский, латышский, эстонский и, разумеется, грузинский. Что в Петрограде уже создан такой комитет и идут переговоры с правительством Смольного о возвращении грузин на родину. И несмотря на то, что для Валико это все было внове и последние месяцы он фактически все время был в ожидании этих вестей, он остался равнодушен к словам Буцхрикидзе. И только раз его обдало приятной волной, когда Буцхрикидзе заговорил о формировании иверского полка и упомянул семью Ишхнели.

Ираклия Ишхнели, одного из своих поклонников, Валико помнил смутно, зато всегда волновался при упоминании имени его сестры, и сейчас он смешался, услышав о том, что она в Петрограде. Хотя, по правде говоря, Нино он видел всего два раза. В первый раз это было в фойе театра, когда их познакомили. Тогда его вдруг обуяло беспричинное веселье и захотелось обежать все здание театра, это ему-то, тридцатилетнему мужчине! Впоследствии он никак не мог вспомнить, что он ей говорил и вообще о чем они говорили, с кем она была, во что одета. Он не смог бы даже сказать, какого цвета у нее глаза, мягко и внимательно смотревшие на него, глубоко запавшие ему в душу. Вторая встреча, если это можно назвать встречей, произошла при следующих обстоятельствах. Валико перевозили из участка в тюрьму в закрытом полицейском фургоне. Лошади медленно тащили фургон, и Валико, чтоб убить время, смотрел в заднее окошечко. Вдруг за фургоном появилась открытая коляска, и Валико даже протер глаза, не почудилось ли ему. В коляске сидела Нино. Она чему-то улыбалась, грациозно склонив голову. Затем, живнув в сторону полицейского фургона, что-то сказала своему мужу. Лебанидзе равнодушно скользнул взглядом по фургону и махнул рукой, откинувшись на спинку сиденья и положив ногу на ногу. Нино, казалось, заметила лицо, прильнувшее к окошечку фургона, она даже слегка подалась вперед, но в темноте фургона невозможно было что-либо разглядеть. Валико знал, что Нино его

не видит, и все же, словно боясь встретиться взглядом, не посмел посмотреть ей в лицо. То, что он глядел на нее тайком, вселяло в него какое-то чувство вины, и все же он не мог оторваться от окошечка. Он поддался уже испытанному раз вольному чувству. От этой женщины шли какие-то незримые лучи нежности и беззащитности, проникающие до самых болезненных тайников его души. Такое безответное и бережное чувство мужчина может испытывать только к божеству или мечте.

Коляска свернула в сторону. Валико бездумно уставился на доски, положенные вместо скамьи. Он был раздражен и недоволен собой. Попытался было отогнать беспорядочные мысли, роившиеся в голове, но они были неотвязны. Вопросы один нелепее другого лезли ему в голову: «Почему ты должен сидеть в полицейском фургоне, а Лебанидзе, закинув ногу на ногу, рядом с этой божественной женщиной? Почему ты безо всякой причины затеял драку с полицейскими? Ты что, правдоискатель? Что тобой двигало? Дешевое тщеславие?! И вообще, чего ты хочешь, что ищешь?» Впервые в жизни Арадэли задавался подобными вопросами. Со временем они все более мучили его, все более непостижимыми становились их тайные далекие истоки. Порой он пытался обмануть себя поверхностными выводами, но кто-то незримый с иронической улыбкой выслушивал и тут же опровергал их. Тогда Арадэли переставал думать о чем-либо и совершал очередные безумства. Но проходило время, и все начиналось сызнова: «Кто ты? Чего ты хочешь, к чему идешь?» И снова блуждание в темноте, растущие тревога и беспокойство, затем полная апатия. Временами, когда его охватывало отчаяние, когда он безнадежно, как насекомое, трепыхался в паутине неразрешимых вопросов, вдруг перед ним вставала увиденная из полицейского фургона картина, и тогда теплое чувство волной разливалось по телу, ему казалось, что у него вырастают крылья и возвращается кипучая молодая энергия и радость.

Семья Ишхнели неодобрительно отнеслась к идее комитета о формировании иверского полка, особенно неприятна им была активность Ираклия в этом вопросе. Но, зная его характер, они остерегались прямого

вмешательства и надеялись воздействовать на него другими путями, предпочитая дискредитировать саму идею создания полка. Увидев, что руководство комитета не проявило особой ретивости в планировании конкретных действий, они рассчитывали на то, что эта идея заглохнет сама собой. Поэтому приглашение Арадэли на обед смешало их планы и расстроило госпожу Шунию.

— Не понимаю, можно же было прежде спросить, есть ли у нас обед, можем ли мы достойно принять кого-либо?

— Да не беспокойся, мама, обойдемся тем, что есть. Нашла тоже гурмана, ему, видите ли, может не понравиться обед?!

— Мне безразлично, понравится ему обед или нет! При чем тут это? Что у тебя общего с этим брандахлыстом и с этой глупостью, придуманной Буцхрикидзе — мверским полком? Скажите, доктор, разве можно ему так много ходить и нервничать? — обратилась она к Квиникадзе.

Доктор Квиникадзе был дальним родственником и лечащим врачом Дмитрия Лебанидзе, мужа Нино. Он приехал в Петербург вместе с семьей Ишхнели для того, чтобы везти домой едва оправившегося от ранения на фронте Ираклия. Кроме Одессы, где Квиникадзе учился в молодости, он ни в одном городе не бывал. Длительное пребывание в чужом городе, непривычная обстановка, революция окончательно сбили с толку и без того не разбиравшегося в политике доктора. Лишенный друзей, любимой работы, доктор чувствовал себя очень одиноким и несчастным. Он с простодушной доверчивостью встречал каждую новость, верил всему, особенно если говорили тоном убедительным. Он склонен был верить Буцхрикидзе. Его успокаивали и вселяли в него уверенность манера разговора Вардена, его целеустремленность, веселый и беспечный смех. Поэтому неуважительное отношение госпожи Шунии пробудило в нем чувство протеста, и он робко возразил:

— Я думаю, госпожа Шуния, что Ираклий себя лучше чувствует, гораздо лучше. И двигаться ему можно. Да.

Неожиданно для госпожи Шунии брата поддержа-
ла и Нино.

— Что теперь говорить, раз уж Ираклий пригласил его, надо подумать, что приготовить к обеду.

— Как хотите, а я и пальцем не шевельну, — обиженно проговорила растерявшаяся госпожа Шуния и села на стул посреди комнаты, скрестив на груди руки.

Но когда Нино, достав припасы, принялась хлопотать, она после целого ряда замечаний и указаний, надев передник и погнав хлопочущих Ираклия и доктора из кухни, сама взялась за стряпню.

Буцхрикидзе и Валико вышли из дома графини, и тут же Вардена отозвал в сторону поджидавший его молодой русский парень. Он что-то горячо говорил ему и тянул его в сторону. Варден что-то резко ответил ему и с виноватой улыбкой повернулся к Валико.

Стояла ранняя весна, но она больше походила на позднюю осень. День был такой сырой, мрачный, пасмурный, что никак нельзя было определить, утро это или вечер. У Арадэли от головной боли звенело в ушах. И даже этот сырой воздух был ему приятен, было приятно четко печатать шаг по чистой, аккуратной булыжной мостовой. Казалось, все его существо возвращается к жизни, какая-то неопределенная надежда волновала его кровь.

Нино по-мужски крепко пожала Валико руку. После традиционных расспросов о житье-бытье все уселись вокруг круглого стола. Арадэли третий день ничего не ел, но сейчас есть не хотелось. Слабость овладела всем его существом, он слышал свой голос словно бы со стороны, издалека. Ираклию очень хотелось создать непринужденную обстановку, поэтому он говорил больше всех, но контакта все не получалось. Госпожа Шуния вообще не слушала Ираклия, Нино отвечала только на вопросы, доктор посматривал на Буцхрикидзе и был близок к панике, поскольку Варден вел себя очень странно. Во-первых, оказывал излишнее внимание этому Арадэли, а во-вторых, был задумчив и неразговорчив. Внезапно он встал, деланно улыбнулся доктору и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Госпожа Шуния, прошу прощения, но мне надо ненадолго уйти. У меня спешное дело. Я вернусь через полчаса. Мы уже договорились, Валико будет жить у меня, пока не поправится.

Арадэли хотел что-то возразить, но Буцхрикидзе не дал ему вымолвить ни слова.

— Ничего не желаю слышать, вы мой гость... Я буду через полчаса.

Обед заканчивался. Нино так ни разу не встретила с Арадэли глазами. Ни разу он не поймал того заинтересованного глубокого взгляда, что, словно подарок судьбы, запал ему в душу при знакомстве. Женщина, которая принимала его теперь у себя, ничего общего не имела с тем добрым, ласковым, лелеемым образом, который много лет так кстати и некстати всплывал в его памяти. Правда, и теперь она была привлекательна, но это была другая, незнакомая женщина. Высокомерная, немногословная, она больше походила на врага. До обеда Ираклий счел нужным предупредить мать, чтоб она была повежливее с гостем, не обижала его. Но все обернулось как нельзя лучше. Госпожа Шуния тут же сложила оружие, как только Арадэли, во время обеда проявлявший традиционную патриархальную воспитанность, в разговоре выразил скептическое отношение к созданию иверского полка.

— По-вашему, Грузия не должна бороться за восстановление своей независимости? — спросил оскорбленно Ираклий.

— Нет, я имею в виду совсем другое.

Валико пытался избежать этого разговора, важного, но болезненного для него, не хотел пустой траты бесполезных и ненужных слов. Он знал, что в том физическом и моральном состоянии, в котором он находился, не сможет эмоционально и убедительно высказать выстраданные им взгляды. Но за столом вдруг стало тихо и молчать долее было нельзя.

— Какой ориентации, по-вашему, должен придерживаться Кавказ, в частности Грузия — южной, западной или северной, от кого вы думаете защищаться? — спросил он Ираклия.

— Разве не оправдала себя на протяжении 100

лет политика Ираклия Второго? Разве она ^{нуждается} в пересмотре?!

— Это нас слишком далеко заведет... Значит, вы считаете, что нам и дальше лучше всего находиться под крылышком России?

— Безусловно.

— Следовательно, нападения на Грузию надо ждать со стороны Турции или Ирана?

— Разумеется.

— Ну тогда все в порядке. С помощью России мы справимся и с Турцией и с Ираном.

— Да, но большевистской России теперь не до нас.

— Вот когда ей будет до нас, нам не поздоровится, — улыбнулся Арадэли.

— Но и мы к тому времени будем сильными и сумеем отстоять свою независимость.

— Насколько мне известно, большинство из политических руководителей Грузии — социал-демократы, которые руководствуются той же идеей классовой борьбы, что и большевики. Это та же обновленная формула Римской империи «разделяй и властвуй», которая и является источником разобщения и внутренних распрей. Проведение в жизнь аграрной реформы основное население — крестьянство — сделает индифферентным к политическому строю. Систематическое отрицание традиций и обычаев народа направлено на уничтожение самобытности, духовных ценностей нации. Нашу религию лишили возможности заниматься национальным делом, православной церкви нечего противопоставить православной церкви другой страны. Вместе с тем, благодаря стараниям иноверцев и атеистов религия имеет сейчас очень мало влияния на современного грузина (наши лидеры считают это прогрессом). Так что же остается из тех национальных ценностей, ради чего может сложить голову грузинский воин? Может, ради двух-трех князей или капиталистов-собственников, большинство которых даже не грузины по происхождению? И потом, можно ли поверить, что Чхеидзе и Церетели, после партийных заданий и съезда, интересуются и делами собственного отечества. Ведь они — порождение русской революции!

— Я думала, вы революционер, — госпожа Шуния накладывала снедь на тарелку гостя. Но ее ра- дость оказалась преждевременной.

— Но разве красная Россия захочет восстановления империи? — упавшим голосом сказал Ираклий.

— Кто знает, может, она потому и «покраснела»?

— Почему же тогда они позволяют нам создать собственную армию?! — воскликнул вдруг доктор.

Прошло и полчаса, и больше, но Буцхрикидзе так и не вернулся. Вино, которое выпил Валико, и которое поначалу взбодрило его, теперь разморило. Ему хотелось выйти на воздух или поспать. Делая над собой усилие, он встал и перешел прямо к делу:

— Я согласен собрать всех грузин, кто пожелает отправиться в Грузию. Будет ли это под знаменем иверского полка или как-либо по-другому, мне безразлично.

Все встали из-за стола. Ираклий предложил Арадали остаться, затем вызвался его проводить. Но Валико не согласился и на это. Когда они уже прощались на лестнице, Нино крикнула матери: «Куда вы его отпускаете, не видите, что ли, он еле на ногах стоит?» Это вызвало легкое замешательство. Госпожа Шуния неловко попыталась остановить Валико, Ираклий повторил свое предложение остаться. Но Валико отказался, еще раз тепло поблагодарив всех, пожал Ираклию руку и откланялся.

Чем ближе был Валико к Литейному, тем больше не хотелось ему туда идти. Но идти ему было просто некуда.

Темнело, и он ускорил шаг, чтобы еще раз не нарваться на неприятность. Нужно было найти себе пристанище. В окне был виден свет, и он поначалу обрадовался, прибавил шаг, но, входя в подъезд, уже знал, что не попадет к финке. Но он все-таки поднялся на второй этаж, остановился у двери, вознамерившись позвонить. Но потом передумал, поднялся немного выше по лестнице и присел на ступеньку. То, о чем еще два дня назад он мечтал, теперь казалось ему омерзительным. Он опять вспомнил пропитанный запахом пота, старой мебели и плесени воздух. И тут же подумал: это из-за моей болезни. И улыбнулся, это была неправда — он вспомнил крик Нино. В это

время ему послышался шум за дверью, он поднялся еще выше по лестнице. Потом решил переночевать на чердаке.

Хоть раз в жизни, хоть на какое-то мгновение человеку открывается смысл его жизни. И если человек поймет и осознает это, озарение может осветить всю дальнейшую его жизнь. Валико показалось, что именно сегодня перед ним встали все те неразрешимые вопросы, которые в течение многих лет опутывали его, не давали спокойно жить. Показалось, что как раз сегодня решается что-то очень важное для всей его дальнейшей жизни. Было время, когда родина, патриотизм в его представлении связывались с пришитыми к чохе погонами, красивыми тостами, сексуальным вниманием женщин другой национальности, европеизированными романсами, певшимися под гитару. Или с беспочвенными претензиями ограниченных необразованных псевдоинтеллигентов, с провинциализмом. Червь сомнения стал подтачивать его интернационализм, когда в один из дней его привели в Садыховский караван-сарай, где тайно собирались люди, оказывающие помощь иранской революции. При входе ему в целях конспирации вознамерились завязать глаза, но это вызвало у него ироническую улыбку: даже если оставить в стороне все прочее — он вырос в этом районе.

Картина, открывшаяся перед ним наверху, напомнила Валико сказки из «Тысячи и одной ночи». На богатых коврах полукругом, скрестив ноги, сидели персидские купцы и пили чай, окна большого зала были завешены коврами, в высоких серебряных подсвечниках горели свечи. Он внутренне подготовился к развлекательному зрелищу. Но оказалось, что все не так. При его появлении принесли богато расшитые подушки, мутаки, с подчеркнутой почтительностью и лаской пригласили его откусать чай. Стало ясно, что они уже наслышаны об Арадэли. Они говорили об идеях свободы, о человеческом мужестве, об интернационализме и вкрадчиво предложили Арадэли план действий. Валико слушал их и не верил, что эти толстосумы с лукавыми глазами, сидящие на набитых золотом и серебром мешках (так ему казалось), могут быть озабочены судьбой простых людей и одержимы идеями

интернационализма. Еще более задумался он, узнав состав добровольцев, с которым его ознакомил сам руководитель иранской революции Сатар-Хан, внешнею очень походивший на тифлисского муллу. Тут были профессиональные революционеры — русские, евреи, грузины, оставшиеся без куска хлеба ветераны японской войны, один бывший грузинский студент и беглые каторжане. Никто из них не был знаком ни с внутренними проблемами Ирана, ни с его народом, ни с его историей. Их участие в этой кампании определялось личными целями — кто-то из них пытался избежать репрессий за участие в революции 1905 года, кто-то хотел заработать, кто-то находился у полиции в розыске.

Однажды ночью во время подготовки наступления на Казвин, в проливной дождь к ним в лагерь пригнали коней. Погонщик — рослый рябой здоровяк оказался грузином. Он привез и письмо командиру отряда и, не дождавшись ответа, ушел в непогоду. Далеко за полночь мучающийся бессонницей, весь в мыслях о предстоящем бое «артиллерист Нико» мимоходом заметил:

— Этот погонщик, это ведь Гигла Бербичашвили — убийца Ильи Чавчавадзе. Социал-демократы скрыли его от полиции, послав сюда.

Арадэли как ужаленный подскочил со своего ложа.

— Убийца Ильи?

— Ну да, чего ты кричишь?

— Он тоже участвует в нашей кампании?

— А что такого? Илья был хорошим поэтом, но убить влиятельного феодала и реакционера не такой уж большой грех.

Эта встреча произвела отвратительное впечатление на Валико и поставила перед ним массу вопросов. Хотя местное население и выделяло грузин-добровольцев среди других участников революции, тем не менее все знали, что вспомогательное движение планировалось из русского революционного центра. Валико был в замешательстве и от того, что персидской революции, или, как некоторые ее называли, «конституционному движению», положили конец посланные русским царем казаки, которыми командовал полковник Ляхов.

— Вот Ляхов показал им почем фунт лиха! — сказал Валико с ухмылкой бывший потемкинский матрос, и от этих слов Валико словно окатили ледяной водой.

Дело было в том, что участнику революции, матросу, стоящему на противоположных казакам классовых позициях, незачем было радоваться тому, что убивали-то бедных иранцев. С этой точки зрения и два с половиной года, проведенных на русско-германском фронте, тоже не прошли для Арадэли даром. Атмосфера, пронизанная патриотизмом, царившая на фронте в кругу бывших офицеров русской армии, неприемлимое отношение к «инородцам», которое было нетрудно угадать, постепенный процесс превращения верующего, довольствующегося малым русского солдата в анархический элемент, что объяснялось преувеличенными восхвалениями в его адрес, — все это окончательно убедило Валико в том, что пришел конец традиционной политике империализма, и Россия в скором времени будет готова к новому прыжку.

...Чердак финки оказался на замке. Валико пришлось прикорнуть тут же, возле кладовки под деревянной лестницей. Было холодно, он постелил на пол шубу, вытащив руки из рукавов, застегнул все пуговицы на пиджаке, поднял воротник и попытался, уткнувшись в него лицом, согреться собственным дыханием. С улицы слышался грохот дребезжащего трамвая — впереди была длинная ночь.

Валико часто думал, что, вероятно, каждому человеку провидение предопределило географию судьбы и жизни. И где бы ни был человек, куда бы ни занесла его судьба, перипетии жизни всегда возвращают его в ту же конкретную географическую среду, в то же конкретное пространство, где, как на сцене, разыгрывается драма его жизни. Теперь, когда ему в голову пришла эта мысль, он опять вспомнил Тбилиси, отпевание Ильи Чавчавадзе в Сиони, лестницу Садыховского караван-сарая, на которую он вынужден был подняться под напором толпы, которая стекалась к Сиони со всех улиц, плачущих, взволнованных людей, отца в черной чохе — седого, нахмуренного, со сжатыми губами Георгия Арадэли. О чем он думал тогда? У семьи Арадэли близ площади, которая сейчас на-

звалась площадью экзарха, был двухэтажный дом. В детстве Валико часто удирал от тетки (мать умерла при родах) и с «сопливыми» (как их называла тетка) соседскими ребятами слонялся по околотку, играл в лахти, артурму, бабки.

Однажды во время игры в лахти во дворе Сиони, когда он в очередной раз увернулся от ремня и подхватил мяч, его окликнул отец, рядом с которым стоял мужчина в цилиндре. Валико затравленно огляделся, назад пути не было. Робея, он подошел к ним и остановился потный, взъерошенный, с опущенной головой. Незнакомый мужчина ласково провел рукой по его волосам и сказал:

— Настоящий мужчина у тебя растет, Георгита, настоящий!

Тогда ему было лет шесть или семь. Позже он узнал, что это был Илья Чавчавадзе.

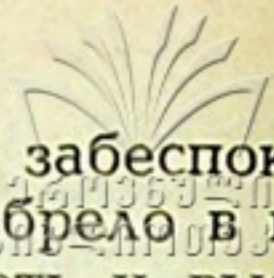
...Внизу кто-то бил ногами во входную дверь.

— Лидка, верни кошелек! — повторял пьяный голос и вслед за этим раздавалась громкая ругань.

Валико вдруг овладела слабость, но головная боль не давала уснуть.

В полудреме ему виделась Нино, полицейский фургон, он вспомнил, что эта встреча произошла у маленького двора Сиони. Сегодня у Ишхнели дома он выяснил, что, когда был в Казвине, Нино с мужем, у которого там было производство, тоже была там. Теперь Петербург... Нужно ли ему возвращаться в Грузию? Возможно ли реальное возрождение национального духа, и что вообще может измениться?.. Но как она крикнула на свою мать... Ах, как все-таки человек глуп...

То, что Буцхрикидзе не выполнил своего обещания и не вернулся к Ишхнели за Валико, имело достаточно веские причины и оправдание. Именно за те полчаса он узнал, что остался без семьи. Соседский парень-сирота, которого Варден привечал и использовал на побегушках, подкарауливал его на Фурштадтской улице, чтоб сообщить неприятную новость, а именно, что варденовский тесть пришел, чтоб забрать свою дочь домой. Поначалу Варден не поверил, подумал, что парень преувеличивает, тесть, наверное, при-

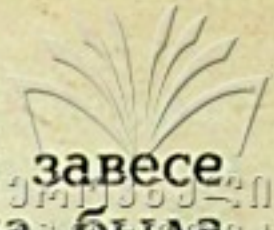

шел проведать свою дочь. Но, подумав, он забеспокоился, кто его знает, что этому русскому взбрело в голову. И счел за лучшее самому посмотреть и выяснить, в чем дело. Подходя к дому, он понял, что мальчик говорил правду, соседи соболезнующе глядели на него, дверь его квартиры была распахнута, а на столе лежала написанная огромными буквами коротенькая записочка: «Извини, мы с папочкой уезжаем за границу».

Первым побуждением его было пуститься в погоню, догнать, избить жену и притащить ее домой. Но по зрелом размышлении он понял, что это было бы слишком похоже на сказку и ничего общего не имело с действительностью. Внезапно он вспомнил о своих сбережениях, которые были припрятаны в спальне. Бросившись туда, он с облегчением вздохнул — все было на месте. Он присел, стараясь собраться с мыслями. «Уехали, и черт с ними, всю жизнь буду безутешен, как же...» — бормотал он. Но, не выдержав, запер дверь и бросился на Николаевский вокзал. Людской водоворот на вокзале, шум, толкотня окончательно отняли у него надежду встретиться с женой. В последнее время чуяло его сердце, что с женой происходит что-то неладное, но приписывал он это тому, что она хочет помириться с отцом. Ну и черт с ними... Варден в сердцах послал их подальше. Может, оно и к лучшему в это беспокойное время. Знакомого дежурного по вокзалу не оказалось на месте, он дежурит завтра, сказали Вардену. Домой возвращаться не хотелось, к Ишхнели идти было поздно. «Может, они и не собираются уезжать, а только дурачат меня», — подумал Варден и направился к дому тестя. В дороге он строил планы, как бросится убивать тестя, а жена на коленях будет умолять его не делать этого, или как он заставит тестя отдать чемоданы с золотом и именем республики арестует обоих, но потом он прощает жену и она, раскаявшаяся, возвращается домой. Нет, нет, он просто плюнет в лицо обоим и вернется домой.

На входной двери дома тестя красовался замок, он обошел дом и пнул дверь ногой.

— Вы что, не видите, что закрыто? — слышался кокетливый голос.

Уже давно стемнело, но порой в плотной завесе облаков на небе появлялись просветы и видна была луна и тогда становилось светло. Перед ним стояла молодая женщина. Он ее и раньше видел здесь, видно, она неподалеку жила. Она встречалась ему и тогда, когда он только собирался жениться. Ему нравилось ее тело, ее походка. И женщина, по всей вероятности, была равнодушна к нему. Увидев его издали, она, как породистая лошадь, играя крупом, проходила мимо, стрельнув в него вызывающим взглядом. Варден несколько раз даже хотел было заговорить с ней, но благоразумие останавливало, не стоило рисковать серьезным делом ради баловства. Но теперь, увидев ее, он обрадовался, крепко схватил ее за руку и пошел рядом. Женщине это было приятно, хотя она слегка опешила от такой внезапной атаки.

— Да как это можно, ведь мы не знакомы, — сказала она, пытаясь высвободить руку.

Варден же что-то бессвязно доказывал, что он давно ее любит, с ума сходит и благословляет сегодняшней случай, посланный ему самим Господом, что все люди смертны, что в мире происходит нечто невообразимое и поэтому не надо противиться природе. «Природа требует», повторял он, потирая друг об друга указательные пальцы обеих рук и заразительно хохоча. Словам Вардена женщина, разумеется, не верила, но все равно слушала его с удовольствием. Чтоб показать свою полнейшую наивность, она сказала, что знакома с его женой. Но тут Варден оскорбился, нещадно обругал жену, тестя, всех родственников, а заодно и соседей.

— Мы уже пришли, дальше провожать меня не надо, у вас будут неприятности, — замедлила шаг женщина и задумчиво и многозначительно посмотрела на него. Услышав это, Варден проявил такую прыть, обнаружил такой темперамент, наговорил такое, чего никак не могла понять ни женщина, ни, наверное, сам Варден. Но из его слов достаточно ясно следовало одно: женщина сию минуту должна пойти к нему домой (он близко живет), должна познакомиться с семьей, с матерью, специально приехавшей из Грузии, которая привезла изумительные яблоки, которая все знает и ждет их. Если же она не пойдет, он тут же

на ее глазах покончит с собой. Это будет именно так! Женщине нравился этот спектакль, нравился этот треп, ломаный русский язык Вардена, она улыбалась его красноречивым жестам и настойчиво повторяемой фразе «природа требует».

— Зайдем на минутку, я познакомлю вас с моей матерью, выпьем по стаканчику хорошего грузинского вина за ваше здоровье, съедим по яблочку и все! — он больше ничего не просит. Женщина колебалась, затем, решившись, произнесла:

— Хорошо, но только на пять минут!

Боясь, чтоб она не передумала, он вел ее, крепко взяв под руку, и, не останавливаясь, говорил до самого дома. Открывая дверь в темную квартиру, он уже готовил объяснение, мол, вход в комнату матери с другой стороны. Но женщина ничего не спросила, ничего не сказала она и тогда, когда Варден зажег лампу и помог ей снять пальто. Снимая пальто и поворачиваясь, Варден невольно коснулся ее груди, ему показалось, что за пазухой у нее два камня. «Вах!» — невольно сказал он и потянулся к ним руками. Женщина ждала этого, но отскочила назад и со смехом сказала:

— Рукам волю не давать!

Варден завертелся как волчок, он достал из шкафа вино, водку и какую-то еду, наполнил стаканы. За первым тостом последовал второй, он выпил сам, заставил выпить и женщину. Разговор не получался. Варден торопился, а женщина сидела неподвижно и насмешливо смотрела куда-то мимо него. Он проследил за ее взглядом и на краю стола увидел записку жены. Схватив ее, разорвал в клочья, выпил снова, женщина, несмотря на настойчивые просьбы, пить больше не стала. Потом он полез к ней, стал целовать.

Поначалу женщина не отвечала, но затем один или два раза так впиалась в него губами, что он даже растерялся. Вскоре они оба были уже голые. Грудь и бедра женщины и в самом деле были словно высечены из мрамора. Заглядывая в висящее над кроватью зеркало, она сказала:

— Ты знаешь, у меня одна грудь больше другой.

Варден набросился на нее, но женщина изо всей силы оттолкнула его. Она была такой сильной, что он

решил сменить тактику. Он обнял ее и пытался уговорить.

— Отпусти меня, — проговорила женщина, с трудом дыша, — я буду кричать.

— Ну кричи, хочешь, я сам закричу, никто сюда не придет. А-а-а, — завопил Варден. Женщина уловила момент, выскользнула из его рук и стала одеваться. Варден выпил еще один стакан. Хмель овладел им. Он снова бросился к женщине. Но она на сей раз была еще более неприступна. Варден устал, не имело смысла продолжать эту борьбу.

— Чего же ты шла, если не хотела?

— А где твоя мать?

— Ох, вашу мать!.. — ругнулся Варден и залепил ей пощечину.

Женщина ни слова не сказала, продолжая одеваться.

— Пошла вон, убирайся отсюда, — толкая, гнал ее к двери Варден, оставшуюся одежду выбросил ей в окно. «Чтоб вы все сдохли», — подумал он и громко по-русски выматерился. Снова налил водки, выпил, погасил лампу и бросился на постель. Вскоре он впал в забытие, затем ему послышался стук в дверь, он проснулся, вспомнил все, подумал, наверное, она вернулась, замерзла или передумала. Он встал, выглянул в окно, но никого не увидел, открыл дверь — никого не было. Он хотел было ее позвать, но вспомнил, что не знает имени. — Эй, кто там? — все же крикнул он в темноту. Но никто ему не ответил. И он вернулся в кровать досыпать.

После ухода Арадэли не успели убрать со стола, как кто-то спросил Ишхнели. Незнакомец, тщательно подбирая слова, говорил на подчеркнуто правильном русском языке, что явно свидетельствовало о его нерусском происхождении. С преувеличенной почтительностью, которая больше походила на буффонаду, он доверительно сообщил Ишхнели, что временно исполняет консульские функции всяческих формирований, а может быть, и государств, в столице бывшей Российской империи. Исключение составляют некоторые частные поручения, что крайне опасно для человека в его положении, но на сей раз просьба, с которой к

нему обратились, исходит от такого уважаемого лица, что у него просто не было морального права отказать. Разумеется, его деятельность носит тайный характер, но вся прелесть состоит в том, что «моя деятельность является секретом Полишинеля», — самодовольно засмеялся незнакомец, представившийся Юзбашевым. Он предложил Ишхнели три билета в вагоне второго класса до Баку. Поезд, предупредил он, секретного назначения, находится под охраной правительства, и один вагон, в который он с превеликими трудностями достал три билета, будет заполнен влиятельными людьми всех национальностей.

— Поезд уходит послезавтра, двадцать первого марта, в десять часов вечера.

— Да, но нас четверо?! — сказала госпожа Шуня.

— Госпожа Шуня, ваше простодушие трогательно. Вы представляете себе, что значит достать три билета на гарантирующий безопасность поезд. Сегодня это не под силу даже Ленину...

— Значит, кто-то из нас должен остаться в Петрограде?! — спросила Нино.

— Господин Лебанидзе через одно влиятельное лицо обратился с просьбой оказать содействие в возвращении его супруги, разумеется, желательно вместе со всем семейством. Но поймите меня, то, что я вам предлагаю, это чудо. Ничего больше я сделать не могу.

— Прекрасно, — поднялся Ираклий, — вы отправляйтесь втроем, а я последую за вами с иверским полком.

— Что ты дурака валяешь, в конце концов! — вспыхнула госпожа Шуня.

Чтоб не обидеть мать, Ираклий извинился перед Юзбашевым и вышел из комнаты со словами: — Делайте что хотите, я не поеду.

— Этих молодых людей надо женить, дорогой Юзбашев, поверьте, никаких драк, дуэлей, революций не будет, и вообще все будет спокойно.

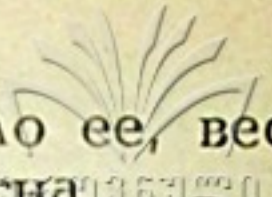
Гость деликатно не обратил внимания на этот инцидент и перешел ко второму пункту своего поручения: он достал пакет с золотыми деньгами и вместе с письмом передал его Нино. Затем привстал и молча во-

просительно поглядел на присутствующих, давая понять, что ждет окончательного ответа. Нино поблагодарила его, взглянула на мать и сказала:

— Если вам нетрудно, зайдите, пожалуйста, за ответом завтра.

— Прекрасно, — кивнул Юзбашев с таким видом, который ясно говорил: не понимаю, такое счастье привалило, чего же тут колебаться.

А происходила удивительная вещь. Ночью Нино приснился эротический сон, да с такими мельчайшими подробностями, что она была в замешательстве. Она чувствовала себя виноватой, словно бы и на самом деле совершила какой-то проступок. И с чего вдруг приснилась ей эта глупость? Почему? Зачем? Ни о чем подобном она никогда не думала. Даже в период созревания, что было бы вполне естественно, она не проявляла интереса к этому вопросу. Девушкой выслушивала от своих сверстниц в свой адрес немало насмешливых эпитетов. Да и одиннадцать лет замужества укрепили ее в мысли, что отношения между мужчиной и женщиной — нечто такое, к чему надо относиться с терпимостью, принимать как неизбежную необходимость. Весь день она не могла обрести былого спокойствия, ее утешало только одно, что объект остался неустановленным, хотя, если бы Нино не проснулась (не вырвалась бы из этого эротического дурмана), кто знает, может, она установила бы и личность своего партнера. В глубине сознания всплывало его имя, но она ни за что бы не призналась в этом даже самой себе. Шесть месяцев, проведенных против воли в Петербурге, революция, которая явственно показала, что возврат к старой жизни невозможен, тоска по дочери, неустроенность, ожидание счастливого случая, натянутость, недоверчивость и неприязненность в отношениях с людьми обострили одиночество Нино. Огромное самообладание потребовалось ей для того, чтоб не упрекнуть Юзбашева в том, что он так долго не приходил. Словно бы он в чем-то был виноват. А капризы Ираклия были последней каплей, и после ухода гостя она принялась жаловаться на свое несчастье, помимо своей воли упрекая всех и вся, что совсем было ей не свойственно. И то, что она говорила

вещи несправедливые, еще более расстроило ее, весь вечер она проплакала, а ночь провела без сна.

На следующий день рано утром Ираклий Ишхнели отправился в комитет. Там Коркия, Черкезишвили, Авалишвили и Чкония беседовали с несколькими солдатами. Это были вернувшиеся с фронта грузины, мечтающие вернуться на родину. Узнав, что «национальный комитет» создает иверский полк, они пришли, чтоб узнать о нем поподробнее. Приход Ишхнели всех обрадовал. Члены комитета занялись составлением плана совместного с армянским комитетом заседания, а солдат, большинство которых были мтиулами, перепоручили Ираклию. Пришел и Валико Арадэли, с ввалившимся, лихорадочно блестящими глазами, заострившимся носом, нахмуренный.

— Что тут происходит? — спросил он Ираклия после приветствия.

— Готовятся к совместному заседанию грузинского и армянского комитетов, хотят выработать единый план действий на случай, если немцы займут Петроград.

Валико насмешливо улыбнулся:

— Если мы хотим создать полк и если нам и вправду из Смольного обещают помощь, в первую очередь нам надо попросить аванс, разумеется, и оружие. Для этого нужно составить документ, найти человека, который будет этим заниматься.

— Этим должно заняться руководство комитета.

Валико неопределенно качнул головой.

— Поручите это дело мне, дорогой! Я — «мужчинский челавэк» — осклабился и ударил себя кулаком в грудь чернявый со сверкающими глазами солдат.

Солдаты засмеялись, чернявый с улыбкой оглядел своих. Затем полусерьезно, полуплутиливо крикнул одному из них, что был поближе:

— Чего смеешься, убирайся отсюда, дурак!

— Посмотрим, — сказал Валико и, нетвердо держась на ногах, пошел из комнаты, но на середине у него подкосились ноги и он упал, потеряв сознание.

Ему дали понюхать нашатыря, дали воды и, несмотря на сопротивление пришедшего в себя Валико, уложили его в отдельной комнате. Врач, который ос-

мотрел его, сказал, что у него, по всей вероятности, заражение крови.

У Арадэли началась лихорадка.

За те пять лет, что Варден жил в Петрограде, первый раз ему утром не хотелось вставать. Когда бы он ни заснул, хоть за полночь, в шесть утра он всегда был на ногах. И сегодня он проснулся, как всегда, долго крутился в постели, пытаюсь снова уснуть, и наконец заснул. Он хорошо выспался к тому времени, когда в дверь постучали. Это был курьер из комитета, который передал ему просьбу председателя Кордия непременно зайти на Фурштатскую улицу. В одном нижнем белье слонялся Варден из комнаты в комнату. Непривычная тишина, беспорядок, безделье угнетающе действовали на него. Он даже слегка испугался: «Что я тут делаю? Кто я и зачем я тут?».

Затем он поспешно, словно бы кто-то подгонял его, оделся, умылся. Перебирая в уме всех своих петроградских знакомых, он соображал, к кому из них можно пойти и хоть чем-нибудь заняться.

В доме у тестя он познакомился с одним богатым армянином-лавочником, который просил иметь его в виду, если подвернется какое-нибудь дельце. Когда Варден приходил к нему, тот всячески пытался угождать ему, всегда угощал его то хорошим вином, то острыми кавказскими блюдами или сладостями. Вардену очень нравилось это. «Пойду к нему, пока он не узнал, что со мной стряслось, одолжу у него денег и не отдам, ведь он мне дает из уважения к тестю, а я не верну». Деньги ему были не нужны, но он хотел навредить тестю. И он отправился прямо к нему. В подвале, кроме трактирщика, никого не было. В небольшую бутылку, стоявшую на прилавке, он заливал фруктовое вино. Он мельком взглянул на спускавшегося по лестнице Вардена и продолжил свое дело. Варден решил, что он его не заметил, и громко поздоровался.

— Здравствуй, Варден-джан, здравствуй, — сказал равнодушно трактирщик и вынес пустую бутылку в кладовку.

Он долго не выходил из кладовки. «Он уже знает, — подумалось Вардену. — Денег у него не возьмешь!»

И все-таки он не уходил. Дождавшись его, он с нотками угрозы в голосе сказал:

— Ну ладно, Микич, я пошел.

— Захаживай, Варден-джан, захаживай, — сказал ему вслед Микич.

Идя в комитет, Буцхрикидзе размышлял, не пойти ли ему на службу правительству, к грузинским большевикам. Он же со всеми знаком, ему не откажут в хорошем месте. Нет, нет, это все пустое, вот если бы это пять лет назад случилось, тогда другое дело. А сейчас, когда он почувствовал вкус к жизни, начинать все сначала, нет и нет! Правда, сердцем Варден понимал, что все изменилось, но поверить в то, что все его труды, все, ради чего он жил эти пять лет, пошло прахом, и разрушение этой изначально упорядоченной страны провидение ли, человеческий ли разум предоставили таким темным людям, как его сосед? Все бегут за границу, почему бы не псехать и ему? Кое-какие сбережения у него есть, завел бы там какое-нибудь дельце... Но как быть с языком, вот в чем беда! Ох, попался бы ему в руки тесть, с каким удовольствием он бы его отдубасил.

В комнате председателя было многолюдно. Какой-то священник, стоя посреди комнаты, что-то читал.

Коркия благодарно кивнул Буцхрикидзе и глазами показал, садись, мол, скоро заканчиваем. Тот сел в кресло возле двери и с преувеличенным вниманием стал слушать:

— Среди знатных грузин возродился боевой дух, который в прошлом жил в их предках, — священник не успел закончить фразы, как Коркия поднялся, прошел сквозь ряды слушающих и, взяв под руку Буцхрикидзе, вышел вместе с ним из комнаты.

— Варден, дорогой, от тебя зависит судьба эвакуации грузин. Если ты согласен сделать это великое дело, ты должен отправиться в Ярославль. Комитет выяснил, что в Ярославле застрял и стоит без дела снаряженный в Баку санитарный поезд. Ты должен во что бы то ни стало пригнать этот поезд сюда.

К Коркия присоединились и Чкония с Черкезисвили. Они живописали Вардену, что означал целый поезд для грузин, жаждущих вернуться на родину.

И это дело, сказали они, может повернуть только Варден. Они намекнули и на вознаграждение.

— Дело вовсе не в вознаграждении, — возразил Варден. — Со мной и разговаривать не станут. Кто я такой — без документов, без власти, без знакомств? Можно подумать, что у меня в кармане николаевские червонцы, чтоб их соблазнить?! Не так ли, господин Лади?

Из-за упрямства Ираклия Ишхнели вынуждены были отказаться от услуг Юзбашева. Очень скоро стало известно, что красная Россия закончила переговоры в Брест-Литовске и заключила перемирие с Германией, поэтому Смольный уже не был заинтересован в создании иверского полка. Тем более, что вовсю уже шла организация регулярной Красной Армии. Таким образом, начинание фронтовиков-грузин провалилось. Хотя несколько десятков солдат где-то по счастливой случайности раздобыли одну теплушку и умудрились прицепить ее к какому-то товарному поезду.

«Вот если бы вы послушались меня и уехали, — оправдывался Ираклий, — я бы отправился следом за вами в этой теплушке».

Город полнился слухами. Говорили, что начнется красный террор, все несоветские организации будут объявлены контрреволюционными и ликвидированы.

Из Закавказья доходили скудные сведения о том, что Россия будто бы незаконно, по своему усмотрению, распорядилась судьбой Грузии. Авалишвили опубликовал специальную статью в журнале «Международная политика» о пункте Брест-Литовского договора, касавшемся Кавказа. Ходили слухи, что по условиям этого договора Грузии возвращены Батуми и Карс. Но так или иначе, большевики с облегчением вздохнули, избавившись от внешнего врага, и принялись устраивать запутанные дела внутри страны. В городе участились аресты, обыски, митинги, собрания. Была организована какая-то «Чрезвычайная комиссия», членам которой давалось право именем революции расправляться с гражданами. Запасливые крестьяне и спекулянты обогащались, торгуя хлебом и продуктами, но большевики ввели за это расстрел.

Все настолько запуталось, настолько было взаимосвязано в силу тоталитарного режима, что русский интеллигент, не эмигрировавший за границу, мог спастись от голодной смерти, в прямом значении этого слова, только став на службу новой власти.

Одного аббата, свидетеля Французской революции, спросили, что он делал во время революции. «Я жил, господа, всего лишь жил». Но этот ответ, на наш взгляд, требует небольшого уточнения: да, но как, чем вы питались, позвольте вас спросить, господин аббат?

Лади Чкония вообще считал, что Россия обладает удивительным талантом присваивать и наследовать достижения и открытия всех народов. Всякое явление, политическое, культурное или научное, переделанное на русский лад, хоть и становилось менее привлекательным, но зато обретало большую глубину и содержательность. Текущий момент русской политики Лади сравнивал с периодом диктатуры якобинцев. Поэтому он совсем и не удивился, когда советские власти в один прекрасный день вознамерились закрыть, как бесполезное, издательство «Огни». Правда, это создало новые трудности для Лади Чкония — нужно было думать о куске хлеба — но в конце концов не могло же это положение длиться бесконечно? И несмотря на то, что он находил целесообразными все меры нового правительства, сотрудничать с ними он считал ниже своего достоинства.

Не прошло и недели после того, как Буцхрикидзе согласился отправиться в Ярославль, а грузинскую колонию потрясали одна сенсация за другой.

Как-то раз вечером правление комитета рассматривало текущие вопросы в комнате у председателя. Дверь открылась, и вошел Буцхрикидзе, поздоровался со всеми и, не дождавшись приглашения, уселся в кресло. Все переглянулись.

— В чем дело, Варден, почему ты не уехал? — спросил Коркия.

— Господа! — привстал Варден. — Я долго думал над вашим предложением, порасспросил знакомых... Нет, это дело не выйдет... Вы что шутите?! До Ярославля отсюда самое меньшее тысяча верст, да обратно тысяча... Две тысячи верст в наше время?! И потом, мой, что ли, этот поезд, и документа никакого

нет, похитить его прикажете? И вообще, стоит он еще там или нет, Бог его знает, или вы думаете, они ждут, когда Варден за ним приедет?

— Попытка — не пытка. Кроме тебя, это сделать некому, в случае неудачи у нас хоть совесть была бы чиста, — грустно проговорил Черкезишвили.

— Да, может, ты и прав, это сказка, но у нас была хотя бы слабая надежда на тебя, — добавил Коркия.

В комнате воцарилось молчание. Варден хитро оглядел всех и расхохотался.

— Так вот, раз это сказка, — отправляйтесь на Финский вокзал и полюбуйтесь на санитарный поезд, который дожидается вас в одном из тупиков.

На следующий день случилось не менее удивительное событие. Абель Енукидзе выполнил свое обещание и дал формальное разрешение на отправку в Грузию санитарного поезда № 113 с условием, что комитет возьмет на себя обязательство вернуть его. В комитете все пришло в движение. Администрация железной дороги потребовала список больных, отправляемых санитарным поездом, с указанием диагноза. Доктор Квиникадзе словно заново родился. С большим журналом в руках он носился по дому графини из комнаты в комнату и рядом с фамилией вместо имени писал диагнозы по-латыни.

Всех, кто отправлялся этим поездом, предупредили, чтоб 28 марта они явились, имея с собой как можно меньше багажа, к главному входу на Финский вокзал. Санитарный поезд обслуживали пленные австрийцы и венгры, и им поручалось размещать грузин в поезде без излишнего шума, стараясь не привлечь постороннего внимания.

Руководство комитета до последней минуты боялось, что какое-либо ведомство, учреждение или влиятельное лицо отнимет этот подарок судьбы, драгоценный поезд. Все пришли раньше назначенного часа. Не было только Арадэли, который по алфавиту и из-за болезни был записан первым. Все эти счастливые совпадения — и то, что достали поезд, и то, что получили разрешение, и организованная посадка, и чистенькие вагоны — все создало у грузин впечатление, что вернулись старые времена. Где-то далеко, в кубан-

ских степях, шла гражданская война. Кто-то говорил, что большевики совершенно очистили от корниловцев Екатеринодарский край, кто-то говорил обратное. Но все эти слухи были настолько туманны, противоречивы и далеки от реальности, что природа человека, его желание оградить себя от всяких нежелательных представлений брали свое, и среди грузин царило приподнятое настроение.

В очередной раз проверяя список пассажиров, Квиникадзе добавил к нему еще две фамилии: Буцхрикидзе — «люэс», Чкония — «шизофрения».

В купе у Ишхнели шла подготовка к долгому путешествию. Из саквояжа достали постели, свежее белье, домашние платья. Госпожа Шуния устроила себе уголок на нижней полке. Прислонившись спиной к скатанной постели и подложив под голову маленькую подушечку, она утомленно прикрыла глаза. Поздно ночью поезд тронулся. Нино, Ираклий и пришедший к ним в купе, чтоб сообщить последние новости, доктор Квиникадзе думали, что госпожа Шуния спит. Но при первом же толчке паровоза она привстала и затянула кахетинскую «Мравалжамиер».

Поезд вместил всех желающих вернуться в Грузию, но в вагонах все же было просторно, что лишало душевного спокойствия привыкших за последние годы к тесноте и ко всяким невзгодам пассажиров.

Арадэли, Буцхрикидзе и Чкония разместились в одном купе. Всего два дня как Валико поднялся на ноги и чувствовал себя гораздо лучше. Чкония решил вернуться в Грузию после того, как закрыли издательство и исчезла перспектива жить, не вмешиваясь в политику. Тогда он решил вернуться в Грузию, чтоб лидерам, с которыми он хорошо был знаком еще со времен своего пребывания в социал-демократической партии, дать кое-какие советы и наставления. В частности, он считал, что Грузия должна находиться под покровительством большевистской России, а не какой-либо западной страны. Буцхрикидзе с шумом ходил из вагона в вагон. Все знали, что от него сбежала жена, и именно это считали причиной его решения вернуться в Грузию. Хотя каждому, кто, на взгляд Вардена, интересовался этим, он плел небылицы. Если же замечал, что не переубедил собеседника, то

отделялся шутливой фразой: «Имею же я право покататься на с трудом добытом мной поезде?»

Санитарный поезд № 113 беспрепятственно оставлял за собой опустевшие станции средней полосы России. Порой у какой-либо станции по инерции выходил дежурный с зеленым флажком в руках, или путевой обходчик провожал взглядом врисованный в белый круг красный крест и полумесяц. Железная дорога была похожа на высохшую в засуху реку.

В поезде пока не ощущалось недостатка в продуктах. Часть из них была еще из петроградских запасов, часть покупали у обслуживающих поезд австрийцев и венгров. Цены на продукты в различных городах, через которые проезжал поезд, сильно колебались, и поднаторевшие в таких делах пленные австрийцы и венгры, не упуская представившуюся возможность легкой наживы, развернули оживленный товарообмен с беспечными грузинами.

Госпожа Шуня постаралась создать в купе домашний уют. На окне появились красивые занавески, на постели — атласное вишневого цвета покрывало, белая с мережкой скатерть покрыла столик. На столе в бутылке стояла зеленая веточка, которую с почтительностью преподнес госпоже Шунии старый ее поклонник Чкония, как она называла его, «мой ухажер». Одно из пустующих купе она превратила в кухню, в которой даже стояла «буржуйка» — подарок Буцхрикидзе. Так что все, как и встарь, собирались на чашку чая. По настоянию госпожи Шунии порой играли в карты, в основном в подкидного дурачка. Валико раз и навсегда попал в тройку, играющую против Нино, что отбило у него охоту выигрывать. Когда он играл с ней один на один, то незаметно для нее старался проиграть. И Нино со своей стороны играла очень невнимательно. Ходы их напоминали ходы новичков. настолько они были бессмысленны. Каждый их промах вызывал громкие замечания партнеров. Вечерами разговоры чаще всего велись о политике. Спор обычно начинали Ираклий и Чкония. Ираклия раздражал ход мыслей Чкония, он считал предательством его терпимость и примирительное отношение к большевикам. Еще в Тбилиси, в Грузинском клубе

Ираклий проникся национальными идеями, но не успел сжиться с ними. Не успел ничего сделать для отечества. По окончании Кадетского корпуса его прямо с Головинского проспекта отправили на фронт. Но постоянная забота о сохранении жизни, однообразие военных будней уничтожили в нем то удивительное, кружащее голову ощущение обеспеченной жизни, которое он познал в Тифлисе. Ираклий принимал активное участие в демонстрации, которую вызвала ссора поручика-грузина с русским штабс-капитаном. Тогда понадобилось вмешательство экзарха Грузии, его высокопреосвященства Иннокентия Беляева для того, чтоб предотвратить кровопролитие, в которое грозил перерасти этот стихийный протест.

Господин Лади, вперив взор в окно, старался не смотреть спорящему с ним Ираклию в лицо.

— Русская отечественная бюрократическая система требовала таких же прочных бюрократических форм. На сегодняшний день мы все оказались нищими — ни подлинной демократии, ни подлинной интеллигенции. И прекрасно, во всяком случае, нам больше нечем обманывать себя.

— Господин Лади, а к кому вы себя причисляете — к русской или грузинской интеллигенции?

— Интеллигенция во всем мире — это одна нация.

— Иными словами, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»? Так что ли?

— Это единственный путь к уничтожению войны и кровопролития.

— Вы хотите, чтоб русские стали гегемонами.

— Главное, чтоб в мире установилась гармония. Кто тогда с русскими будет считаться?

Игра в карты, разговоры о политике, чай, испеченное госпожой Шунией печенье — Валико все равно было чем заниматься, лишь бы находиться здесь, в этом тихом, теплом, ароматном и пьянящем уютном уголке, лишь бы чувствовать близость Нино, смотреть в ее затуманенные печалью умные глаза, угадывать любое ее желание, проникнуться ее настроением. Валико слепил нежный румянец, которым загоралась ее кожа от улыбки, пьянило ее стройное тело, маленькая, как у девушки, грудь, грациозные движения. Он был

согласен на все, лишь бы не кончалась эта похожая на сон поездка.

Разумеется, все это не осталось незамеченным. Однажды госпожа Шуния сказала Нино: «Господин Арадэли влюблен в тебя по уши».

Доктору Квиникадзе уже было не до Ишхнели. Он наконец нашел себя, что называется, переселился в операционную, где день и ночь принимал больных, которых вдруг стало очень много, вероятно, от безделья.

У Вардена были серьезные причины для беспокойства. Он не сумел надежно припрятать сокровища, которые вез с собой в Грузию. Довольно-таки увесистый мешочек, набитый золотыми деньгами и драгоценностями, он спрятал в пустом купе последнего вагона, но сердце его было беспокойно. Эти австрийцы и венгры повсюду сновали как крысы и, того и гляди, могли обнаружить засунутый под постель мешочек. Днем Варден крутился возле этого купе, ночью же просыпался от каждого подозрительного шороха. Он несколько раз думал было перенести мешочек в свое купе, но, поразмыслив, оставил его на прежнем месте — он понимал, что в такое время самую страшную опасность для жизни человека представляли именно такие сокровища. После долгих колебаний он решил спрятать свой клад в операционной. Главным образом поэтому он и попытался изменить свои отношения с Квиникадзе. Свой шуточный тон он подсластил лестью. Никто не знал, как не знают и авторов анекдотов, кто распространяет новости, сплетни, от кого исходят биографические сведения о пассажирах поезда. Теперь разговоры шли о Буцхрикидзе. И удивительно — то, что о нем рассказывали, соответствовало действительности. Особое внимание уделялось побегу его жены. Поговаривали и о том, что он везет с собой клад. Варден сразу же услышал переползавший из вагона в вагон шепоток. Пока говорили только о побеге жены, он отделялся шуточками, но клад?! Он решил немедленно пресечь эти толки. Начать надо было с семьи Ишхнели. Если там слухи не подтвердятся, болтовню остальных пассажиров сочтут сплетней. По правде говоря, ему было наплевать, что говорят, но если дело не ограничится болтовней?

Если кто-нибудь ограбит его? Или если сплетня дойдет до властей? Да, конечно же, сплетня, откуда у него, скажите на милость, клад? Он же все оставил жене, пристыдив тестя и всю его родню... Вот как должны думать все. Варден ждал удобного случая. Застав вместе Ишхнели, Арадэли и Чкония, он тотчас вошел к ним в купе. Поезд только тронулся с очередной станции. Госпожа Шуния стояла у окна и, оглядывая каждый уголок убегающей платформы, слегка растерянная, говорила: «Она просто не успела прийти, видимо, далеко живет».

Все смеялись. Оказалось, что госпожа Шуния, как только поезд остановился, подозвала к окну пожилую женщину, стоявшую на платформе, и спросила, не может ли та принести мешок картошки. Женщина недоверчиво качнула головой, давая понять, что не хочет иметь дело с подозрительными людьми. Госпожа Шуния не отставала: может, достанешь, говорила она, ты, видать, близко живешь, если успеешь — принеси, а деньги я дам тебе вперед, если не хочешь денег, дам золото. Женщина заинтересовалась и, подойдя поближе к окну, заглянула в купе. Увидев, что там, кроме госпожи Шунии, никого нет, она спросила: что за золото? В ответ к ее ногам на платформу упали желтые, как кукурузные зерна, пуговицы, соединенные цепочкой. Женщина, схватив пуговицы, огляделась, перекрестилась и скорым шагом ушла.

— Я же не выбросила вторую, — оправдывалась госпожа Шуния, — зачем ей одна подвеска?

— И мне тоже не понадобится одна, — иронизировал Ираклий, — можешь ее тоже сменить на второй мешок картошки.

Обстановка показалась Буцхрикидзе подходящей. Надо будет подобрать соответствующие выражения и обдумать ответы. Он должен сказать это между прочим, к слову, раз речь зашла о драгоценностях. Но сказать коротко и убедительно. «Я тоже швырнул свои сбережения и золото тестю и жене, пусть не говорят, что я разбогател благодаря им». Первой откликнется госпожа Шуния. Обескураженная своим необдуманном поступком, она преувеличенно радостно скажет: «Вы поступили благородно, Варден, вы просто молодец!» Все воздержатся от высказываний, но

Чкония все же не выдержит и съязвит что-нибудь этакое: «Остался бы в Питере, хуже тебе от большевиков бы не было».

— Если бы я хотел хорошей жизни, я бы отправился за границу, сегодня же каждый истинный грузин стремится в Грузию, не правда ли? — спросит Варден у Ираклия. Ираклий не останется равнодушным к такой постановке вопроса и поддержит его.

Нино не станет вмешиваться в разговор, но все же найдет способ выразить свое недоверие: «Очень хитра, чертовка». В этом и заключается самая большая опасность, потому что поведение Нино будет всегда неожиданно. Госпожа Шуния простодушно спросит, что это были за драгоценности, что именно он оставил жене, неужели ничего не оставил себе? Тут нужно суметь пропустить вопрос мимо ушей, начать валять дурака, пошутить, а затем слово в слово повторить первую фразу. Валико можно не принимать в расчет, он просто пьян от Нино и своей болезни.

Все произошло именно так. Госпожа Шуния, словно ей кто-то подсказал, произнесла то, что хотел услышать Варден. Чкония тоже оправдал надежды, Ираклий с непредусмотренной фамильярностью хлопнул его по плечу и провозгласил: «Родина зовет своих сыновей!» Нино встала и вышла в коридор: «Клянусь прахом отца, я не вру», — сказал Варден. На мгновение воцарилась неловкая тишина. Затем госпожа Шуния спросила: «Красивые вещицы были у тебя, Варден, или только деньги?»

— Снег, снег идет, — вскричал вдруг Варден. Все бросились к окну. Поезд замедлил ход и вскоре остановился. В природе еще не чувствовалось весеннего тепла, но ветер уже разметал снег и видна была земля. Обнаженная, хмурая, она словно бы ждала очередного насильника. Перед окном Ишхнели возник островок снега. На крошечном пригорке белые от снега три ели, словно в хороводе, окружали нежную стройную березу. Из подножья холма выбивался родник, прихотливой лентой огибавший снежную поляну, лежащую ковриком посреди безбрежной бурой земли. Этот крохотный островок нетронутого снега выглядел вызывающе и в то же время обреченно —

еще немного, и он сгинет без следа, как краса непорочной перезрелой девы.

Пять дней они уже были в дороге. По разным причинам они подолгу стояли на некоторых станциях, но пассажиры из поезда не выходили, — не хотели даже ступить по чужой земле, чтоб не быть обвиненными в чем-то. А здесь, как только поезд остановился, Буцхрикидзе кубарем покатился в снег, остальные, как дети, с шумом высыпали за ним. Выскочили пассажиры и из других вагонов, со смехом и шутками неожиданно стали играть в снежки. Что-то крича и смеясь, из вагона выпрыгнул Арадэли, как вдруг прямо в лицо ему угодил снежок. Он оглянулся и наткнулся на озорной взгляд Нино. Со снежком в руке он бросился к ней. Нино ждала, не двигаясь, чувствовалось, готовила какой-то трюк против нападающего. Только Арадэли приблизился, как Нино сорвалась с места, отбежала в сторону и опять остановилась. Запыхавшийся Валико подбежал к ней и остановился как вкопанный, встретившись глазами с Нино. Она смотрела ему в глаза так же, как некогда, как в первый раз. Валико выронил из рук снежок и потянулся к ней. «Мама и Ираклий смотрят на нас из окна», — проговорила Нино и пошла к поезду.

Паровоз свистнул, и пассажиры побежали к вагонам. Поезд уже давно погромыхивал в привычном ритме, когда Варден во всеуслышание произнес подготовленную фразу: «Вот так вот, господа, конечно, я швырнул ей все, что имел, не мог же я позволить русской девке болтать обо мне?» — И через силу засмеялся.

Все собрались в купе у Ишхнели, пришел даже Квиникадзе и стоял у открытой двери.

Валико медлил, не знал, идти ему или нет, как вести себя. Предупреждение Нино наполнило его радостью. Он был растерян, прорвался заколдованный круг, мечта его начинала сбываться. Что-то изменилось вдруг вокруг, и в нем самом, в его обессиленном болезнью теле что-то зашевелилось, словно бы вдруг вспыхнули и заплясали светлячки, словно бы чувства, дотоле дремавшие где-то в глубине, вдруг разом проснулись и потребовали свое. Ее слова, связавшие их

как двух заговорщиков, волнение ожидания, страсть, блаженный трепет — все перемешалось.

Квиникадзе обошел всех и предупредил: поезд до Ростова сопровождает отряд красноармейцев, и по их распоряжению надо сдать оружие тем, у кого оно есть, они будут обыскивать.

«Зачем эти обыски? Конечно, сдадим!» — вскричал Буцхрикидзе.

— Я не сдам, — сказал Ираклий.

— Не сдашь, и нас прирежут, как кур, — рассердилась госпожа Шуня. — Что вы скажете, Валико?

— Не знаю, госпожа Шуня, — начал было Валико, но, встретив напряженный взгляд Нино, добавил: — Разумеется, не надо.

— Я не сдам оружие, — упрямо повторил Ираклий и переложил завернутый в носовой платок револьвер из-за пазухи в карман галифе.

— До обыска дело не дойдет. Во-первых, мы больные, у нас есть бумага из Смольного, а во-вторых, если уж на то пошло, мы сами соберем оружие и отнесем им, — волновался Буцхрикидзе.

— Правильно, лучше мы сами отнесем. Пойдем с мной, надо и другим объяснить, — взмолился Квиникадзе, обращаясь к Вардену.

В купе остались госпожа Шуня, Нино, Ираклий и Валико.

— Можно подумать, ты один сможешь держать оборону, — как о чем-то уже решенном сказала госпожа Шуня, принимая предложение Буцхрикидзе как нечто само собой разумеющееся.

Затем в купе состоялся следующий разговор.

Нино: — Все потеряло свой изначальный смысл, предметы словно бы оторвались от земли и беспорядочно носятся в воздухе.

Валико: — Это до тех пор, пока вы не расположите их в новом порядке.

Нино: — А что такое этот новый порядок?

Валико: — Это похоже на восход солнца в душе человека, который вдруг заставит заблестеть все вокруг.

Нино: — Для нас эти особенные условия могла создать разве что революция.

Ираклий: — Особенности условия создались сейчас

не только для грузин, но и для всех «инородцев» Российской империи.

— Дай нам доехать до Грузии, дорогой, а потом, если хочешь, хоть бомбу клади в карман своего галифе, слава Богу, он такой, что и бомба влезет, — не могла успокоиться госпожа Шуния.

Валико заметил в глазах Нино веселые искорки и горячо произнес: «Хотя бы ради этого стоило, чтоб свершилась революция».

Внезапно в коридоре послышались тяжелые шаги. Дверь купе открылась, в проеме появился высокий мужчина в кожаном пиджаке, рядом с ним молодой парень с грудью нараспашку, за ним виднелась группа солдат. Мужчина в кожаном пиджаке пытался придать себе суровый вид, но не мог скрыть своей растерянности. На парне была надета дорогая меховая ушанка задом наперед, и уши у нее стояли торчком, как рога, видимо, это должно было означать его удаль.

— Именем советской власти прошу сдать оружие, — сказал мужчина в кожаной куртке.

— По-хорошему, — добавил парень, артистически закрывая глаза.

В купе воцарилась напряженная тишина. Рука Валико скользнула к карману сидящего рядом Ираклия, затем он вскочил и, подняв руки, шагнул к мужчине в куртке.

— У нас нет оружия, пожалуйста, общите.

Его вывели в коридор и обыскали, затем обыскали Ираклия. Ничего не нашли.

Мужчина в кожаной куртке мимоходом обшарил постели. Уходя из коридора, парень крикнул Валико:

— Опустите руки, идол!

Все преувеличенно громко засмеялись, обрадовавшись, что так мирно все закончилось.

— Какой хриплый и неприятный у него голос, — заметила госпожа Шуния.

— Сорвал на митингах, наверно, — сказал вдруг появившийся Чкония, которого только что впустили в коридор.

Когда все успокоились, в купе Ишхнели возник ожесточенный спор, куда девать револьвер, который Валико вновь вернул Ираклию.

— Выкиньте эту паршивую железяку, — шепотом кричала госпожа Шуня.

Заложив руки за спину, Ираклий, которого обезоружили действия Валико, обиженно молчал, как ребенок, у которого собираются отнять игрушку. Он был оскорблен, что ему не дали проявить мужество, оказали покровительство. И в то же время его подбодрила находчивость Валико.

— Мама, я прошу тебя, не вмешивайся ты в эти дела!

— Нет, но для чего он, скажите мне, пожалуйста, господин Лади?

Господин Лади приподнял густые брови, вытянул губы трубочкой и подался вперед. Он стал похож на сову.

— Оружие обязывает нас действовать. Какой смысл...

— Смысл в том, чтоб принести себя в жертву Грузии, — оборвал Ираклий Валико.

— Во имя высоких идеалов столько совершено зла, что, быть может, борьба за зло вызвала бы не больше несчастий, — раздумчиво проговорил Чкония.

Внезапно госпожа Шуня выхватила револьвер из рук Ираклия и бросилась из купе. Ираклий вспыхнул, словно ему вlepили пощечину, привстал и схватил мать за руку. Госпожа Шуня сопротивлялась. «Ираклий, Ираклий!» — послышались голоса. Ираклий, выйдя из себя, закричал: «Брось оружие, я тебе говорю, брось!» Внезапно, резко взмахнув рукой, он ударил локтем стекло. Стекло со звоном осыпалось на рукав платья госпожи Шуньи, развевающаяся занавеска окрасилась красным. После бестолковой суеты в купе наступила тишина. Господин Лади перевязывал рану госпоже Шуньи. В углу нижней полки притулился бледный как полотно Ираклий. Револьвер лежал на столе. Арадэли как-то раздраженно взял пистолет и, положив его в карман, вышел из купе.

— Мы еще не воюем, а кровь уже льется, чтоб они сдохли, сдохли, сдохли! — чувствуя себя виноватой, в сердцах проговорила госпожа Шуня.

Арадэли стоял у открытого окна вагона и, держа руку в кармане, трогал револьвер. Ветер бил ему пря-

мо в лицо. Поезд, покачиваясь, шел вдоль насыпей щебня и скалистых обломков. Валико вспомнил случай, рассказанный ему в госпитале. К Николаю Второму явились, оказывается, депутаты Шульгин и Гучков с требованием отречься от престола. Свидетели этой унижительной сцены, два казака, говорят, обратились к царю с просьбой: «Прикажи, царь-батюшка, убить их». «Все суета сует, и ныне поздно все», — грустно ответил Николай. Затем Арадэли вспомнил одно из нелегальных собраний в Тбилиси. Несколько рабочих-активистов железной дороги, безусые юнцы из ремесленного училища, конторщики, заинтересованные каким-то другим конкретным делом, два-три самодовольных городских интеллигента, без конца повторявших «товарищ!», дискутирующие меньшевик и большевик, лиц которых он не помнил... Но один из них выразил мысль Валико, сказав: «В конце концов чего желает рабочий класс?! Каждая спорящая сторона утверждает, что рабочий класс хочет то, чего хочет сама эта сторона».

Арадэли достал револьвер из кармана, посмотрел на него и, высунув руку в окно, с силой швырнул его. Револьвер сверкнул на солнце, как выброшенная из воды рыбешка, и упал в песок, и снова все повторилось, вновь и вновь серебряная стрела прочерчивала пространство, слышался жирный голос Вардена. Оружия было все больше и больше, перед глазами Валико сверкала огромная гора его. Выброшенный револьвер означал конец сопротивлению, признание своего поражения, сдачу на милость победителя. Каждый обломок этой горы, каждый револьвер был эквивалентен отнятой свободе. Затем перед его взором возникло огромное заснеженное поле, из которого черными столбами торчали ноги, запутавшийся в гигантской колючей проволоке труп, нескончаемый поток людей с опущенными головами в засаленных, обрезанных выше колен шинелях, подпоясанных бечевками, с висящими на поясе вместо оружия котелками или пустыми консервными банками, с опухшими от голода лицами, воспаленными от лихорадки глазами, обмороженными ногами. Ни конвойных, ни караульных. Изредка от головы колонны подбегает надзиратель, безжалостно стегнув железным прутом первого под-

вернувшегося, он отходит в сторону, отбрасывая прут и подзуживая кого-либо взять его. Тот, кто немножко поздоровее, хватает его и, озверев, из всех сил, с выступившей на губах пеной лупит своих же собратьев по лицам, спинам, ногам. Бьет и тех, кто отстает, сверкая глазами и рыча. Все чувствуют себя виноватыми, съезжившись, они благодарно смотрят на надсмотрщика, который уходит, уводя с собой в первые ряды того, кто только что орудовал прутком. Бывает и так, что самый проворный остается несолоно хлебавши, надсмотрщику он может чем-то не понравиться, и тогда он всучивает прут слабому... Кто знает, почему? Надсмотрщик ведь тоже человек. И тогда все с завистью смотрят на счастливого — впереди идущим не грозят побои...

Найден неиссякаемый источник верности! Впереди несколько всадников. Кто там на белом коне? Неужели тот взъерошенный бывший солдат с Невского проспекта?

Порой и всадники мешаются, тут тоже происходит какое-то движение, спор, хотя разобрать что-либо невозможно, так они далеко. Понимаешь только тогда, когда рядом с собой увидишь депутатов Гучкова и Шульгина, на которых вместо шапок надеты выцветшие вещмешки. Затем вдруг видишь рабочего с собрания, или конторщика, или «товарища интеллигента», или вместе со всеми собираешь подброшенные из передних рядов обглоданные «селедочные» скелеты, и там же бывшего надсмотрщика, избитого, с окровавленным лицом, или всхлипывающего, как ребенок, взъерошенного бывшего солдата с Невского проспекта.

Земля обетованная и рай? Страх не дает разумно мыслить и, как естественная потребность, тут же шевелится мысль: а вдруг они действительно существуют? Ведь мы куда-то идем? Если не мы, то ведь другие стремятся куда-то? Правда, пейзаж не меняется, может, мы вообще никуда не двигаемся, но зачем в этом разбираться, тому, кто впереди, виднее: так было и так будет... А сейчас кто на белом коне? Неужели похититель прута?

Найден и неиссякаемый источник рыцарства. Для чего же нам нужен Моисей или Христос?

Валико резко поднял вагонное стекло. Он ни о чем не хотел думать, ни о чем! Но звук падающего оружия все еще слышался в ушах.

Засуетились проводники австро-венгры, вскоре в вагонах зажглись, замерцали фонари.

Спустилась ночь, вагон ритмически покачивался. В узком коридоре у темного окна стояли Валико и Нино. Вчера Нино не сомкнула глаз. Робкие, не додуманные до конца мысли, лицемерная фальшь самообмана — все это разом всплыло в ее сознании, и привычные, годами оставляемые на сон грядущий уютные мечтания никак не хотели сливаться воедино.

Не возникало и никакой четкой новой картины, да и откуда ей было взяться, когда Нино ничего не хотела менять, всем существом своим погружаясь в те ощущения, которые пробуждали в ней нестройные, привольно звучащие напевы. Дремотная мгла в ее душе рассеялась, подернутые пеплом чувства вновь обрели тепло и свет.

Сейчас Нино смотрела в темноту. Оба молчали. Слышался глухой перестук поезда. Валико, замерев, ждал, что вагон тряхнет и он поневоле коснется руки Нино. Нино нравилась собственная смелость, нравилось ходить по краю пропасти, она потеряла чувство реальности. Глядя на себя со стороны, глядя на эту пару у окна, она радовалась и убеждала себя: «Ведь это я, я».

Валико не собирался нарушать молчания и в то же время терзался мыслью, вдруг от него ждут каких-то слов. Он лихорадочно и растерянно попытался отыскать их, но ничего не найдя, успокоенно продолжал молчать. Нино медленно повернулась к нему, легко и словно лаская коснулась его руки, качнула как-то неопределенно головой и вошла в свое купе. Валико торопливо свернул папиросу и несколько раз вдохнул в себя едкий дым «самосада». Внезапно поезд сильно дернуло. Послышался лязг тормозов. Вагоны, поочередно дергаясь и лязгая, стали останавливаться.

Высыпавшие из купе перепуганные пассажиры прильнули к окнам. Красный свет разливался вокруг — и внутри поезда и снаружи. Рядом с Валико очу-

тилась Нино. «Что случилось?» — «Пожар», — ответил он. Очага пожара не было видно.

Между деревьями виднелись маленькие красноватые фигурки людей и метались огромные тени. Ветер рвал тянущийся кверху густой черный дым, клубы его, устремляясь в звездное небо, словно бы пытались догнать друг друга, но затем исчезали в светлых, островками виднеющихся облаках. А луна, словно бы торопясь, виновато прокладывала себе путь среди облаков. Стоял странный шум. Прислушавшись, человек мог решить, что огромный рой пчел бьется об оконное стекло или доносится рев штормовых волн. Валико опустил вагонное стекло. В вагон ворвались крики, плач, причитания женщин. Порой четко доносились отдельные слова, ругань, обрывки диалога, отчаянный крик. Воздух, пропитанный диким запахом горелых трав, на вкус напоминал вскипевший в каминном чай.

— Разоряют село, — сказал Валико.

— Почему?

— Видимо, карательная акция.

— В последнее время у меня такое чувство, будто вокруг меня разыгрываются сцены из прошлой жизни, то, что было давно, теперь просто повторяется, — зябко повела плечами Нино.

— Кто знает, может, так оно и есть.

— Наверное, все-таки срабатывает инстинкт самосохранения, а то ведь от этого можно спятить!

— А может, этот инстинкт — проявление изначальной памяти.

Нино с интересом взглянула на Валико.

— Если дух человека бессмертен, у него должна быть изначальная память. Бытие — организованный образ существующих в памяти предметов, — как-то глухо проговорил Валико, чувствуя, что годами вынашиваемые мысли, высказанные впервые, прозвучали не к месту, и вообще не отличались особой мудростью. Поэтому, смущаясь, он торопливо добавил: — Например, больные ведь очень остро чувствуют перемену погоды. То есть, если есть какое-то физическое слияние с природой — так почему же не должно быть духовного единства?

От пожарища к поезду шли похожие на тени,

вооруженные люди. Их встретили несколько сошедших с поезда пассажиров.

— Опять будут обыскивать, что ли, едрена мать? — проговорил Буцхрикидзе.

К крадущимся, как волки, теням подскакал всадник. Он энергично показывал рукой в сторону села, что-то кричал, затем стегнул коня и ускакал, оставив сошедших с поезда пассажиров. Те трусцой побежали в сторону горящего села, откуда слышался непрерывный гул церковного колокола. Перед отправкой поезд сильно дернулся, и Валико с Нино очутились в объятиях друг друга. Это длилось мгновение, но это была и целая жизнь, поскольку другое бытие никогда не было столь живым и четким, каждая клеточка, каждый уголок души воспринял чужую клетку и чужой уголок души как свой, слился с ним, и достиг блаженства.

Долго стоял Валико у открытого окна, но Нино ни разу даже не выглянула из своего купе. А он и не ждал ее. Просто пел, для себя.

Окончание следует

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

ДЛЯ СЕМИ ГОЛОСОВ И ЖАВОРОНКА

РОМАН

Глава седьмая. ЧАЛАУРСКИЙ ЭПИЛОГ

Как собралась небольшая община здесь, на берегу разлившейся реки, как, по воле судьбы, встретились семь человек? Что за сила объединила мысли и стремления всех семерых, дав хоть ненадолго позабыть о той боли, что заставила их отправиться в путь и забраться сюда, в заоблачное Чалаури? И наконец, кто они, эти семеро, что с ними произошло, какие беды обрушились на их головы? Словно узники, запертые в своих темницах, они в конце концов выбили двери и бежали... А за беглецами всегда следуют преследователи! Преследователей же здесь пока не видно. Все семеро выглядели напуганными, словно весь свет ополчился на них. Они пока что не знакомы друг с другом и даже не понимают, что здесь, на берегу реки, их объединила какая-то невидимая нить. Нить, тонкая и слабая, словно паутинка, и если сейчас с ними случится что-то, ни один не сможет понадеяться на нее. Все семеро пока что думают лишь об одном — как переправиться на тот берег и пойти дальше своей дорогой, каждый — своей, потому что, идя сюда, в Чалаури, никто из них не предполагал, что окажется составной частью общины. И каждому собственная дорога представлялась безлюдной и пустынной...

И в это время пошел дождь.

Однако еще до того, как начаться дождю, берегом

Скончание. Начало см. в №№ 4—5, 6.

реки пролетел страх. Тихий и неосязаемый, словно туман. Почему именно их встретила река, разлившись, выйдя из берегов? Что ждет их на той стороне и как преодолеть этот бурлящий обезумевший поток? Как случилось им всем повстречаться именно здесь, на пути к своему Чалаури? Кто этот замкнутый молчаливый человек? Или старуха, не отводящая глаз от своих быков? Почему болтает без передышки бабка-сорока, которая только-только появилась здесь, еще даже толком не разобралась, с кем повстречалась и кому жалуется на свою долю? Почему ни слова не произносит девочка? Откуда у этого парня такое спокойствие и уверенность? Почему стоят, отвернувшись друг от друга, бежавшая из города пожилая женщина и ее внук? Сюда-то они все с грехом пополам добрались, но что ждет их дальше? Может, и не имело смысла отправляться в дорогу, может, все, начавшись где-то за тридевять земель отсюда, там же должно было завершиться?.. Что им делать здесь, где вот-вот должен начаться дождь, и никому неизвестно, когда спадет вода в этой разбушевавшейся реке, когда они смогут продолжить свой путь?

Пока они задают себе эти вопросы, в самом деле начинается дождь и страх, похожий до того на туман, такой же тихий и неосязаемый, обретает облик дождя, обрушившего свои воды на этих семерых человек, застывших в ожидании. Дождь зарядил на всю ночь, возможно, не кончится ни завтра, ни послезавтра, и никто из семерых не знает, как быть, куда деться, возвращаться назад или стоять и ждать... И именно в эту минуту, когда небо затянуло черными тучами, и первые капли упали на дубовые листья, страх перед дождем сплотил семерых. Теперь они уже были все едины перед дождем. Они совместно должны противостоять ему или сдаться, покориться, и все семеро, как певческий хор, в один голос возносят мольбу то ли друг другу, то ли небу, то ли дождю, всей вселенной или всего только этому лесу и реке, на волю которых оказались предоставленными судьбой.

— Опять опустились эти проклятые тучи!

— Так всегда в горах, разом сгустятся и так же сразу рассеются...

— А если нет?..

— Развиднеется или нет, нам все равно здесь ^{но-}чевать!

— Чего дождя бояться? Для меня теперь ^{все} без-различно...

— Хотя бы так полил, чтобы земля разверзлась и поглотила меня в тартарары!

— Мне-то дождь не помешал в тот раз переплыть с быками через бурную реку.

— Черт со мною, если до нитки промочит, мой Ми-ха теперь уж не осудит...

— Надо было палатку захватить.

— Что нам дождя бояться — разведем костер и сам черт не брат!

— Молодец, парень, разожжем огонь и затынем песню!

— Тебе бы только тараторить...

Но всем семерым ясно, что одному костру их не спасти, огонь не заменит крова над головой. Чувство страха усиливается еще больше, а дождевые капли все чаще выбивают дробь по листьям. Все умолкли. Махаури не отводил глаз от реки, как будто хотел вычитывать там ответ на свой вопрос. Мальчик и его бабушка нет-нет да поглядывали в сторону деревни, что осталась там, внизу, в самом конце ущелья. Сейчас, в тумане, не скажешь, была она на самом деле или только привиделась. Матушка Гарсо не отходила от своих быков, словно дождь только им и угрожал. Бабка-сорока продолжала трещать, и все осуждающе глядели на нее. Во всем она виновата, да, сейчас все вспомнили, что именно она первой произнесла, провозгласила с видом предсказательницы, увидите, если не пойдет дождь! Еще и прийти не успела, а уже напороочила. Лучше б язык проглотила, думала Лела Гудушаури. А матушка Гарсо опасалась: если она впрямь все наперед знает, нам до Чалаури ни в жизнь не добратся. Девочка сидела окаменев, словно не замечая ни дождя, ни разбушевавшейся реки. Абриа Махаури сердился на себя, что не остался сам по себе, присоединился к этому, спаянному Господней волей хору, а теперь уже поздно, теперь их не бросишь, теперь он не мог самостоятельно продолжить свой путь. Дождь барабанил по листьям все сильнее. Село в конце ущелья затаилось в ожидании. И именно тогда Лела Гудушаури произнес-

ла слова, разом взбудоражившие всю общину: как бы нам не пришлось обратно в это село возвращаться! Эти слова громом разнеслись над замершей на берегу реки семеркой, а Лела Гудушаури уже точно знала, что никто из семерых в село ни за что не вернется. Что? Вернуться обратно? Да что с нами дождь сделать сможет, не убьет ведь в конце концов! Кто желает, может возвращаться, мы же отсюда шагу не сделаем! Лела Гудушаури прижимает к себе внука: эти люди боятся мира! Никто не желает возвращаться в деревню! Ни этот старик, ни женщина, ни парень с девушкой. Только бабка-сорока носится беззаботно взад-вперед, только ей безразлично, куда идти, где переждать непогоду. Лишь бы была крыша над головой и горел очаг. Сколько чего можно вспомнить и рассказать, сидя у огня!..

— Ну и пусть льет себе... Перестанет ведь рано или поздно, не так ли?

— На свете все имеет конец. Нас здесь семеро, и нам сам черт не страшен!

— Неужели ни у кого спичек нету? Разведем большой костер.

— Не может быть, чтобы в хурджине не было... Или в той сумке...

— Голодными не останемся!

— Лишь бы дождь поскорее кончился...

— Давайте-ка хворост соберем, пока сухой, пока совсем не отсырел. Огонь придется всю ночь поддерживать.

— Костер в лесу, что пушка в бою!

— Знаем, не впервой в лесу, небось ночевать доводилось под открытым небом...

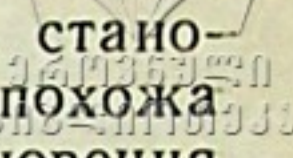
— Не одни же мы здесь, милые мои, семеро нас, не так уж мало...

А тучи роились и темнели, горные вершины давно уже скрылись из глаз, там и тут громко падали наземь дождевые капли, потом все смолкло, и в сердцах просыпалась надежда, но вскоре все начиналось заново. Поначалу робко и нерешительно, а потом все сильнее и грозней.

— Будьте уверены, разгуляется вовсю!

— Пока что нас Бог бережет...

Так они переговаривались, подбадривали друг дру-

га, и ниточка, связавшая воедино эту семерку, становилась прочнее и надежнее. Она уже не была похожа на слабую паутинку, готовую порваться от дуновения ветерка, она превращалась в сеть, неведомую и неосязаемую сеть единения. Пусть еще нерешительно, пусть еще силен был страх в душах. Страх перед дождем, перед туманом. Перед скрывшимся в этом тумане селением, откуда не доносилось ни единого звука, перед небом, ставшим уже совсем черным, словно уже наступила ночь. Подбадривающие голоса становились все слабее и тише, словно огонь, готовый вот-вот совсем погаснуть. Страх подавлял все кругом, побеждал и торжествовал. И именно в это время раздался голос мальчика, того, который появился самым последним и которого звали Гелой: — Пойду-ка, погляжу, вдруг поблизости какая-нибудь хибарка отыщется. — Хибарка? Конечно, отыщется! Или хлев какой, или загон для скота, а то и вовсе заброшенный домик! Неподалеку от деревни непременно какое-нибудь строение должно быть. Прямо-таки спас всех нас этот парень! Как не найтись хибарке? А коли найдут, потом пусть себе льет, сколько душе угодно! Теперь уже все вместе снаряжали парня по имени Гела. Словно он отправлялся в дальний путь, словно он — полномочный посол, на которого возложено спасение мира. Пойдет и отыщет, конечно, а как же еще? А там пусть себе льет, пока небеса на землю не обрушатся!

Парень отправляется, и все провожают его. Ну, давай, смотри там, не заблудись в тумане. Если что, кликни нас, и мы тотчас прибежим. Что может произойти? Не знаю, мало ли... Хочешь, этого мальчика с собой возьми? Однако, стоило кому-то произнести эти слова, бабка городского мальчика охватила его руками, чтобы показать, что она своего внука никуда не отпустит. Заза Гудушаури стоял, стыдливо опустив голову. Девочка смотрела на него, не отводя глаз. Гела рассмеялся и пошел по тропинке на поиски. Вскоре он скрылся в тумане.

— А почему, собственно говоря, мы не захотели в деревню возвращаться? — не могла угомониться бабка-сорока.

— Кто нас там ждет? — отозвалась матушка Гарсо, глядя на своих быков.

Ни на минутку дух не переведет! — подумал Ма-
хаури.

— Не ходить же от двора ко двору как попро-
шайки.

— Чего нам попрошайничать! Одного моего хурд-
жина на неделю всем хватит!

— Э-э-эх, какие времена настали!

— Ни на минутку не умолкает!

— Когда наше ущелье половодьем залило, чуть од-
ну деревню вообще не смыло. Я три дня в своем доме
укрывала совсем чужих людей. И курицу зарезала, и
хлеба напекла, и вином потчевала...

— Тучи еще больше сгустились...

— Уже и дождь начался...

— Я же говорю, так всегда в горах бывает. Сей-
час — ливень, через мгновение тучи разойдутся, и го-
лубое небо выглянет.

— Гляди-ка, кажется, впрямь развиднелось.

— Нет, опять затянуло...

— Однажды в полночь к нам русские постучались,
машина у них поломалась. Думаете, один-два человека?
Нет, почти двадцать их было. Я всем двадцати посте-
лила чистое белье, всех устроила. Потом, говорили, они
обо мне написали: там-то и там-то, такая-то и такая-то
такое белье нам на ночь постелила, что жалко ло-
житься было! Тогда еще мой бедный Миха жив был...

— Коли уж польет, такой дождище будет!..

— Ну и пусть себе льет!

— А мы костер не разожгли.

— Потом, как выпили, один привязался ко мне,
зачем, говорит, русского не знаешь? А ты, отвечаю, по-
чему грузинского не знаешь?.. Они чуть не поумирали
со смеха. Со мною лучше не связываться!..

Парень все не возвращался. Туман поглотил его,
забрал на веки вечные в свой плен. На веки вечные?
Кто это сказал? Никто не говорил. Хотя про себя все
так и думали. Кто его знает, что это за парень, явив-
шийся позже всех? Они даже имени его толком не за-
помнили. Дождь польет, сказал он и, испугавшись,
ушел. Уж не удрал ли? Хоть бы сказал, что уходит.
Задерживать не стали бы... Вот так и думали они, впро-
чем, думала одна Лела Гудушаури... Возможно, еще и
девушка? Или Абриа Махаури? Нет, Абриа Махау-

ри не мог думать так, он ничего не говорил, хотя парень понравился ему с первого взгляда. На моего Георгия похож, подумал он, и это была самая большая похвала. Но сомнения в связи с уходом и исчезновением парня не оставляли сплотившуюся совсем недавно воедино общину. Вернуться-то он вернется, и укрытие отыщет, но куда все же пропал? Эта мысль заставила всех женщин одновременно крикнуть в туманную мглу:

— Э-э-эй!

— Эй, парень!

— Не слышишь, что ли?

Услышал! Откуда-то из тумана, как из пропасти, донесся голос парня:

— Слышу!

-- Нашел?

— Пока нет.

Пока не нашел! Но в душах собравшихся здесь людей тем не менее разлился свет. Они и сами не знали, как и почему, но этот свет согрел их сердца. Значит, он не скрылся, не удрал? Не пропал парень! Сейчас не было ничего важнее для всех них. Найдет он там что-либо или нет, главное, что не удрал! А раз так, то и укрытие непременно найдет. Они все окликали его, поскольку слышали отзыв. Но пока что укрытие не обнаружено, да и парня больше не было слышно.

Заза Гудушаури глядел на девушку. Абриа Махари злился на этих болтливых баб. Девушка, которую звали Элисо, обо всем догадывалась и бросала косые взгляды на бабушку Зазы. Увидела! Все-то она увидела, эта старуха. Засмутившаяся девушка направилась к лощине. Заза Гудушаури, словно замороженный, следовал за ней. Бабка тотчас окликнула парня, иди-ка сюда, принеси камень побольше, присяду, хоть немного дух переведу. Заза Гудушаури не оглянулся, и бабушка обиделась. Матушка Гарсо в это время все охаживала своих быков: вытащила из хурджина веревку, накинула петлю на них и погнала туда, где трава казалась поаппетитней. Потом обернулась: все, теперь можете поручать мне, что угодно... Но никто не откликнулся, все были заняты своим делом. Только бабка-сорока, подскочив, затараторила: давай-ка мы с тобой на луг сходим, сухого сена натаскаем, пока дождем не

намочило, потом можно будет прилечь на него... Аб-риа Махаури неотрывно глядел на реку. А Лела Гудушаури продолжала всматриваться в ту сторону, где скрылись ее внук и девушка, появившаяся из лесной чащи. Она еще раз окликнула внука, — иди сюда, ты мне здесь нужен! Мальчик не отзывался, и страх еще сильнее овладевал Лелой. Теперь она уже жалела, что связалась с этими людьми, мальчик был под боком. пошли бы себе вниз, в деревню, и заночевали там, это все, Бог знает почему, остерегаются людей, я же подошла бы к любой двери и попросилась на ночлег... Неужто так испоганился мир, что никто не пустит? Но тут же сама себе одернула: я-то чего перепугалась, он ведь не девчонка, — парень, к юбке не привяжешь, не закажешь, чтобы по сторонам не смотрел. Эта мысль немного облегчила ей душу, и она принялась копаться в рюкзаке внука: посмотрим, что там есть у нас, какие-такие сокровища, чтобы перед всеми лицом в грязь не ударить.

Тучи опускались все ниже, почти задевая верхушки дубов и карагачей. Уже в двух шагах ничего не разглядеть. Деревня, что раскинулась в конце ущелья надеждой и опорой, исчезла из глаз, то ли есть, то ли нет вовсе. Только далекий собачий лай подтверждал, что мир еще существовал. Перед ними бурлила и металась мутная речка, видно, в горах уже пролился дождь, вскорости и до них доберется.

— Этим тучам доверять нельзя!

— Вот человек, не успокоится, пока меня совсем из себя не выведет...

— Когда туча вниз опускается — значит, скоро распогодится.

— Твоими бы устами... Вот и мой Миха таким же был, всех старался подбодрить, обнадежить.

— Вот-вот совсем стемнеет, а нам еще ничего не ясно.

— Тот парень пропал во мгле...

— Почему пропал? Только что голос подавал...

— Ну-ка, оклики еще раз, старая!

— Оставьте его, пусть ищет, ведь не на прогулку отправился.

— Вот опять он мне поперек говорит!

— А если не отыщет никакого убежища?

— Что тогда делать будем...

— Чего гадать — деревня-то вот она!

При упоминании деревни общину семерых **ВНОВЬ** охватывает страх. Матушка Гарсо ищет глазами своих быков. Абриа Махаури глядит на реку еще напряженней.

Лела Гудушаури зовет внука, возвращайся, где ты пропал, ведь знаешь, без тебя мне покоя нет! Заза Гудушаури появляется из тумана, за ним идет Элисо. В руках у обоих огромные, как зонты, листья белокопытника. Бабка-сорока почему-то покатывается со смеху. Абриа Махаури, уже привыкший ко всему, говорит про себя: пусть трещит себе, сколько угодно, мне-то что! Лела Гудушаури переводит взгляд с внука на девушку, стараясь вычитать на их лицах то, чего еще не было, но, не разглядев ничего подозрительного, успокаивается. Матушка Гарсо все еще роется в своем хурджине, бабка-сорока хихикает, не умолкая. Что ее так рассмешило, интересно? — думает Абриа Махаури. — Пусть себе смеется, мне-то что! — Знаете, над чем я смеюсь? — оправдывается бабка-сорока. — Давно мне не попадались такие хорошие люди, как вы, и сейчас я опасаюсь не так дождя, как того, что завтра с утра разойдемся каждый своей дорогой, и кто знает, встретимся ли еще когда-нибудь? — Говорят ведь, что гора с горой не сходится, человек же с человеком непременно встретится, — успокаивает ее кто-то. — Эх, жаль, моего Миха вы не знали, сразу бы поняли, что если мы, покончив со своими делами, соберемся все у меня дома, кутнем как следует, вино у меня не как у некоторых — каплей сахара не испорчено. Такой кувшин с трехлетним вином на имя Миха непочатый стоит, — живая вода, да и только! Ну как, красавец-горожанин, пойдешь? Почему не пойти? И ты пойдешь, девушка, обвенчаю вас за милую душу!..

Элисо испуганно смотрит на Лелу Гудушаури. Лела Гудушаури, насупив брови, заключает в объятия внука, как будто кто-то пытается отнять его. Заза Гудушаури не отводит от бабушки взгляда. А Абриа Махаури смотрит на всех, словно только что увидел. и лишь сейчас догадался, что здесь они не просто так, что семерка не просто обозначающая количество людей цифра, — а все они сами по себе, пришли сюда каждый

своим путем и в конце концов опять разойдутся самостоятельными дорогами. Одна из них не произносит ни слова, не поймешь, о чем думает (матушка Гарсо), другая скачет с места на место, безумолчно нахваливая то своего Муха, то сыновей (бабка-сорока), тот держится, словно заезжий гость, и только изредка улыбкой показывает, что он здесь, с ними, что включился в общину семерых, с которыми предстоит переночевать, а наутро, с Божьей помощью, с ними же продолжить путь (Заза Гудушаури). А та не может успокоиться, прикрывает ладонями тело, как будто не хватает одежды, не решаясь взглянуть никому в глаза, и все поглядывает в сторону леса (эта девушка, Элисо)... А парень? Да, куда же он подевался, этот парень? Гела его зовут, кажется. Что — Гела и что — Георгий, разницы никакой! И Махаури, не отдавая себе отчета, как и почему, направляется к тропке, по которой ушел парень. Тропка терялась в тумане, и Махаури не знал, как быть, то ли пойти дальше, то ли остаться и ждать, как ждали эти женщины. Вот и все. Ничего больше. Никто из семерки не понимал, что произошло, почему старик направился к тропинке и почему ему так необходимо было, чтобы парень вернулся поскорее.

Издали донесся голос:

— Нашел!

— Нашел! — обрадованно выдохнула община семерых, она счастлива: говорили же, что найдет, кто там сомневался, что, мол, ушел и не вернется? Нет, никто из них так не думал. Кто говорил, что ничего не сможет найти? Никто так не говорил. Все побежали туда, откуда мог появиться парень. Только Заза Гудушаури остался один. Обнаруженное парнем укрытие всем обещало что-то, только не ему. Оно для них означало дом, кров, крышу над головой, и все, обитавшие в этом доме, хотя бы одну только ночь, становились друг для друга близкими, родней, домочадцами. Меж ними появились, или, во всяком случае, должны были появиться, какие-то взаимные обязанности, казавшиеся здесь простыми и естественными, в городе же они были бы совершенно непонятны. Зазе Гудушаури хочется, чтобы эти обязанности появились. Община семерых станет тогда единой семьей. Они нашли общий кров и, укрывшись под ним, каждый неизбежно должен стать не-

отъемлемой частицей общего. Заза Гудушаури не хотел оставаться без них, он убеждал себя, что рад всему происходящему, он и сам пошел навстречу тому парню, которого звали Гелой и который нашел хибару. Еще совсем недавно Заза Гудушаури мог встать, взять бабушку за руку и уйти отсюда, даже не попрощавшись. Сейчас он уже не мог так поступить, потому что обнаружено укрытие и оно было общим для всех. Отныне, куда бы они ни пошли, все будет происходить так, как диктовал общий кров.

Парень появился из тумана.

На лице у него сияла счастливая улыбка.

— Это не хибарка — целый дом!

— Чей дом, сынок?

— Он заброшен..

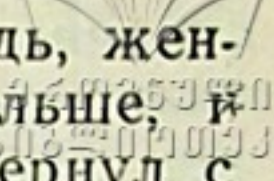
— Никого в нем нет?

— Ни единой души.

Парень нашел заброшенный дом. Стоит себе под крышей, а в нем — никого. Люди ушли куда-то. Эта мысль вселила в души только что испытывавшей счастье семерки новые страхи. Почему обитатели покинули тот дом, куда исчезли? Что за сила заставила их сорваться с места и отправиться Бог знает куда? Да и можно ли в таком доме заночевать, пусть даже одну единственную ночь? Может, по ночам им овладевают ведьмы да домовые? Эта мысль мелькнула у них лишь на мгновение, а потом все произошло само собою, все сразу: сорвались с места, бросились собирать свою поклажу. Матушка Гарсо ухватилась за веревку и тащила быков. Абриа Махаури шел самым последним. Они друг за другом скрылись в тумане, тишину нарушала только трескотня бабки-сороки:

— Пришла я, а судья спрашивает: знаешь, мол, этого человека? Которого, говорю. Он медленно открывает ящик, а сам прямо в глаза мне смотрит, достает какую-то карточку... Я как глянула, чуть сердце не разорвалось! Мой Миха! Явился, словно с того света! Я говорю, ты в своем уме? Он испугался и снова спрятал фотокарточку в ящик. Нечего прятать, говорю, отдай сейчас же. А он: мне, говорит, для дела нужно... Для какого дела карточка может понадобиться, скажите на милость? Разве у меня на лбу не написано, что я вдова моего Миха?

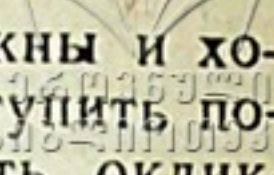
Матушка Гарсо размышляла о тяжком грузе, который ненадолго сбросила с плеч здесь, на берегу этой речки; она не догадывалась, что облегчила ее встреча со всеми этими людьми. Женщина лишь чувствовала облегчение, чувствовала, что сейчас, в эту минуту, не боится ничего на свете. Она еще никому ничего о себе не рассказала, — разве эта трещотка дала кому-то слово вставить, — ни от кого слова сочувствия не услышала, но уже поверила, что если расскажет, ее не только выслушают, но и поймут, а нужно будет, то и на помощь придут. Как быстро переменилось все! Впервые увидев этого будто окаменевшего на месте мужчину (Абриа Махаури), матушка Гарсо подумала, что, даже проводи она рядом с ним, на берегу этой речки, десяток лет, слова ему сказать не сможет. О девушке подумала, что она вряд ли одна, за ней, верно, весь свет гонится, и преследователи должны вот-вот появиться. Парень по имени Гела, присоединившийся к ним последним и нашедший в тумане дом-укрытие, походил сразу и на беглеца, и на преследователя. Черная, тощая, как жердь, женщина, поднявшаяся из города, поначалу показалась ей болтуньей, которую заставил замолкнуть какое-то горе. А ее внук из тех, кто повсюду остается отстраненным, чужим, разве что на прощанье кивнет головой. Старушка-балаболка с самого начала была сама собой, ее ни прежде, ни сейчас ничего не заботило, порхала взад-вперед и все поминала своего Миха и сыновей. Первое впечатление исчезло, и все стали чем-то близки ей. Оказалось, что и мужчина вовсе не каменный, матушка Гарсо прекрасно видела, как он подошел к тропке и с нетерпением высматривал парня, во мгновение ока став для женщины понятным и близким. Успокоилась и девушка. Страх, поначалу застывший в ее глазах, исчез. Больше того, она даже улыбнулась (ее улыбка была адресована красавчику-горожанину). Она больше не поглядывала то и дело в сторону леса, не спрашивала безмолвно — если что-то случится, если преследователи появятся впрямь — придут на помощь ей окружающие или нет. Успокоился и Гела, по всей вероятности, забыв о том, что его мучило, оставив все где-то внизу. Он явился сюда только для того, чтобы до наступления темноты или до того, как начнется дождь, найти где-то заброшенный дом и

дать людям кров и укрытие. Длинная, как жердь, женщина тоже всего только женщина, ничего больше, и оберегала внука, чтобы он, не дай Бог, не свернул с тропинки. А городской парень? Кажется, и он забыл слова, которые матушка Гарсо, как по-писаному, вычитала в его глазах: мне-то что здесь нужно? Городской парень вместе со всеми шел по тропинке, словно переселился сюда навсегда. А туман продолжал укутывать в свои серые покрывала дубы и карагачи, клены и грабы, собирался в расселину, кружился над лугами, то поднимаясь вверх, то опускаясь к самой земле. По-прежнему доносился откуда-то собачий лай, означавший, что мир не исчез в тумане, продолжал существовать и подавал знак, подтверждавший его существование.

Вот и дом!

Семерка застыла на месте, разглядывая его. Сейчас это был не просто дом, все окуталось покровом тайны, безмолвным и белесым, как туман. Дом трепетал в этом тумане, словно ива, отражавшаяся в затянутой осенней ряской стоячей воде. Он стал четче, выступил из тумана, как живое существо, и замер перед общиной семерых. Дом был старый, покрытый побитой кровлей, и стоял на искривившихся сваях. На нем отложился цвет минувших отживших времен. От дома осталась лишь тень, да и на этой тени лежал отсвет замшелости, плесени и высохшей земли. Дом походил на привидение, появившееся из тумана, и если семерка немедленно не отряхнет с себя оцепенение, если хотя бы бабка-сорока не произнесет пару слов, оно, как положено привидению, исчезнет с глаз так же внезапно, как и явилось из тумана. На венце крыши каркала ворона. Ключья тумана клубились и сгущались, все вокруг вновь могло в любую минуту утонуть в тумане, если только Гела не отворит сейчас же покосившуюся калитку. Ржавые петли скрипели и скрежетали, и в глухой тишине это становилось знаком того, что осталось что-то в этом мире подлинное, живое, способное подать голос. Скрип калитки подбадривал пришедших, но, в то же время, и пугал. Подбадривала реальность калитки, пугала неизбежность того зова или оклика, который надлежало издать страннику, подошедшему к чужой ограде. Да, у дверей этого дома стояли семь

странников, и раз уж пришли сюда, они должны и хозяина окликнуть, попросить разрешения переступить порог. Но никто из семерых не решался позвать, окликнуть хозяина. Здесь кричать нельзя. Сам дом, только что выступивший из тумана и стоявший сейчас перед путниками, покорно склонив голову, не давал на это права. Все семеро одновременно почувствовали это, и все, прежде чем молча и одновременно принять решение, еще раз переглянулись друг с другом. Еще раз посмотрели испуганно и робко на обступивший со всех сторон туман, на погруженное в безмолвие подворье, — и так же молча вошли во двор. Все вокруг походило на малую планету, на которой умещался один-единственный поросший мхом и травой полуразрушенный дом с двориком и парой кленов. Все население этой планеты — семь человек. Но малую планету это не смущало, она гордо и с достоинством продолжала вращаться в бескрайнем пространстве, усеянном большими планетами и бесчисленными светилами, вознося благодарение создателю вселенной и оставляя на небосклоне свой слабый след.. Малая планета летела и не ведала, что с какой-то большой планеты за нею с любопытством наблюдали в телескопы. На малой планете зарождалась жизнь.

...А теперь уже в самом деле пора начаться дождю.

Лил дождь. Дружно, в лад, шуршали листья, их шорох становился все сильнее, и вот уже весь лес кричал громко, безостановочно. Укрывшиеся под навесом дома люди поначалу просто прислушивались к шуму дождя, но потом и они, глядя на небо, стали дрожать, словно листья. Небо становилось все темнее. Вместе с дождем вот-вот наступит и ночь, и если они не разожгут огонь, если хотя бы этим не подадут небесам знак о своем пребывании здесь, могут так и остаться навсегда меж небом и землей.

— Пстой, бабка, я разожгу огонь.

— Чего же ждешь?

— На небо гляжу, не видишь, — вот-вот обрушится.

— Женщины, вы садитесь сюда, на бурку.

- А я боюсь, вдруг бурка не выдержит, и мы все наземь повалимся.
- С этой буркой нам дождь не страшен...
- Соли никто не захватил с собой?
- Эта девушка дважды посмотрела в мою сторону.
- У меня в хурджине столько снеди, на два дня хватит.
- Чтоб враги наши без снеди остались!
- Чего это быков не слышно?
- Не бойся, здесь их никто у тебя не уведет...
- Ты никогда ничего не воровал, Гела?
- Ничего, разве что персики...
- А ты, горожанин?
- Никогда...
- Давайте нынче ночью нападём на деревню!
- Во даёт, трещотка!
- Вперед пустим хозяина этой бурки...
- Ну и терпение было у того Миха, или как его там...
- Скажи и ты хоть одно слово... Хоть имя свое выдай...
- Абриа я, Махаури.
- Не вздумай волочиться за мной, Абриа!
- Если что, я бы похитил эту девушку.
- Впрочем, можешь рискнуть, мой Миха уже ответа не спросит.
- А когда сама к нему попадешь, что скажешь?
- Уж будьте уверены, не стану докладывать, так, мол, и так!
- Богу сверху все видно.
- В этой тьме-тьмущей и он ничего не увидит.
- Стемнело. Только молнии высвечивали стволы кленов, да за навесом поблескивали две пары бычьих глаз. Огонь еще не разгорелся, медленно, постепенно охватывал сучья. Теплый приятный дым как бы приглашал всех поскорее улечься в мягкую постель.
- Задохнемся мы тут, парень!
- Я не виноват...
- Не мастак ты костер разжигать, видно.
- И все-то эта балаболка знает, все умеет, видно, Миха обучил.

— Откуда только этот дождь взялся на нашу голову.

— А по мне дождь как раз ко времени. Никто моих быков не угонит.

— Мой отец уже, верно, пьяный в постели храпит или меня выкликает.

— Интересно, где сейчас Гогна-шофер?

— Нет, не умеешь ты огонь разжигать...

— Где может быть, валяется где-нибудь с той девкой.

— А вот и огонь!

— Зря я ругала тебя...

Языки пламени, извиваясь, взлетели к потолку, освещая лица: хмурый Махаури, тощая, как жердь, Лела Гудушаури, испуганная Элисо, довольный Гела, стоявший отдельно от всех Заза Гудушаури, не отводившая взгляда от быков матушка Гарсо, неунывающая бабка-сорока, тянувшая руки к костру.

— Присядь на минутку, Пело, дай отдых ногам,

— Оставь, парень, не вороши больше, не то спалишь этот найденный с таким трудом дом!

— Можно подумать, ты его нашла!

— Теперь не время считаться: я или ты... Все вместе и нашли!

— Сказано вам, женщины, садитесь на бурку.

— Садитесь, бабы, человек еле словечко сказал, и того не слушаетесь.

Женщины расселись на расстеленной бурке. Абриа Махаури сел на приступку порога. Только Заза Гудушаури продолжал стоять и молча смотрел во двор. Дождь лил все сильнее, молнии сверкали чаще. Тьма окутала все вокруг. Из леса вдруг донесся непонятный треск. Вдали, в деревне, брехали собаки.

— Все назло нам... А еще, говорят, есть Бог на свете!

— Как то есть нету?!

— Если бы он был, разве допустил до этого?

Гогна сидит где-нибудь в тепле и тискает ту девку. И что ему до того, что на дворе льет!

— Невестка, небось, уже и не ищет меня...

— Если за мной гнались, уже должны были догнать... Только быков все равно не отдам...

- Эта девушка все косится в мою сторону. Вот сейчас снова посмотрит...
- Пока что ничего, дрожи в коленях нету, вот когда подъем начнется, тогда не знаю...
- Сказал ведь, опять посмотрела.
- Еще разок гляну, и все! Хоть умри на месте, больше ни за что не посмотрю!
- Вот, посмотрела!
- Мой Миха-покойник даже грома боялся...
- Все они одинаковы. Вот и он — вылитый тот парень. Словно за мною сюда последовал.
- Нет, отвернулся Господь от нас...
- Ну как, бабка, сумел разжечь я огонь или нет?
- Может, не отвернулся, а просто испытывает, испугаются мол, или нет.
- Чего бояться-то?
- Пусть себе грохочет, сколько угодно!
- Пересядь сюда, человек, как бы по голове чем-нибудь не попало.
- Этот потоп до рассвета не кончится.
- До завтрашнего вечера!
- Значит, сидеть нам тут до скончания века!
- Нет, бабка, такой ливень разом обрушивается и так же разом прекращается.
- Твои слова да Богу в уши...
- Она запретила себе глядеть в мою сторону.
- Быки сюда, в тепло просятся...
- Смотрите, если я сейчас же не прекращу этот дождь! Бог думает, что напугал нас... Ничего мы не боимся, греми себе сколько угодно! Мы сидим здесь, гремся у огня и песни поем! Ну, давайте, затягивайте!
- Тебе бы только трещать попусту.
- Давай, давай, запевай, нечего сидеть как в воду опущенному.
- Видно, кроме меня никто петь не умеет, так пусть Боженька одну меня послушает...
- Кто знает, ночью все может случиться...
- Сказала ведь, я прекращу этот дождь!
- Видим, как ты его прекратила...
- Смотрите, и впрямь, меньше льет, уже ни молнии не сверкают, ни гром не гремит!
- Да, где-то далеко погромыхивает, отнесло, видать.

- Увидите, если вскоре звезды не проглянут по моему повелению!
- Да, похоже, кончается...
- Почему тебе так кажется?
- Мои быки к траве потянулись.
- А вы мне не верили!
- Давайте тогда садиться. Вот я разложила все, что Бог послал.
- У всех кое-что найдется...
- Попробуйте-ка эти помидоры. А огурчики соленые — пальчики оближешь!
- Иди-ка поближе, девушка, протяни руку, чего стесняешься...
- Повернись сюда, человек, не в спину же тебе глядеть!
- А ты чего не садишься, горожанин?
- Уж тебя-то, парень, просить не нужно — все мы в твоём доме, разве не так?
- Почему это в моём доме?
- Ты его нашёл.
- Повернись, говорю, не слышишь, что ли?
- Отломи себе хлеба, детка, не то мне в горло кусок не лезет.
- Чего ты все время молчишь, красавчик? Хоть девушке слово скажи!..
- Лучше бы земля разверзлась и меня поглотила!
- О чем ему с этой девушкой болтать, ты что, женщина, с ума сошла?!
- Мой Миха без песни за стол не садился.
- Возьми помидор, с моего огорода.
- У меня сыр вкусный, от собственной коровы...
- Вижу, меня не обманешь.
- Миха-то обманулся...
- Кто это сказал?
- Я!
- Тебе я прощаю... Еле словцо вымолвил, люди, даже его рассмешить сумела!

Абриа Махаури действительно смеялся. Бабка-со-рока от радости готова была взлететь до потолка. Смеялись и оба парня. Не удержавшись, вторили им ма-тушка Гарсо с Лелой Гудушаури. Только девушка си-дела и смотрела на огонь. — Погоди, и тебя заставлю

улыбнуться, — грозились бабка-сорока. Повеселел и огонь, по потолку металась тень. Сплетались руки, удлинялись и вновь укорачивались носы, из распахнутых ртов вырывался хохот. Больше всех теней извивалась, шумела, корчилась, колыхалась из стороны в сторону одна. Она то ластилась к девушке, то ласкала юношей, что-то нашептывала на ухо женщинам, и смеялась, смеялась, прямо помирала со смеха. Сорока-Пело чувствовала себя в родной обстановке. Это ее дом, и этот Гела, что сумел его найти, ее внук, а все остальные — ее гости... Долгий путь прошли они, пока в сумерках не добрались к порогу дома Пело.

— Да, не пропустить ли по стопке водочки?

— Почему бы и нет! Ну-ка, старая, дерни...

— Сам ты старый!

— Верно, и я старый, что с того? Ты сначала выпей, а потом разговаривай, вот так, на здоровье. Ну как, почувствовала тепло в теле? Согрелись старые кости? Лучше спать будешь...

— Эта женщина прямо ведьма настоящая!

— Ну-ка, парни, примите и вы по одной.

— Давай, налей стаканчик.

— А ты, красавица? Налью, почему не налить! Если не тебе, кому же еще? А ты? Ты почему не пьешь, парень?

— Не люблю водки.

— Хочешь еще, старая?

— Мне хватит...

— Налью еще, за упокой Миха выпьем.

— Я тоже выпью за его упокой.

— Тебе повторить, горожанин?

— Ему хватит, завтра у нас дальняя дорога.

— Не бойся, бабушка!

— Мне чего бояться? Больше не наливай!

— Одну, и все.

— Бог троицу любит, разве не так, женщина?

— Ладно, по третьей, и все!

— Пока мы тут сидим, совсем развиднелось, все небо в звездах.

— Ну-ка, где звезды увидела?

— Вот там, за верхушками деревьев, — одна, вторая... Теперь и я вижу...

— Выпьем за хорошую погоду!

- Выпьем, бабка!
- Все высыпали на мокрую от недавнего дождя траву. Быки тут же пощипывали ее. Тучи рассеялись, все небо покрылось звездами.
- Вот-вот луна взойдет!
- Нет, она пока ужинает.
- Столько времени ужинает?
- Мы ведь тоже поужинали.
- Гляньте, какая большая звезда.
- Это не звезда, бабка.
- Что же, если не звезда?
- Это дом, крайний на околице села.
- Издали совсем на звезду похож.
- Уж не напилась ли ты, женщина?
- Сам ты пьяный! И чего привязался ко мне этот мужик? Думает, раз Миха нету...
- Выходи, горожанин, погляди на звезды.
- Вижу.
- Под таким небом ни о смерти вспоминать нельзя, ни о бедах, ни о старости.
- Тяжела старость, бабка?
- Доживете до моих лет, Бог даст, сами поймете.
- Никогда не состарюсь!
- И я так думала! Разве и ты не думал так, человек, скажи, а то мне не верят...
- Да, и мне так казалось.
- Вот бы сейчас посадил меня кто, и я оказалась на той звездочке...
- Та звездочка — огонь, бабка, лучше о другой помечтай, она на нашу землю похожа.
- Все-то этим горожанам известно, словно только вчера оттуда прибыли!
- Почему бы и нет! На луне ведь человек побывал!
- Ну и что привез оттуда?
- А что должен был привезти?
- Знаешь что, сынок, есть вещи, которые издали привлекательнее кажутся. Дело прошлое, признаюсь, что пока мой Миха был далеко, он, словно звездочка, сиял для меня, а как моим стал, я думала, неужели это ему я издали нарадоваться не могла?
- Сердце остыло, бабка?
- С чего это ему остыть было, он еще больше

моим стал... Только звездой перестал быть... Смотрите, смотрите, упала!

— Что упало?

— Звезда сорвалась...

— Это метеор, промелькнул и сгорел.

— Что еще за метеор такой?

— Маленький осколок. По вселенной они миллионнами блуждают.

— Как мы, правда?

— А мы с чего осколками стали вдруг?

— Осколки мы, что же еще. А может, и того меньше...

— Этот человек не может всех водой не окатить.

— Ты куда, Заза?

— Никуда, бабушка.

— А эта девушка чего уставилась, словно никогда прежде звезд на небе не видела.

— Почему все же люди едят поедом друг друга? Вот, нас здесь семеро и как хорошо вместе!

— А ты меня спроси...

— Это он мне назло... Признайся, человек, ведь мне назло сказал?

— Оставь меня в покое, женщина.

— Семеро нас, и как хорошо всем вместе, говорю. Поодиночке у нас ведь сердца от страха разорвались бы... Скажите, разве не так?

— Да, ты права. Хорошо, когда все вместе.

— Вот и луна взошла. Теперь бояться нечего.

— А до сих пор чего было бояться?

— В том доме огонек погас. Видно, спать легли.

— В крайнем доме?

— Да, в крайнем доме...

Заза Гудушаури достал из рюкзака транзистор. Весь мир только и делает: говорит и поет. Диктор убеждал слушателей, что в капусте содержится много витаминов, Аятолла Хомейни запретил джаз. Какой-то молодой человек стрелял в президента Америки, как утверждали, из ревности. Скончалась известная французская певица. На тихоокеанских островах — разрушительное наводнение. Маркес заявил, что не напишет ни одного романа, пока в Чили свирепствует хунта. В космос запустили еще один спутник. Кто в конце концов является истинным убийцей президента Кеннеди?

А теперь, друзья, футбольные новости... Восток, как всегда, рыдал. Откуда-то глухо доносилась мелодия Моцарта.

— Что они говорят, сынок, чего им нужно?

— Ничего, бабушка.

— Война будет?

— Нет, говорят, не будет...

— Не знаю, я все опасаюсь, как бы нам на голову не сбросили чего-нибудь.

— Не бойся, бабушка.

— Из-за чего ругается этот парень?

— Он поет.

— А я думала, ругается с кем-то.

Шумит море. Чирикают птицы. Тикают часы. Лучшие в мире часы производит фирма «Сейко». Эдит Пиаф по-прежнему заставляет парижан проливать слезы. Мода утратила чувство нового, сейчас в моде все старинное — брюки, песни, платье, еда... И плакать уже опять не считается зазорным.

— Это женщина говорит так, сынок?

— Да, поет и плачет...

— Пусть себе поют, лишь бы нам на голову ничего не сбросили. Недавно мне говорили, даже с луны в нас целятся...

— Кто целится?

— Миха говорил, человек, как собака, от своры отказаться не может. А тот мужик что хочет?!

— Если уж курить, говорит, только сигареты «Мальборо».

— Правда, что когда у нас ночь, в Америке день?

— Правда, бабушка.

— Вот потому и не хочется умирать... Чего только не услышишь на свете!

— Разбередила эта звездочка мысли, да, бабушка?

— Почему бы и нет... Под луной и звездами жизнь прожила... Человек спать хочет, а я все трещу и трещу! Да и вас, бабоньки, небось ко сну клонит!

— Разве уснешь тут...

— А вы, детки? Видите, один огонек на всю деревню горел, и тот погас... Да и костер гаснет...

— В костер можно хворосту подбросить.

— Не надо, милый. Обогрел он нас, осветил, спа-

сибо ему. Видишь, старая зевает уже. Да и мне соснуть часок не мешает.

— Давайте, женщины, укладывайтесь. Завтра длинный путь предстоит.

— Господи, лишь бы погода была ясная.

— А если и завтра дождь лить будет, куда мы денемся?

— Чего каркаешь, еще, не дай Бог, напророчишь!

— Господь Бог только меня слушает...

— А если услышит?

— Тогда я тебе прямо так и скажу.

— Говори!

— Завтра с утра будет дождь!

— Вот баба — настоящая ведьма!

— Не верь, отец, это она тебя злит.

— Так я ей и поверил!

— Заза, не слышишь, что ли? Иди сюда, ложись.

— Ты, девонька, поближе ко мне, теплее будет.

— Я-то не замерзну, бабушка...

— Заза, слышишь!

— Не бойся, не потеряется.

— Чего мне бояться?

— Вот он, пришел, успокойся.

— Ты всегда за него боишься, да?

— С чего бы это!

— Да нет, я просто так...

— Если не будет дождя, мы завтра же в Чалаури дойдем.

— Эта женщина все свое — дождь, дождь...

— Ладно уж, мне слова сказать нельзя!

— Доброй ночи.

— Мира вам и покоя.

— Спокойной ночи, мальчики.

— Пожелай и ты нам чего-нибудь, девушка!

— Спокойной ночи, бабушка...

— Совсем темно уже.

— Не беспокойся, луна за тучу спряталась.

— Вот и выглянула снова...

— Сколько времени сейчас, интересно?

— Петухи еще не кричали.

— Откуда здесь петухам взяться?

— Вот увидишь, если не прокричат. Деревня тут же. Совсем неподалеку...

— Завтра к вечеру в Чалаури будем.

Постепенно сон сморил всех. Умолкла Пело-сорока. Безмолвствует Абриа Махаури. Матушка Гарсо напряженно вслушивается в шум вышедшей из берегов реки. Никому не ведомо, о чем задумался Заза Гудушаури. Элисо затаилась во тьме. Лела Гудушаури не отпускает руку внука, чтобы мальчик не поддался искушению. Гела не понимал, что происходило вокруг, и думал лишь о том, чтобы с навеса не пролилась вода и не погасила огонь...

В тишине ясно раздался отдаленный топот копыт. Этот звук заставил всю семерку разом вскочить со своих мест. Цокот копыт слышен все ближе и ближе, и укрывшиеся в доме люди ощутили внутренний трепет от ожидания того, что должно произойти. Это был преследователь: они ничего не говорили друг другу, и тем не менее все, кроме сороки-Пело, чувствовали приближение преследователя, и их смятение нарастало вместе с цокотом лошадиных копыт. Матушка Гарсо подошла к своим быкам, остановилась между ними и так дожидалась пришельца, готовая грудью защитить их. Элисо искала помощи и спасения у матушки Гарсо и ее быков, прижимаясь к Боселе, как к испытанному, преданному другу. Нет. Это был не звук машины, но Гела все же ждал, что из лесной чащи появится шофер Гогиа. Это моя невестка весь мир на ноги поставила, думал Абриа Махаури, протягивая руку к своей бурке. Лела Гудушаури не могла понять, что происходит, и прижимала к себе внука. Всадник явно приближается к ним. Потом наступает тишина, и община семерых прислушивается к тому, что он сделает, с замиранием сердца. Но вот копыта коня зацокали по ту сторону лощины и постепенно замолкли, как гром, прогрохотавший по небосклону.

— Чего вы перепугались, люди? — это, конечно, бабка-сорока. — Что случилось — проскакал какой-то всадник мимо и уехал своей дорогой. На то и дорога, чтобы по ней всадники скакали...

Абриа Махаури больше ничего не боялся. И матушка Гарсо поборола свой страх, потому что знала — ее быков, пока жива, никто отнять не сможет. Не боялась и девушка, — если отец настигнет ее и убьет, она, какой бы горькой ни была смерть, встретит ее спокой-

но и достойно, сказав: наконец-то я обрету покой. Не-вестка Лелы Гудушаури не из тех, кто может в эти горы взобраться, иначе за двадцать лет хоть однажды побывала бы здесь. А Гогна-шофер исчез и теперь уже навсегда.

— Давай-ка, подбрось в очаг еще хворосту, — говорит Абриа Махаури, глядя на Гелу.

Гела разжигает угасающий огонь.

Но хоть гром и прогрохотал мимо, после него все же остался какой-то осколочек пережитого страха, и этот страх еще был где-то здесь, в темном дворе. Все же, кем был тот неведомый всадник, куда спешил глухой ночью, куда гнал коня?.. Господи, помоги ему, если он на доброе дело ехал... Если же задумал зло, не дай ему доехать до цели, Господи...

— Хорошо, что ни говорите, когда тепло, — смеется бабка-сорока.

Абриа Махаури смотрит на нее насупившись.

Внезапно кто-то вспомнил: интересно, знают ли там, внизу, в деревне, что мы тут заночевали? — Нам скрываться нечего, — откликнулась балаболка Пело. — Скрываться-то, конечно, нет, но и на весь белый свет объявляться тоже не надо... Теперь вопрос уже обращен к Геле: когда ты давеча ходил в поисках крова, не повстречался ли с кем-нибудь, не спрашивал никто, кто, мол, вы и откуда? — Как же, встретился один, он и указал мне этот дом...

Гела сразу оказался в окружении, все сгрудились вокруг него. — Ну-ка, рассказывай со всеми подробностями все, как было, о чем он тебя спрашивал и что ты отвечал... — Что я должен был ответить? Путники мы, говорю, застигнутые дождем, хотим найти какой-то кров, укрытие. — Что за путники, откуда, куда путь держите? — В Чалаури, говорю, направляемся. А он — уж, говорит, и не припомню, когда кто-то в Чалаури поднимался, да и есть ли оно еще, это ваше Чалаури? — С чего бы ему не быть? — рассердилась Лела Гудушаури. — Куда ему деваться! — уговаривала сама себя матушка Гарсо. — А вдруг оно и впрямь подевалось куда-то, а мы и не знаем! — смеялась сорока-Пело, и все разом обрушились на нее: помолчи, женщина, дай послушать, что говорит этот парень. Но Пело продолжала хихикать и удивляться:

чего вы все опасаетесь, что, на нас разбойники нападут, что ли? А если и нападут, многим разживутся! Какая-то облезшая бурка, и все... Махаури обиделся, что его бурку обозвали облезшей, и сердито поглядывал снизу на Пело. А Пело уже улыбалась Махаури, это, мол, к слову пришлось, не обижайся... — А потом, когда я уже возвращался обратно... — Что, что случилось, когда ты возвращался? — закричали все в один голос. — Тот человек все стоял и не отводил от меня глаз. — А дальше? — А дальше пошел своей дорогой, но пока не скрылся в тумане, все оглядывался. На этом рассказ Гелы завершился, и община семерых могла успокоиться. Вновь воцарилась тишина. Доносился лишь треск сучьев в костре. — Кто вы и чего хотите, спрашивал? — вновь раздался голос матушки Гарсо. — Да, спросил, — кто вы и зачем в путь пустились... — А ты ему — чтоб у тебя язык отсох! — все и выложил, — гневается бабка-сорока.

По небу с глухим гулом пролетел самолет, и его звук, так же как давеча цоканье копыт, неотвратимо приближался, нарастал.

— Это мотор машины!

— Откуда здесь машине взяться? Автомобильная дорога у деревни обрывается.

— Какая еще машина, самолет гудит!

— В такой дождь?!

— Ну и что с того, в дождь...

— Неужто в нем сейчас люди сидят?

— А ты видела самолет, летящий без людей?!

— Помоги им, Боже.

— Не беспокойся, им не холодно и не голодно, сидят себе в тепле и на нас сверху поглядывают.

— Много они увидят в эту тьму-тьмущую.

— Страшно было, когда над головой пролетал немец, сейчас-то бояться нечего. Вы, конечно, не помните, детьми были, но тогда уж было страшно, так страшно.

— Страх и сейчас остался, кто знает, что тебе на голову с неба свалится...

— Вы бы мне поспать дали, а там что хотят пусть бросают!

— Уж сколько она трещала, конечно, спать захотела...

— Я как зевну три раза — тут же засыпаю.

— Уже зевнула в третий раз, бабка?

— Вот сейчас зевну, и все...

Больше не раздалось ни звука. Не брехала собака, не гудел самолет, не падали с листьев дождевые капли. Мир был охвачен сном, и община семерых тоже засыпала. Все укладывались в темноте, хибарку охватила сонная оторопь, но матушка Гарсо, пока ее окончательно не сморило, ворочалась на своем ложе, испуганно всматриваясь во тьму, и во что-то напряженно вслушивалась.

— Случилось что? — шепнула Лела Гудушаури.

— Мне показалось, опять лошадь скачет.

— Я ничего не слыхала.

— Ну-ка, прислушайся...

— Нет, ничего.

— Да, теперь и я не слышу...

— Спи. Показалось, должно быть.

— Наверное, я уже дремала.

Огонь погас. Луна снова спряталась за тучу. В хибарке стало совсем темно. Только из-за загородки горящими головешками светились четыре бычьих глаза. И еще, невидимые, бродили души, семь взволнованных, взбудораженных, перепуганных человеческих душ — они сновали по темной лесной чаще, жаловались, молили о помощи и спасении. Бродили меж деревьями и камнями, стремясь найти каждая собственную правду, их не пугала больше ни темнота, ни бурлящая река, ни дальние расстояния. Они были всюду. Превратившись в невесомую мысль, они распространились по всему свету, чтобы к утру, когда рассвет разгонит мглу, утомленные и обессиленные, возвратиться сюда и поселиться в общине семерых. Абриа Махаури думал о своей невестке. Собственно говоря, что она мне плохого сделала, уговаривал себя он, просто не хочется перед кончиной видеть ее, и все... Имеет, в конце концов, человек право на это или нет? Может перед тем, как на тот свет отправиться, глядеть на то, что хочется душе? Кого хочет, того призвать к себе? Больше я и не просил ведь ничего, дайте умереть, как хочется. На что же обижаться невестке, на что гневаться создателю? Но создатель, конечно, разгневаается. Не хватало, скажет, чтобы каждый помирал, как ему заблагорассудится,

чтобы я под вашу дудку плясал... Возьмет и закроет мне глаза, когда я вовсе и не ожидаю. Дал бы завтрашний день до заката дожить. Дал бы по взгорью подняться, а там пусть что хочет, то со мной и делает. Завтра к вечеру я уже в Чалаури буду... Встречусь с Георгием и скажу, посиди немного возле меня, в изголовье, лучше не в изголовье, а передо мною, чтобы я мог наглядеться на тебя. Пришел, скажу, мой смертный час. Знаю, не поверит он, скажет, что тебя одолеть сможет, дед, но все же поймет, что я правду говорю, побледнеет, а как же, должен ведь родного деда пожалеть. Ради него я всю свою жизнь прожил, ради него шел в этот путь! А прошел ли? Почему нет, прошел, конечно... Вот даже вижу его воочию. Подойди поближе, сынок, чтобы я мог дотронуться до тебя. Больно уж ты на дядю своего похож, прямо как две капли... Он такой же был, когда уходил... И ростом такой же, и годами... Я тебе что-то скажу, только ты меня не выдавай. Я все боялся, чтобы ты низкорослым не остался. Да, ростом тебя Бог не обидел, совсем как дядя вымахал! Бог порою прислушивается к мольбам человеческим, исполняет, если от всего сердца попросишь. Бросит нам то то, то это, нате, мол, как вам угодно, так и поступайте. Вот и я, как мне угодно было, взял и в этот путь отправился. Об одном мечтаю, чтобы ты на месте оказался, не отлучился никуда. А сейчас слушай меня хорошенько. Я хочу, чтобы ты закрыл мне глаза, чтобы у меня, как у несчастного Левана, незакрытыми не остались. И поплачь потихоньку, чтобы никто не заметил, дед я тебе, как ни говори. Чересчур не убивайся, посмеяться могут, и народу много звать не надо. Только тем сообщите, кто в самом деле пожалеет о моей кончине, и на поминках никому песни петь не разрешай, если кто вздумает, взгляни на него, как ты умеешь, сразу рот заткнет. Людям, знаешь, кажется, что смерть только других забирает, сами они никогда не умрут... О том, что похоронить меня рядом с Маико нужно, я тебе и не говорю. Могилка заросла крапивой и бузиной, придется расчистить, как бы не подумали, совсем, мол, они своих покойников забросили. Да, правда, вот еще что, если очень уж не осточертеет, не ломай нашего марани, пусть себе стоит, никому ведь не мешает? Знаю, парень ты хороший, вырастешь и все

поймешь. Завтра к вечеру я у тебя буду. Здесь я среди чужих, так помирать нелегко, должно быть... Нет, они, как будто, люди неплохие, кажутся добрыми и порядочными. Один парень здесь совсем на тебя похож! Если встретишь, поблагодари его. За что? За то, что тебя напомнил...

Элисо бежала по сельской дороге, а за ней гналась мать. Посреди дороги сидел Гугули, весь в пыли, и песни пел. Нет, мне нельзя здесь оставаться, надо бежать... Решено, иду в Чалаури! Только что это за Чалаури такое? Чем мне помочь сможет? Что — доберусь я до Чалаури, и все исчезнет, сгинет без следа?

Как будто того дня вовсе и не было? Было, все было... А этому парню что нужно? Весь вечер глаз не отводит. Тоже моя судьба... Шла бы своей дорогой, никто мне не нужен был. Интересно, что отец сказал, когда узнал? Что если он за мной в Чалаури погнался? Куда тогда бежать? Из Чалаури уже бежать некуда. Несчастный Авто! Полюбила бы его, если бы тот не появился на мою беду... Он один виноват во всем! Так мы всегда, никогда не довольствуемся тем, что Бог посылает. Все хочется чего-то другого, большего... Ничего мне сейчас уже не хочется, только поспать, закрыть глаза и уснуть, провалиться в сон, как мертвой, без мыслей, без снов, без ощущений... Когда говорили о ком-то, что для него все пути отрезаны, мне смешно было. А сейчас! Нет, не надо было из дома убегать. Что человеку поможет, кроме родимого дома? Несчастливая мама... Что, если встать и вернуться? Куда пойдешь в эту тьму-глухомань! Интересно, спят ли они? Кто? Да все эти, шестеро...

А сорока-Пело уже в Чалаури добралась, к своей подруге закадычной, и Миха, разумеется, тоже там.

Грузовик летел по дороге. Шофер Гогна сидел за рулем и плакал. Должно быть, та девка бросила его... Машина скрылась в тумане, взбираясь по дороге все выше и выше. Шофер Гогна не боялся ни высоты, ни крутых откосов. Горные хребты остались внизу, а машина взбирается еще выше. Вот они уже мчались прямо в тучах. Шофер Гогна продолжал плакать. Геле хотелось сказать ему что-то, успокоить, спросить, о чем он плачет. Но он ничего не говорил, будто слов вообще не существовало, исчезли куда-то все разом, и Геле ос-

талось лишь молча отдаться на волю этой машины, которая оставила внизу, под собой, облака и саму землю. Гела прикрыл глаза. Лучше бы ему не делать этого! Когда он их открыл, уже не было ни грузовика, ни шофера, ни бездонного неба — все исчезло. Мальчик сидел верхом на своем осле. Я ведь просил тебя привезти тыквы, сердился на него дед. Геле нечего ответить, и он молча гнал осла к винограднику. Потом исчез и осел. Гела догадался, куда он исчез. В хибарке было темно, быки приткнулись к загородке. Бабка-сорока посапывала во сне. Старик кашлял. Девушка ворочалась, не в силах успокоиться. В лесу ухал филин. Ему откликнулись шакалы. Кто-то с шумом пробирался в кустарнике за хибаркой. Вдали, в деревне, брехали собаки. Гелой овладело какое-то неизъяснимое спокойствие. Сон унес его в туман. Снов он не видел.

Матушка Гарсо думала о женщине, бежавшей из города. На то Божья воля, что именно она повстречалась ей... Матушка Гарсо опасалась ее и того, что женщина эта когда-то отправилась в город, а сейчас, спустя Бог знает сколько времени, возвращалась обратно в свое Чалаури, словно в землю обетованную. Чалаури для нее было всем. Она жила в Чалаури и теперь возвращалась, чтобы умереть там. Состарятся эти быки. Состарится матушка Гарсо. Затуманится разум, иссякнет сила в коленях, не сможет она больше ни корову подоить, ни траву скосить. Глаза потеряют ясность и остроту. Станет забывать снять с огня кипящий котел. Станет других упрашивать сходить за водой, и в один прекрасный день приехавший сын вдруг, как будто только что заметил это, тоже обнаружит, что его мать постарела, та самая мать, которая всем казалась вечно молодой и неутомимой. Сын, конечно же, не сможет оставить мать без присмотра, увезет с собой, созовет врачей, накупит лекарств и сложит на тумбочку у ее кровати, и все это произойдет там, в большом городе, в четырех стенах, от которых убежала эта женщина. Удрала в свое Чалаури вместе с внуком. Ей, оказывается, во сне чудился волчий вой. Матушка Гарсо не знала, кто и что нашептывал ей в уши, но была убеждена, что и шагу не сделает со своего подворья. Всего лишь однажды, в первый и последний раз, ослушается она сына, пойдет поперек его слова и

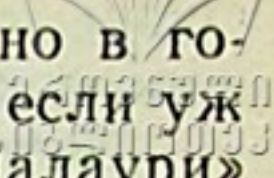
без оправданий и объяснений откажется ехать с ним в город. Откажутся запавшие глаза женщины, иссохшие мозолистые руки, выцветшая черная косынка, домо-тканый теплый халат, землистого цвета платье и старинные остроносые чувяки. Все они откажутся в один голос. А женщина скажет: это решено на небесах, она до последнего дыхания должна сохранять верность этому дому. Иными словами, жить там, где она только и может жить. Издали это могло показаться чем-то особенным, хотя на самом деле все очень просто: каждый должен быть там, где должен быть, иначе разве отправилась бы эта немолодая женщина на поиски своего Чалаури, того Чалаури, о котором целых двадцать лет и слыхом не слыхивала. Каждый должен идти собственным путем — и сыновья, и невестка, и внуки, и если в один прекрасный день они узнают, что их мать кончила свои жизненные мучения, это тоже должно быть воспринято просто и естественно. Матушка Гарсо всю свою жизнь прожила ради них и перед смертью, хоть и осталась одна-одинешенька, хоть в углу комнаты шуршала мышь и насторожившаяся кошка изготавилась к прыжку, хоть собака чутьем понимала, что происходит, и не сводила с женщины глаз, хоть быки подошли к самой веранде и, кроме них, кругом не было ни одной живой души, — матушка Гарсо, несмотря на все это, думала о сыне и внуках, испустив дух с этой думой и именно ее забрав с собой в мир иной, в тот мир, само существование которого никому не ведомо и куда все так боятся отправиться. Матушка Гарсо опасается огромного города и кладбища, на котором вместе покоятся знакомые и незнакомые, ближние и пришельцы. Этой женщине нужен был маленький деревенский погост, с могилами родных и соседей, всех, с кем прожила она свой век и, провожая которых, думала: вот и ушли уже все, одна я осталась среди чужих людей, и мне предстоит вскоре тоже последовать за ними. Поблизости должна быть могила старика, который унес с собой на тот свет славу неуживчивого и сварливого человека, а в памяти матушки Гарсо он так и остался «июньским дедушкой». Она сама окрестила его этим именем, потому что не было ни одного июня, когда бы этот сварливый и неуживчивый старик, спустившись с гор, не остановил своей арбы возле ее

дома и не достал из плетеной корзинки охапку красивой луговой земляники со словами: «На, возьми, девочка!» Кто как, а матушка Гарсо непременно желает, чтобы ее последнее обиталище находилось вблизи его могилки...

По небу бежали тучи, и звезды то выглядывали сквозь просветы, то вновь прятались. Спала убежавшая из города женщина. Где-то выли волки, матушка Гарсо часто слышала этот вой, но только сейчас, в глухую полночь, рядом с этой то ли городской, то ли чалаурской женщиной, этот вой доставлял ей радость. Матушка Гарсо то и дело поглядывала на женщину. Та лежала на спине и тихонько посапывала. Матушке Гарсо хотелось дотронуться до нее рукой, разбудить и шепнуть: слышишь, женщина? Не слышу ничего... Как, то есть, не слышишь, ведь это волки воют, настоящие волки. Тогда, наверное, женщина поднимется, подойдет к порогу хибарки, прислушается к вою и скажет: да, это действительно волки, теперь я убедилась, что в самом деле мы держим путь к Чалаури.. Завтра к вечеру будем там... Все, кто находился под этим кровом, жили надеждой добраться до Чалаури. И весь необъятный небосвод со всеми своими тучами, звездами и лунной глядел сверху на них и молча думал: чего им нужно, что несут с собой, что потеряли в этом Чалаури? А волки все выли, и женщина спокойно спала.

Для Зазы Гудушаури это самое Чалаури вовсе не казалось землей обетованной. С тех пор, как они отправились в дорогу, мысль о Чалаури не оставляла его. Бабушка-то знала, куда идет и ради чего. Все двадцать лет она только об этом Чалаури и говорила, стремясь даже в городе обнаружить его. Скорее всего, она сможет найти то, что ищет. Но Зазе искать нечего. Он даже не представлял, чем завершится это непонятное путешествие. Дождь кончится, не может ведь лить без конца, и они отправятся к горам, что высятся за рекой, а потом — все имеет свой конец и завершение — завершится и эта дорога. Они доберутся до Чалаури! Кто их там встретит? Отец бывал в Чалаури, но никогда не рассказывал, кого и что видел он там. Да, Чалаури великолепно, Чалаури прекрасно, Чалаури подлинный рай... Ну и что? Пройдет пара дней, и первые восторги улетучатся. Заза Гудушаури не знал пока даже, оста-

вит ли он там бабушку, а сам вернется обратно в город, или же оба сразу же отправятся назад. И если уж быть совершенно откровенным, само слово «Чалаури» ничего не говорило ему. Заза Гудушаури нездешний, не станет он клясться в любви к Чалаури. Все происходящее напоминало что-то уже слышанное или читанное. Они как бы пытались вернуть прошлое. Но это невозможно. Человек в наши дни живет там, где ему лучше. Возможно, они и будут счастливы в Чалаури. Или когда-то были счастливы и сейчас направились на поиски этого счастья? Заза Гудушаури никогда не бывал здесь и не мог отправиться на поиски того, чего не было. Этой ночью он всему предпочел бы чистую теплую постель. Дома он врубил бы сейчас магнитофон и слушал бы музыку, вместившую все без исключения: и эту ночь, и луну со звездами, и поиски счастья, и ностальгию. Или почитал книгу, в которой тоже было бы написано обо всем, возможно, даже о том, о чем мечтали эти старики, воображая, что это ведомо лишь им и больше никому на свете. Только им суждено тащить груз радости и грусти. Только им суждено одолеть подъем, который предстоит пройти завтра. Все это уже было, было множество раз и, должно быть, еще столько же раз повторится в будущем, и ничего в этом нет необычного и особенного. И все их горести покажутся такими же простыми, какими со временем кажутся издали горести множества других людей. В конце концов, что было бы честнее, остаться дома и прямо заявить: это Чалаури мне до лампочки, или отправиться в дорогу, проклиная в душе минуту, когда поддался на это? Может, эти люди счастливее меня? Может, именно в этом и была истина? Может, так и надо, что семеро заплутавших в жизни людей направлялись куда-то в Чалаури, веря, что оно существует на самом деле и они обретут там радость, простую человеческую радость? Чего, к примеру, добивается эта девушка? Почему кажется такой напуганной? Здесь все были напуганы, всех беспокоило что-то, за всеми словно гнался кто-то и вот-вот должен настичь беглецов. Вот уже донесся звук шагов, вот уже замелькали какие-то смутные тени, преследователи настигли их... На дворе стояла ночь, настоящая ночь в лесу, и никого не видно, все шло своим чередом, как тысячу раз прежде. А де-

вушка, готов спорить, не спала... Может, выйти во двор, ночь великолепна, и мне все равно не спится.

Заза Гудушаури потихоньку встал и вышел за порог хибарки во двор. Стояла прохладная ночь. Влажная от дождя трава холодила ноги. По небу бежали тучи. Кое-где проглядывали звезды. Заза Гудушаури стоял и, улыбаясь, смотрел в сторону хибарки. Ему было смешно, он признавался сам себе, что вышел во двор, надеясь, что и девушка тоже встанет и последует за ним... Нет, не вышла! Заза Гудушаури продолжал смеяться. Ему всем сердцем хотелось, чтобы девушка вышла. Закурив сигарету, он еще раз посмотрел на небо. Тучи набегали одна на другую, и вот уже звезды остались лишь на небольшом лоскуточке неба. Завтра опять будет дождь. Эта мысль опрокидывала все вверх тормашками, и Заза Гудушаури уже не представлял, что произойдет завтра, если опять будет лить дождь. Верно, Господь испытывает нас... Сигарета погасла. Заза Гудушаури осторожно вернулся в хибарку и пошел к своему углу. Нет, конечно, девушка не спала.

Лела Гудушаури шла по желтому лесу. Листья осыпались и весь лес, сколько видел глаз, был покрыт желтым налетом. Кое-где дрожали последние желтые листья на обнаженных ветвях. Они испуганно ожидали, когда порыв ветра сбросит наземь и их, когда и они неотвратимо последуют за остальными. Нахохлившаяся серая птичка села на ветку, сбрасывая наземь капли росы. Дрожащие листья, поглядев вверх, успокоились: это птичка, всего только птичка! Сверху пока что ничего больше не угрожало. За пожелтевшим лесом, из лощин и ущелий поднимались клочья серого тумана, окутывая стволы деревьев и вновь отступая в низины. На оголенных ветвях чернели брошенные птичьи гнезда. Обитатели давным-давно покинули их и улетели. В опустевших гнездах теперь обитала лишь осенняя тоска, не имевшая ни облика, ни цвета, но тем не менее она все бродила окрест, ища неизвестно кого. Черные гнезда на голых ветвях! А внизу — земля, покрытая жухлой листвой... Все кругом испуганно трепетало, словно готовясь исчезнуть и пропасть, подобно последнему листочку. Серая птичка прыгала с ветки на ветку, призывая кого-то. Но никто не откликнулся на ее призыв. Птичка уселась под желтым листом и, за-

крыв глаза, ждала чего-то. Да, что-то должно было произойти... Желтый лист сорвался с ветки и опустился на землю. Птичка проводила его полет взглядом. Все кончено. Птичка молча взлетела с ветки и скрылась где-то вдали... Из лощин поднимался туман, серый, густой, непроглядный. Покрыв низину, он опустился на землю. Желтизна покрылась серым цветом. Ветви тянулись кверху, однако серый туман не выпускал их. Птичьи гнезда скрылись в мглистом мареве.

— Господи, помоги страждущим...

— Ты не спишь, женщина? — прошептала матушка Гарсо.

— Нет.

— Слыхала?

— Что?

— Волки выли...

— Почему не разбудила меня?

— Пожалела.

— Должна была разбудить.

— Скоро рассветет.

— Петухи кричали уже?

— Слышишь, кричат!

— Да, слышу... Кричат.

* * *

На следующее утро опять была ненастная погода.

— Снова дождь! Говорила ведь...

— Не женщина, а ведьма настоящая! Хоть одна ведьма всегда рядом со мной оказывается.

— Разгневался на нас Господь...

— Не вечно же лить будет.. Перестанет рано или поздно...

— Нет, что-то непременно должно случиться...

— Пусть себе льет сколько угодно, не подохнем!

При упоминании о смерти все сразу позабыли про дождь.

— Я лично не боюсь смерти.

— А я разве боюсь? Как завидит меня мой Миха, скажет, где, мол, до сих пор была!

— Эх, тебе бы трещать только...

— Отправимся в путь, авось, перестанет, не вечно же ему лить, мои дорогие!

— Видишь, как река разлилась? Нам ее раз десять перейти придется.

— Заткни, парень, глотку своему радио! Им-то до наших бед дела нет...

— Небось думают, хоть бы остаться здесь и никогда не идти...

— Тише, кажется, кличет кто-то.

— Пусть себе кличет, не нас же!

— А кого, если не нас?

Община семерых замолчала, уставившись в непроглядную стену дождя. Нет, он не думал кончаться. Так и будет лить до скончания века. Никогда уж не увидеть им чистого неба. Не выглянет солнце. Эта хибарка навечно станет их обителью и пристанищем, маленькой вселенной, где семерым суждено пребывать весь остаток своей жизни... В этом убеждает их нескончаемый дождь. Кроме него, никто не скажет такого. Дождь торжествует, так как общину семерых вновь охватил страх. Накануне они искали пристанище, где могли бы заночевать, у них была общая цель, и эта цель сплотила маленькую общину. Сегодня цель исчезла. Совместное пребывание стало бессмысленным, ненужным. Каждому в отдельности представлялось, что если бы не эта задержка, эта хибарка и все эти незваные попутчики, он давным-давно уже был в Чалаури. Обвинение несправедливое, все про себя признавали это, но тем не менее оно возникло, появилось, ползло меж ними, то объединяя общину семерых воедино, то разбивая вдребезги. От вчерашнего дня уже ничего не осталось. Сейчас они могли разойтись кто куда, даже не посчитав нужным кивнуть друг другу на прощание. Остался лишь этот проклятый дождь. Только он еще спланивал общину. Все семеро испытывали к нему ненависть и отвращение и, честно говоря, даже находиться вместе с остальными им уже было нелегко. Всех раздражала трескотня бабки-сороки. Не раскрывавший рта Абриа Махаури наводил на всех страх, словно рядом притаилась сама безногая с косой, дожидавшаяся своего часа. Погруженная в раздумья матушка Гарсо со своими быками уже превратилась просто-напросто в воровку, и никому из семерки неиз-

вестно, когда настигнет ее кара. Лела Гудушаури сама не знала, как быть, куда идти. Ее внучек все поглядывал на сторону. Община семерых еще не поняла, куда заносит Зазу Гудушаури, парень словно оставался рядом с ними, и словно нет его, ускользнул куда-то в неизвестность. Эта девушка тоже получит свое, не избежит беды, и упаси Господи, чтобы это произошло здесь, у них на глазах... Оставался только парень по имени Гела, да и с ним еще неясно, где он витал в мыслях, тут или Бог знает где, он был вроде хозяина этой хибарки, главаря общины, и, потребуйся трезвый ум или юношеская энергия, от кого еще ждать их, как не от него! А дождь все лил и лил. Туман полосами стлался в ущельях. Река разлилась еще сильнее. Из нижнего села не доносилось уже ни человеческого голоса, ни собачьего лая. Весь мир исчез, и только этот дождь, сильный и бесконечный, продолжал существовать.

Община семерых безмолвствовала. Сорока-Пело то ли притомилась, то ли уже выговорилась до последнего словца. Всякое желание совместного пребывания и общего разговора иссякло, редко-редко кто-нибудь перекинется словом-другим. Да и эти слова были лишены смысла и энергии. Откуда-то бесшумно, как бесплотная мысль, возникло тайное желание — вернуться обратно, разрушить общину семерых, пойти каждому своей дорогой, отступить, отгородиться от остальных, остаться самому по себе... Но дождь все лил, и нельзя было ни продолжать дорогу, ни свернуть в сторону, ни повернуть назад. Дождь отрезал все пути, оставив семерым одну-единственную возможность: по-прежнему смотреть друг на друга, развлекать друг друга, друг в друге искать добродетель или не подлежащую отпущению греховность. Заза Гудушаури не отводил глаз от девушки. Та чувствовала это и не могла пока окончательно решить, приятно ей это или нет. Абриа Махаури не думал больше ни о том, что произойдет завтра, ни где и когда встретит свой последний час. Для матушки Гарсо эта девушка и городской парень — посланники свыше, на которых возложена миссия произвести нечто неведомое в этой общине семерых, которая уже стала походить на небольшое поселение. А раз поселение, то в нем что-то должно произойти. Более того, в по-

селении кто-то неизбежно должен умереть. Гела теперь сердился на городского парня. Что он ведет себя так, словно ничего на свете не видел, думал он, да и девушка хороша, неужели не может догадаться, что происходит! Для этого городского парня сейчас все одно, кто окажется с ним рядом и с кем он сможет развлечься, лишь бы как-нибудь убить этот бесконечный ненастный день. Судьба подбросила ему именно эту девушку, так получилось. Разве трудно сообразить, что к чему? Но девушка ничего не понимала. Кто знает, куда занесли ее мечты? А бабушка парня нервничала, места себе не находила, то подзывала внука, усаживала его рядышком, то девушке придумывала какое-нибудь поручение... Но сцена, где все это происходило, весьма ограничена, ладошкой можно все место действия прикрыть. Если дело этим не кончится, им, конечно, может не хватить простора. Дождю надлежит отступить, предоставить немного больше свободы. Тогда и произойдет то, что происходит в каждом поселении. Не может не произойти, если это действительно поселение.

Боже, этот горожанин догадался обо всем, думала девушка, не зная, как прикрыть тело своим коротким тоненьким платьем. Нет, на свете невозможно ничего скрыть! Для всего находились зрители и слушатели. даже если что-то происходило в стороне от городов и сел, в зарослях кустарника. Оказывается, все неизбежно отражалось на лице, лишь бы оказался тут же кто-то, кто пожелает и не поленился прочитать это... Каждый мог безошибочно вычитать, что случилось с нею, и о чем она в эту минуту думала, и что намеревалась сделать завтра. Все у него точно такое, как у того — и холодный медлительный взгляд, и настойчивость, и уверенность в себе. Все дороги открыты, нет силы, которая могла бы встать у него на пути, воспротивиться ему — он повелитель вселенной! Как бы не так, вселенной! Он мой повелитель, и таких, как я, глупеньких и покорных. Почему бы и нет? Если целых два дождливых дня не думать больше ни о чем, только как бы обмануть дурачку вроде меня, добьешься своего, а как же! Почему же тогда не думает тот, другой парень, которого Гелой зовут? Откуда во мне появляется такое спокойствие, стоит только оказаться рядом с Гелой, и почему охватывает страх, почему дрожат руки-ноги, ко-

гда вижу холодный, неподвижный взгляд горожанина? Ему даже рукой пошевелить не понадобится, шагу на встречу сделать, я сама, добровольно подойду и брошусь ему в ноги, сама скажу, возьми меня и повелевай... Эта мысль заставила щеки Элисо запылать от гнева: попробуй только скажи мне хоть слово! И так ей это понравилось, что она, опасаясь сама себя, испуганно оглядывалась по сторонам, не заметил ли кто, не догадался ли о ее мыслях? Она хотела подойти к Геле, сесть с ним рядом, сказать что-нибудь, ощутить то спокойствие, которое так щедро исходило от этого парня, но не могла, подавленно забилась в угол, мечтая, чтобы разверзлась земля под ногами и поглотила ее. А Заза Гудушаури стоял и смеялся. Чего он скалится? Неужели и об этом догадался? — злилась девушка и вдруг громко проговорила:

— Кончится когда-нибудь этот дождь или нет?!

Голос девушки прогремел, как гром. Она сказала то, что хотелось сказать каждому. Сказала та самая девушка, от которой все уже отчаялись услышать хоть одно слово. Не такая уж она бессловесная, подумала Лела Гудушаури, вглядываясь во внука. Парень по-прежнему смотрел на девушку, и Лела Гудушаури окончательно убедилась: надо держать ухо востро, не то непременно что-то произойдет. Женщина взбунтовалась. В ее душе проснулась решимость пантеры, у которой остался единственный детеныш и которая скрывалась в непролазных зарослях, чтобы спасти его от гибели. Только этого мне не хватало, подумала Лела Гудушаури и, не довольствуясь этим, повторила то же самое вслух.

— Только этого мне не хватало!

Все остальные разом обернулись в сторону женщины.

Бабка-сорока захихикала.

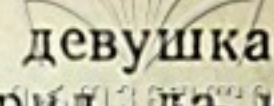
— О чем ты?

Лела Гудушаури не сводила глаз с девушки.

— О дожде, о чем еще...

Девушка прислонилась к дверному косяку.

Нет, не дождь она имела в виду, как бы не так, думал Абриа Махаури. Все мы на дождь валим... Женщина готова съесть эту девушку... Абриа Махаури жалел девушку. Он чувствовал, что общину семерых те-

перь уже объединяла не мысль о дожде, а девушка. Парень мучил ее... Смотрел и ничего не говорил, да и что мог сказать, мы-то ведь тут, рядом. И тем не менее мучил. Абриа Махаури здесь никому не спустит. Когда девушка появилась на берегу реки, там находился один Махаури. Девушка была первой, кому решился открыться Абриа Махаури на этом адском бесконечном пути. Выйдя из дому, он ступил на дорогу смерти и первой встретил ее. Она первой поздоровалась с ним, и с нею первой заговорил Абриа Махаури. Девушка вывела его из оцепенения и, кажется, даже помогла свернуть с той дороги, которую Махаури, никому ничего не говоря, назвал дорогой смерти. Теперь этот путь проходил через Чалаури и, не появившись эта девушка, возможно пролег бы совсем иначе, не стань она рядом. не поздоровайся с ним. Остальные пришли позже. Это потом они стали семеркой. Девушка сама не понимала, что она сделала. Совершая какое-нибудь большое дело, часто и не подозревают об этом. А девушка сделала большое дело: села рядом, когда Абриа Махаури уже ничего больше не ждал! Ему хотелось поймать взгляд притулившейся к косяку девушки. Не так уж много времени они вместе, всего только один день и одну ночь, даже и того нет, а произошло нечто такое, что происходит во всем мире. Не так уж, оказывается, мало времени — одни сутки... Если Всемогущий позволит мне прожить еще денек, если дарует, чтобы я с внуком встретился, покину бренный мир спокойно, не ропща. Куда подевалась та девушка? Вот она, к роднику направилась. И парень за ней, а его бабка, разумеется, тут же придумала что-то, чтобы последовать за ними. Всех троих нещадно поливал дождь. Оставшиеся под навесом наблюдали за ними, словно они вышли на сцену на глазах нетерпеливой публики, ступили на возвышение, где что-то неизбежно должно произойти... Но ничего не происходило! Девушка, попив воды, побежала обратно к хибаре, вымокнув до ниточки. Парень тоже попил воды, испытующе поглядывая на бабушку. А та не знала, как быть, пришлось и ей нагнуться к родниковой струе, а дождь нещадно поливал спину, и парень безошибочно вычитал на ней истинную причину бабкиного решения направиться следом за ними к роднику.

Настала пора и сороке-Пело выкрикнуть свое:

— Они что, с ума посходили?!

Ее крик отрезвил общину семерых.

Махаури окликнул девушку.

— Иди, присядь здесь...

Девушка испытующе посмотрела на него. Потом подошла и послушно уселась рядом со стариком.

Спокойствие вновь овладело общиной семерых.

А дождь и не думал кончаться. Туманы по-прежнему клубились в верхушках деревьев. Каркали вороны. Их карканью снизу, из деревни, лаем отзывались собаки. И снова воцарилась тишина. Но потом из леса донесся стук топора. Кто бродит по чащобе? Вскоре туман как будто немного разошелся, проглянула из мглы лесная опушка, — как бы только для того, чтобы перед общиной семерых предстал собственной персоной человек, стук топора которого давеча доносился из леса. Да, это конечно же он, вот и топор в руке! Человек стоял, замерев на месте, и смотрел на хибару. Бог знает, сколько времени прошло, как он не видел никого в этом заброшенном доме, или хибарке, и в его глазах, вместе с удивлением, можно было вычитать и любопытство, захотелось разузнать, кто они такие, как очутились здесь, откуда шли и куда направлялись... Он стоял неподвижно и глядел на них. Потом вдруг, словно чего-то внезапно испугавшись, повернулся и исчез в тумане.

— Чего он испугался?

— Почему не подошел, слова не сказал?

— Пойдет сейчас раззвонит, что повстречал в лесу нечистую силу.

— Еще чего — нечистая сила!

— Разрази меня гром, если не скажет! Однажды и мой Миха с нечистью столкнулся.

— Почему все же он ни слова не сказал?

— Догони и спроси.

— Некоторых Господь Бог ума лишает. Хоть «здравствуйте» мог он сказать?

Нас раскрыли, испуганно думала община семерых, и этот дом, или хибарка разом превратилась в одинокую планету, окутанную туманом. Планету, которая возвестила остальной вселенной о своем существовании. Сознание этого могло вселить и страх, и гордость... Но

пока что появилась новая забота: как примет бескрайняя вселенная весть о существовании этого неприметного небесного тела, не удостоит взглядом, как мириады блуждающих метеоритов и болидов, или нацелит свои самые мощные телескопы на эту выскочку, неизвестно как возникшую на неположенной орбите, где никто ее появления не ожидал.

— Гляньте-ка, развиднелось!

— Да, проглянул чистый лоскуток.

— Ну-ка, парни, посмотрите, действительно выглянул лоскуток или только кажется?

— Проглянул на мгновение и вновь скрылся...

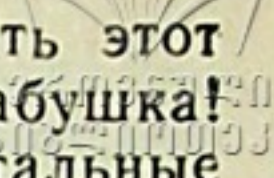
— Нет, этот дождь не кончится никогда!

— В небе ни просвета.

— Пусть потом во всем винят дождь...

Девушка по-прежнему сидела рядом с Махаури. Бабушка притулилась в углу и не сводила глаз с внука. Только Гела строгал ножиком какую-то палочку, что-то насвистывая. Сорока-Пело грела руки над огнем. Матушка Гарсо то и дело поглядывала в сторону своих быков, которые стояли возле дома и смотрели на хозяйку.

Да, во всем будет виноват дождь... Это мысль литератора, тысячекратно читанная и слышанная прежде. Собственно говоря, Заза Гудушаури во всем этом путешествии видел только литературу, литературным было отправление из города бабушки с внуком. Литературным представлялось несуществующее Чалаури, и бабушка, решившая возвратиться в места, покинутые Бог знает когда. И все эти люди, этот дождь, непреодолимой преградой разлившаяся река, хибарка и ночь, проведенная в ней с незнакомыми людьми, и, наконец, девушка. Может быть, именно эта девушка и превратила все остальное в литературу? Она явилась как раз в ту минуту, когда должна была появиться, и точно так, как появляются персонажи в пьесах: заходит девушка, одетая в тонкое короткое платье, растрепанная и взволнованная. По всему видно, с ней что-то случилось. Что? Когда? Там, в прошлом, во времени, существовавшем еще до начала пьесы? Персонажи ведь появляются в пьесах с какого-то определенного момента. Вошла она и встретила некоего Зазу Гудушаури.

Начался дождь. Да, во всем следует винить этот дождь... Кто должен винить? Разумеется, бабушка! Или, может, все остальные? Конечно же, и остальные тоже! В произведениях обвинителем и судьей всегда выступает народ или хор. Пока что хор сидел, застыв на месте, моля Бога лишь о том, чтобы дождь перестал и хотя бы завтра выглянуло солнце. Меня лично дождь уже мало волнует. Я сочиняю свое произведение, и занимает меня прежде всего эта девушка. Мир уже не так велик и бескраен. Вселенная начинается здесь, и здесь же, только протянуть руку, оканчивается. Мы уже ничем не обязаны миру. Мир — все вокруг: старик, неунывающая женщина, грустная и обессиленная хозяйка бычьей упряжки, парень, который, возможно, только здесь выглядел таким хорошим... По замыслу невидимого автора пьесы, мне предстояло встретиться только с этой девушкой. Вот и встретился, а теперь не могу понять, что произошло. Кто там говорил: мои персонажи действуют помимо моей воли? Кто только не говорил... Все они, по всей вероятности, были так же неискренни, как я. Сейчас здесь ничего не происходит помимо моей воли. А дождь, похоже, впрямь кончается. — Кончился! — во весь голос закричала бабка-сорока, — Проглянул клочок чистого неба!

Девушка выбежала во двор, словно желая догнать лоскут лазури. Пусть себе гонится. Мой персонаж действует, не согласуясь с моей волей, и, если я не окончательный болван, должен последовать за ней, не оставляя же ее одну...

Все высыпали на двор. Дождь перестал, но надеждой для всех пока оставался лишь единственный клочок голубого неба. Все смотрели на него. А девушка так прямо вся устремилась к нему.

— Кто говорил, что не развиднеется?

— Чему ты радуешься, вчера вечером так же было...

— Не может эта женщина не отравить нам настроение!

— Не бойтесь, завтра непременно будет хорошая погода.

— Одно это нас не спасет, — как реку переплыть, ты подумала?

— Угломонится и она, как же иначе!

— Куда, интересно, эта девушка собралась?

— Обрадовалась, что прояснилось...

Лела Гудушаури брела по мокрой траве, окликая внука: — Заза, не слышишь меня, Заза?!

А парень и впрямь ничего не слышал. Бабушка все взывала: — Не слышишь меня, Заза?

Парень остановился и обернулся. Абриа Махаури испуганно вздрогнул — Господи, он же просто терпеть не может свою бабуку! Абриа Махаури ускорил шаг, чтобы догнать Зазу Гудушаури, хорошенько разглядеть его лицо, заглянуть в глаза и удостовериться, что под этим небосводом, в эту минуту, под этим небольшим лоскутом чистого неба парень ненавидел свою бабуку лютой ненавистью! Заза, словно догадавшись обо всем, наклонил голову, и Абриа Махаури остановился. Ему в глаза не заглянешь! У каждого свои мысли, и только Господу Богу возможно прочесть их все. Девушка по-прежнему не отводила глаз от голубого просвета в небе. Бабушка прижимала к себе внука, и тот чувствовал, как она дрожала и трепетала всем телом. Матушка Гарсо гнала быков к водопою. — Я ведь говорила, все имеет свой конец! — повторяла сорока-Пело. Гела не мог усидеть на месте, готовый припустить в сторону деревни. Но его остановили: куда, зачем, что ты потерял в этой деревне? Гела не знал, что ему нужно в деревне, но раз уж она появилась, раз туман рассеялся и показались дома с дымившими трубами, значит, туда можно добраться. Но нет, община семерых не собиралась никуда отправляться. Община семерых сама по себе, остальной мир — сам по себе. Этой хибарке суждено было продолжить жизнь без посторонних глаз, уединенно и отстраненно от всех, как жила до сих пор. Остальное произойдет завтра, наутро, когда бабка-сорока выскочит за порог и закричит: — Гляньте, солнце! Да, назавтра выглянет солнце, и они отправятся в свой путь. Сейчас же всему надлежало оставаться по-старому, как вчера днем и нынешней ночью.

Гела вернулся и сел на порог хибарки. Девушка по-прежнему пыталась отыскать на небе лазурные просветы. Вот еще один, там третий... Весь край неба на западе уже очистился! Тучи мчались куда-то, словно вперегонки, и девушка бежала по мокрой траве, то показываясь между стволами деревьев, то вновь скры-

ваясь из глаз. Заза Гудушаури места не находил, бабушка все еще дрожала и не отпускала его руки. Абриа Махаури не сводил глаз с Лелы Гудушаури, думая про себя: вот оно, настало время, когда эта женщина решится на что-то, как решилась недавно, но на этот раз не промолчит, а объявит о своем решении громко, во всеуслышание... Но Лела Гудушаури молчит, не отпуская руку внука. Смотрит на Абриа Махаури, потом обводит взглядом всех остальных и, словно окончательно решившись порвать со всем, что так ее мучило до сих пор, направляется к лесу. Община семерых замирает, и ее молчание злит Зазу Гудушаури. Это литературное молчание. Парень знает, что в эту минуту непременно произойдет что-то. Этого требует закон композиции, строжайший закон, которым никто не вправе пренебречь. Мы бессильны перед лицом этого закона. И властная его сила заставляет разом смолкнуть общину семерых. Пятеро из них превращаются в зрительный зал. Публика, затаив дыхание, ждет того, что должно случиться, ждет, что скажут друг другу два персонажа, взошедшие на луну.

* * *

— Эй ты, ну-ка подойди сюда!

Девушка медленно подошла. Под ногами глухо шелестела мокрая трава. Она шла, глядя на женщину с вызывающей гордостью.

Лела Гудушаури всматривалась в ее глаза, оглядывала с ног до головы, желая обнаружить тот коварный умысел, который, по ее убеждению, не мог не таиться в девичьем сердце.

Девушка спокойно спросила:

— Что ты хотела сказать, бабушка?

Ее спокойствие вывело женщину из себя.

— Ничего, о чем мне с тобой разговаривать...

— Знаю, что ты хотела...

— А коли знаешь, чего спрашиваешь?

Девушка рассмеялась.

Над чем смеется, если ничего не скрывает в душе?

— Вы думаете, одни вы всегда правы бываете.

— Кто мы?

— Не знаю... Весь мир...

Лела Гудушаури окончательно растерялась и, словно до конца выполнив свою обязанность, в полной тишине направилась в сторону «зрительного зала»...

Абриа Махаури позвал:

— Иди, сядь здесь, девочка.

Община семерых безмолвствовала. С небес доносилось воронье карканье. В деревне звали кого-то. То, что должно было случиться, уже произошло. Вся община безошибочно чувствовала это. Никто больше не вспоминал о голубом лоскутке, давеча проглянувшем на небе. Семерка погрузилась в свои мысли, и от ее бывшего единства не осталось и следа. Сохранился лишь единственный туго завязанный узелок — между девушкой и Лелой Гудушаури. Эти двое сказали друг другу нечто такое, что осталось неведомым для всех остальных и что никак не вмещалось в созданную Зазой Гудушаури композицию. Бабушка сидела, не сводя с девушки глаз. Мгновение, когда она отвернулась, чуть не погубило ее, едва не вырвав из рук то, что, пока жива, она не отдала бы никому на свете. Лела Гудушаури глядела на девушку и того старика, что первым пришел к этой реке и с тех пор сидел так, окаменев, пока к нему не подседа девчонка. Эти двое, старик и девчонка, теперь совсем одни, выделились из общины семерых, погрузившись в раздумья о том, что должно было случиться после разговора между девушкой и Лелой Гудушаури.

— Ты зачем в Чалаури идешь, дяденька? — шепотом спросила девушка.

— Внука хочу повидать.

Девушка ни о чем больше не спрашивала, и Махаури вполголоса добавил:

— Если только живым доберусь... Не хочу уходить из жизни, не повидавшись с ним.

— Не бойся.

Чего старику бояться? Он свое прожил, все повидал, так что бояться уже нечего. Так думала девушка, а сама только того и опасалась, как бы он не спросил, ты-то чего в это Чалаури собралась, что там потеряла? Девушка не знакома с Абриа Махаури и не знает, что он никогда не задаст подобного вопроса. Махаури сам для себя догадался о чем-то, не о чем-то — о самом главном. Эта девушка несчастна! Воз-

можно, прежде она испытала счастье, не исключено, что еще повстречает его завтра, но сейчас, в данную минуту, несчастна! Что могло быть главнее этого? Махаури даже не желал знать ничего больше. И если бы не община семерых, если бы не смущение, которое неизбежно должен испытать старик, которому стукнуло восемьдесят, в отношении этой двадцатилетней девушки, Махаури бы погладил ее по голове, приласкал. Но это невозможно. Даже думать нельзя. Единственное, что осталось Махаури, улыбнуться девушке той улыбкой, которую два дня подстерегала на его лице сорока-Пело, но так и не смогла перехватить.

Махаури улыбнулся девушке и шепнул:

— Ты тоже не бойся...

Девушка посмотрела ему в глаза.

— Нет, мне страшно.

Лела Гудушаури не могла найти себе места, вглядываясь в две склонившиеся друг к другу головы — старика и девушки, — словно пытаюсь вычитать что-то со страниц раскрытой книги, на которых ничего невозможно было разобрать и вычитать. Лела Гудушаури посмотрела на внука, но тот не отводил глаз от девушки. Хватит! Женщине захотелось побежать к реке, позвать на помощь весь мир.

— Господи, помоги...

И Всевышний услышал ее мольбу, — значит и впрямь есть Бог на небе...

— Эге-гей! — донесся крик.

Оказалось, что история девушки и бежавшей из города в горы старой женщины должна была завершиться этим криком, донесшимся с откоса под хибаркой, приютившей общину семерых. Этот оклик вернул оторванную от вселенной маленькую планету остальному миру.

Все семь человек, составившие общину, разом вздрогнули.

Нас зовут или кого другого? Что ему от нас нужно, этому оглашенному? Вот снова позвал... Пусть себе орет, сколько душе угодно! Снова сорвались и побежали к горизонту тучи. Не бойтесь, завтра дождя не будет. Запомните мои слова. Где слыхано, чтобы лило трое суток без перерыва! И трое суток лило, бывало, и дольше! Мне кажется, что сижу тут всю

свою жизнь, в этой развалюхе. А ведь не так уж много времени прошло, только вчера пришли сюда... Да, только вчера!

А незнакомец все кричал, и община семерых замерла в ожидании.

— Не откликайся...

— Пусть себе кричит, сколько угодно...

Незнакомец наконец умолк.

Семерка ждала, но зов больше не повторился. Община успокоилась, перевела дух, огляделась вокруг.

Девушка куда-то пропала!

Ее нигде не видать!

Лела Гудушаури стояла у самого берега и улыбалась:

— Спасены!

Эта улыбка означала счастливый конец, и с нею женщина вполне могла предстать перед Всевышним. А она, оказывается, не такая уж плохая, эта девчонка, все поняла, сама отошла в сторону. Лела Гудушаури приняла меры, чтобы ничего не случилось, вот и не случилось. Ей не пришлось сворачивать со своей дороги. Эта дорога шла в Чалаури, и если, с Божьей помощью, погода выправится, завтра к вечеру все будет кончено. Что там будет, одному Богу известно. Женщина не хотела пока даже думать об этом, сперва надо туда добраться. Остальное станет ясно на месте. может, все решится само собой, может, Чалаури само вынесет приговор дочери своей, что покинула его давным-давно...

— Эй, девка, слышишь! Где ты там, чтоб тебя земля проглотила!

— Почему ее должна земля проглотить?

— А разве можно так исчезать, не сказав никому ни слова?

— Захотела и ушла.

— Слышишь, девочка!

— Хоть словечко сказала бы на прощание.

— Даже с тобой не попрощалась, парень?

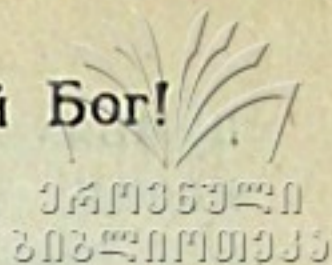
— Эге-гей, где ты там!

— Чем мы провинились? Ни тепла тебе не пожалели, ни доброго слова.

— Ничего подобного не видела в жизни.

— Эй, девочка!

- Не сделала ли она чего с собой, не дай Бог!
- Не бойтесь, на это она не пошла бы.
- Кто сказал — не бойтесь, мол?
- Я сказала, — откликнулась Лела Гудушаури.

Внук посмотрел на бабушку. Абриа Махаури — сперва на женщину, затем на внука, а потом — на тропинку, по которой, должно быть, ушла девушка.

Круг разорвался, община семерых потеряла одного своего члена. к тому же — первого, кто занял место рядом с Абриа Махаури здесь, на берегу разлившейся реки. Это почему-то наводило на мысль о приближении конца, и Абриа Махаури не ведал, хватит ли ему силы в ногах, чтобы дойти до цели. Махаури медленно ходил по двору взад-вперед, словно испытывая себя. Оглядывал реку, переводил взгляд на противоположный берег, потом на гору, за которой для него кончался мир. Не придумав ничего другого, он наклонился, подобрал камешек и кинул в сторону реки. Следом за первым отправил второй. Река бесследно проглатывала камни. Что они могли ей сделать! Впрочем, Абриа Махаури это вовсе не интересовало. Руки сами подбирали и кидали в реку камень за камнем. Матушка Гарсо испуганно искала своих быков. Нет, они никуда не пропали, да и куда им было деться. Бабка-сорока не могла толком понять, что произошло, и говорила Абриа Махаури: где видана подобная неблагодарность! Хоть ты скажи свое слово, она ведь и с тобой не попрощалась! Абриа Махаури глядел на реку и бормотал: ушла... Чего ей было оставаться... Лела Гудушаури повернулась ко всем спиной и пошла к хибарке.

Община семерых готова была вот-вот развалиться, как эта хибарка. Тучи бежали по небу, и никто не знал, какая погода будет завтра: дождь или ведро?

Здесь подошла к концу пьеса, сочиненная Зазой Гудушаури. Она оказалась не такой уж длинной, и персонажи в ней вели себя, кому как заблагорассудится, — такое, оказывается, случается сплошь и рядом, никто не проявил покорности авторской воле. Под пером неискнутого автора главный персонаж, то есть девушка, исчез со сцены в первом же действии, оставив все незавершенным и неясным. В литературных раз-

думьях молодого человека то, что случилось минуту назад, даже не предполагалось.

Никто не знал, что должно было произойти дальше, но тут избавителем вновь предстал человек, впервые на сцене появившийся еще утром...

Человек стоял в отдалении и глядел на дом.

Бабка-сорока на правах гостеприимной хозяйки подбежала к калитке и позвала:

— Чего тебе нужно?

— А чего мне должно быть нужно?..

— Ты ведь тот самый, что утром нас разглядывал?

— Тот самый.

— Чего глядишь? Путники мы.

— Будьте себе хоть путники, хоть кто... я вам не мешаю.

— А чем ты можешь помешать?..

Мужчина, не зная, как быть, направился к лесу.

Община семерых гудела. Появление этого человека вновь пробудило вопросы, которые мучили их все время. Кто он был? Чего хотел? Может, его подослал кто-то? Может, следил за ними? Кому нужно разузнать, кто мы, что здесь делаем и куда путь держим?

Бабка-сорока побежала вдогонку и окликнула незнакомца, направлявшегося к лесу:

— Эй, ты! По дороге девушка тебе не встретилась?

— Она тоже из ваших?

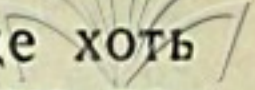
— Да, мы ее назад отправили.

Это было неправдой, но правда сейчас общине семерых не нужна. Без этой лжи они не смогут остаться здесь еще на одну ночь. Без нее кров хибарки обрушится им на голову, или же их снесет лавина. Да, она из наших, и мы послали ее домой. Просто и ясно: она решила возвратиться обратно! Вот и все, ни о чем больше они не знали-не ведали, лишь бы эта ночь прошла тихо-мирно, лишь бы завтра не было дождя...

С чувством исполненного долга бабка-сорока вернулась к хибарке.

Лела Гудушаури глядела на реку.

Ее внук стоял поблизости, понимая, что уже все обо всем догадались. Про себя они убеждены, что вина за внезапное и необъяснимое исчезновение девушки лежала на них двоих, хотя вслух ничего не гово-

рили. Слова потеряли смысл. Этот старик прежде хоть изредка поглядывал на него с улыбкой, теперь же повернулся спиной и не произносил ни слова. И та женщина тоже отводит взгляд, словно теперь ее, кроме пары быков, больше ничего не интересовало. Гела вообще не напоминал о своем существовании, разве что обронит пару слов, если Заза спрашивал. Заза Гудушаури клял себя, проклинал день своего рождения, ругал бабушку. А та думала лишь об одном: как бы не пропустить, что происходило на том берегу реки, разглядеть, пошла ли вода на убыль или пока нет. Облегчение, вызванное исчезновением девушки, постепенно исчезло, уступив место новой заботе, по сравнению с которой и сама девушка, и то, как она увивалась вокруг мальчишки, представало чем-то незначущим и мало важным. Женщина ясно сознавала бессмысленность своей затеи повести мальчика в Чалаури. Внук делал все ради нее, и женщина понимала, что это не может длиться долго. Мальчик рос и воспитывался в ином мире, с другими устремлениями и представлениями, и какое-то вымышленное Чалаури ничего не говорило его душе. Лела Гудушаури злилась, чтобы понять это, ей пришлось проделать такой путь и столкнуться на этом пути с нескончаемым дождем, который невольно раскладывал все по своим местам. Мальчик был здесь, рядом с нею, и в то же время его здесь нет. Его взгляд, должно быть, остановился на той девушке именно потому, что мальчик захотел жить иной, своей собственной жизнью, которую ненадолго прервал ради бабушки и к которой вскоре непременно вернется вновь. Здесь была только телесная оболочка его, а душа оставалась где-то далеко, в собственном мире, в собственном Чалаури, никак и ничем не связанном с Чалаури бабушкиным. Чем сознавать такое, лучше пусть и он встанет и уйдет! — говорила себе женщина, злясь на внука за то, что он на самом деле не встает и не уходит. Эта мысль пугала женщину, и — пока он и впрямь не скрылся с глаз, пока не решился наконец изменить бабушке, покинуть ее — она звала его к себе и шепотом, потихоньку от всех говорила: давай, сынок, возвращайся назад...

Заза Гудушаури не откликался, и бабушка догадывалась, что была права, что внук обязательно дол-

жен вернуться, и если бабушка не отправит его назад сама (чтобы все выглядело пристойно в чужих глазах), неведомая сила в конце концов все же заставит мальчика сделать это, подчиняясь зову своего тела и души. Если же он вернется назад самостоятельно, не спросив у бабки разрешения, это для женщины будет поистине громом с ясного неба. И сама женщина, и ее внук прекрасно понимали это, упорное молчание парня, его упрямо опущенная голова, — все это тоже гром с неба, но его грохот пока слышен только бабушке, его гнев обрушивается только на ее согбенную спину. А внешне все оставалось по-прежнему... Мальчик стоял, не произнося ни слова, и бабушка, дрожа, шептала ему на ухо: постарайся уйти так, чтобы они не заметили... Скоро станет совсем темно.

Мальчик ходил по берегу реки взад-вперед, словно впрямь готовясь бежать. Бабушка глядела на него и спрашивала сама себя, действительно ли это тот самый Заза, ее внук, или кто-то посторонний, заброшенный к ним сюда насмешливой судьбой незнакомец, из глаз которого вместо привычного тепла изливается леденящий душу холод. Нет, этот парень уже не был ее внуком, это кто-то чужой, незнакомый, который мог, конечно, нарисовать бабушкин портрет, сводить в кино, заставить говорить, чтобы записать ее хриплый голос на свою волшебную машинку. Ничего больше этот парень, оказывается, не мог... Лела Гудушаури шептала: мне-то что, я не одна, хорошие попутчики повстречались, слава Богу... Везет мне в жизни...

Парень по-прежнему не произносил ни слова. Бабушка не могла поймать его взгляд и думала: Господи, как это я до сих пор не видела, как не смогла догадаться! Такой путь заставила зря пройти...

На этом все пришло к концу.

В общине снова что-то произошло. Уже стемнело, и погруженная в раздумье хибарка готовилась ко сну. Все молчали. Никто даже не думал подходить к накрытому столу. Бабка-сорока растерянно озиралась по сторонам и молча укладывалась в темном углу. Ощущение, что происходившее с ними непременно должно иметь продолжение, не давало никому уснуть. Это не был страх или ожидание преследователя. Все происходило здесь же, на глазах у всех. Внешнему миру де-

ла не было до того, что происходило с ними. Община семерых могла вот-вот распасться окончательно. Они пришли сюда, а теперь готовы уйти обратно. Девушка уже исчезла. Никто не знал, кто будет следующим. Но несмотря на эти беспокойные мысли, дремота все же постепенно сморила их. К полуночи в хибарке воцарилось сонное безмолвие.

Только Абриа Махаури услышал, как уходит Заза. Ему было ясно видно, как мальчик встал, перекинул через плечо свой рюкзак и на цыпочках шагнул за низкий порожек хибарки. И тотчас исчез в пелене рассветного тумана, подступившего к самой стене. — Ушел. Ну и Бог с ним, — тихо проговорил про себя Абриа Махаури, твердо уверенный, что парень исчез совсем и никогда не вернется назад. Да, исход уже начался. После вчерашнего, когда пропала девушка, уход мальчика показался таким же естественным, как наступление рассвета, пришедшего на смену ночи. Абриа Махаури все же сделал попытку остановить парня, послал вслед ступившему на порог путнику непонятно что: слово или покашливание, вздох или шепот как знак того, что его уход не останется незамеченным. Но этот знак не смог остановить внука Лелы Гудушаури. Что правда, то правда, он как будто заколебался, но это длилось не больше мгновения, а потом он ступил в завесу тумана и исчез из глаз. Тогда Абриа Махаури поднялся, нащупывая рукой дорогу, подошел к порогу и уселся на колоду.

Парень удрал, и Махаури не знал, что произойдет дальше, как воспримут эту весть остальные. Но пока все спали, Махаури сидел на колоде и вглядывался в непроглядный туман. Его пласты выплывали из лесной чащи и исчезали там же, клубясь какое-то время у порога хибарки, колыхаясь в листве деревьев, слоясь над рекой, укутывая ольховые деревья на берегу реки в белые покрывала... Махаури боялся рассвета: хоть бы и я мог убежать куда-нибудь, чтобы никогда больше не видеть эту хибарку, думал он, нетвердо ступая, вышел во двор и остановился возле быков. Быки, не шевелясь, глядели на него. Тишина, принесенная туманом, клубилась вокруг. Махаури шел, сам не зная куда и зачем. Просто страх, которым пронизано нынешнее утро, гнал его с места. Он спустился к

реке, нащупал большой плоский валун и уселся на него. Вокруг все по-прежнему безмолвствовало, но Махаури знал, что тишину вот-вот должен нарушить крик женщины, которая весь вчерашний день ни на шаг не отпускала от себя внука и все же не устерегла. Именно этого крика и ждал Махаури.

Туман светлел все больше. Лесная опушка четче проступила из сумрака. Утро уже прошло по ущелью, пересекло реку и теперь подступило к стенам их хибарки. Но женского крика не было слышно. Что они, поумирали там все, что ли? — подумал Махаури, поднимаясь на ноги и напряженно вслушиваясь в тишину, которая непременно должна была вот-вот нарушиться криком женщины. Но пока ничего не было слышно. Женщина не звала своего внука, и Махаури думал, что внутри впрямь происходило что-то такое, что недоступно посторонним и что заставило накануне подняться сюда того незнакомца, остановиться на опушке леса и пристально вглядываться в сторону хибарки.

— Заза! — позвала женщина.

Махаури вздрогнул, услышав этот спокойный голос, и удивленно посмотрел в ее сторону.

Это был не тот крик, которого он ждал.

На пороге хибарки стояла Лела Гудушаури и глядела в сторону леса.

Махаури направился к хибарке. На землистого цвета лице Лелы Гудушаури ему видны только глаза.

Махаури отвернулся, не в силах вынести взгляда этих глаз, и вновь пошел к реке:

— Что еще должно было произойти?..

Все уже высыпали наружу. Никто не решался нарушить тишину, вглядываясь в туман и думая, как покинуть эти места и отправиться своей дорогой. Община семерых распалась. Одна исчезла вчера — молча, не сказав никому ни слова. Второй ушел нынче ночью, не предупредив даже собственную бабушку. Чей теперь черед? Все смотрели друг на друга, друг на друга и на ту женщину, что неподвижно застыла посреди двора, словно дерево, на котором не шевелилась ни одна веточка. Почерневшее дерево — черный сухостой, черный мох по стволу.. На нем не трепещет ни один листочек. Вот-вот наступит зима, поднимутся ветры и повалят это высохшее дерево. Остальные деревья ис-

пустят прощальный вздох, и все этим завершится. Но дерево не желает покоряться судьбе. Неподвижность, бросившаяся всем в глаза, оказалась минутной. Это неподвижное дерево оказалось Лелой Гудушаури. Сейчас она оглянется вокруг, кивнет всем, поблагодарит, возьмет свою котомку и отправится в путь. Этой женщине не страшны больше ни дождь, ни река, пусть себе льет, сколько угодно, она идет в Чалаури...

— Куда ты собралась, женщина?

— Чего вы всполошились!.. Какое, оказывается, хорошее у нас было убежище.

— В дождь здесь можно хоть неделю жить.

— И хлеба всем хватит, и воды, разожжем огонь... Чего еще человеку нужно?

— И деревня близко, одних нас не бросят.

— Неужели и ты уйдешь так молча? Скажи хоть слово, куда направилась?

— В Чалаури направляюсь, куда же еще!

— А мы все разве не в Чалаури идем? Чем мы тебя разгневали, что одна уходишь?

— Третий день мы неразлучны, вместе жили, вместе огонь разожгли, словно родные и близкие, давай, как положено родным и близким, вместе уйдем отсюда...

— Я не знаю, когда вы собираетесь отправляться...

— Пусть выглянет солнышко, уляжется вода в реке... Не видишь, что творится вокруг?

— Вы как хотите, а я здесь больше оставаться не желаю. Этот дождь, может, вообще никогда не кончится. Солнце никогда не выглянет, я, когда в путь отправлялась, не ставила условия, чтоб непременно солнце светило...

— Нет, бабушка, одну мы тебя не отпустим. Что люди скажут!

— Одна я должна идти... Если бы вы мне не повстречались, я бы что — не пошла?!

— Но мы же встретились!

— Да, встретились, такова была Божья воля.

— Бог хотел, чтобы я осталась одна, и вот — оставил.

— Что ж, женщина, как знаешь...

— Хоть через речку помогу перебраться, бабушка! Не могу же отпустить одну.

— Вот мои быки, они с парнем переправят тебя.

Скрываться уже бесполезно. Лела Гудушаури заплакала в голос. Только что она стояла, как каменная, застыв на месте, а сейчас громко рыдала, как и положено женщине, никого не стесняясь. Все уже догадались обо всем, не зря три дня вместе провели в хибарке, вместе грелись у огня, а теперь скрываться не имело смысла, как и многое другое. Это стало ненужным.

Лела Гудушаури испуганно озиралась вокруг.

— Почему меня кто-то должен сопровождать?

— А я на что, бабушка?

Перед Лелой Гудушаури стоял тот самый парень по имени Гела, который обнаружил хибарку, развел огонь. И тем не менее в глазах женщины можно было прочесть вопрос: а где он был до сих пор? Занятая своим внуком, она не замечала никого другого... Женщине было стыдно, она вытирала глаза, поправляла косынку, и наконец выпрямившись, произнесла: ладно, веди!

Вымокшая с головы до ног Лела Гудушаури уже стояла на том берегу.

Парень, верхом на быке, вернулся обратно.

— Если, поднявшись в Чалаури, не найдете меня, не начинайте искать. Просто найдите домик, что на краю деревни, войдите во двор, не поленитесь, попросите за меня прощения... А коли где-нибудь моего мальчика встретите, скажите, ты, мол, предал свою бабушку лишь однажды, не больше, и она тебя простила...

Туман стлался вниз по ущелью, застилал прибрежные лощины, он плотным пологом окутал женщину, словно черная ворона, застывшую на том берегу реки. Ее звали Лела Гудушаури, и она одна отправилась в путь к своему Чалаури (ибо такова была Божья воля).

В тишине слышалось чье-то всхлипывание.

Кто это плакал?

Это сорока-Пело — свесила голову и плачет.

Вновь припустил дождь. Маленький клочок лазурного неба затянуло тучами. Ненадолго выступившие из тумана горы вновь скрылись. Дождь наполняет страхом общину семерых, в которой осталось лишь четыре человека. Этот дождь непременно должен был принести с собой еще что-нибудь. Что-то еще случится —

кто-то уйдет, кто-то появится. Община семерых катилась к распаду. Уже и в эту старую хибарку прокрапось что-то, и она вот-вот могла рухнуть. Огонь давно погас, и некому было подбросить в очаг дров. Говорить не о чем, все переговорено, хотя и нельзя сказать, что все члены общины раскрыли души друг перед другом. Нет, перекинулись отрывочными фразами и теперь могут разойтись, так и не узнав как следует, кто был рядом, к чему стремился, зачем направлялся в Чалаури... Кто от кого скрывался, кто кого искал. Все они собрались на берегу этой реки два дня назад. До того даже не знали друг друга, если не считать бабушку с внуком, которые уже ушли оба, внук — вниз по реке, бабка — вверх. Община семерых создалась, сплотилась: нашли жилье, разделили хлеб, заночевали... Настало время конца, и каждый покидал убежище сам по себе. Трое уже ушли. Остальные ждали своего часа или знака судьбы. Судьба плела нити своей композиции, и никому пока неизвестно, чей черед настанет, кто покинет общину семерых, чтобы когда-нибудь потом вспомнить о ней разок-другой, а потом позабыть навсегда, как забываются тысячи случаев и лиц, встреченных на долгой дороге жизни. Община семерых подступила к грани распада, так и не узнав толком ничего друг о друге, и теперь они удивлялись своему неведению. Никто не знал, почему бежал Абриа Махари, почуяв приближение смерти, отправившись именно в Чалаури, а коли уж отправился в путь, кто обидел его, заставив перед смертью искать внука Георгия, чтобы с ним завершить свой жизненный путь, чтобы он, и никто другой, закрыл ему глаза. Не видал никто и того, у кого похитила матушка Гарсо быков, от кого бежала и что это за такие быки, что ради них немолодая женщина перешла семь гор и семь долин. И уже совсем никому не было известно, для чего разыскивал своего осла этот парень, сам еще напоминавший ослика, для чего ему какой-то осел, когда весь мир давным-давно пересел на машины. И, конечно же, ни одна душа здесь не знала, от кого спасалась девушка, которую звали Элисо, почему стыдилась людей, почему остерегалась городского парня, и что за волшебной силой обладал этот городской парень, сумевший с первого взгляда свести девушку с ума и заставить бабуш-

ку сказать слова, после которых девушка не произнесла больше ни звука. Все осталось неразгаданным и таинственным! Повстречались, хотя могли и не встретиться, если бы не нескончаемый дождь и вышедшая из берегов река, пожили, словно добрые соседи, и теперь расстаются. Уйдут и запомнят только, что у бабки-сороки четверо детей и еще два усыновленных, что мужа этой женщины звали Миха, ничего больше. Да, им известно было только это, да и то толком не знали, что к чему, нужно еще все доказывать и подтверждать... И сорока-Пело направлялась в Чалаури за свидетелями, если только и это не придумала, чтобы развлечь себя и потешить окружающих. Никто ничего не знал, и это неведение еще сильнее мучило общину семерых. Именно поэтому сорока-Пело подбежала к берегу, и когда Лела Гудушаури на другом берегу должна была окончательно скрыться в тумане, крикнула:

— Эй, женщина, скажи нам хоть напоследок, кто ты и откуда, что потеряла в этом самом Чалаури, и правда ли ты прогнала своего внука или он ушел сам по себе! Откликнись, отзовись! — Но Лела Гудушаури ни слова не произнесла в ответ. В этот миг заблужился туман и укутал ее светлыми покровами. Сорока-Пело повесила голову и зарыдала.

И все же, должен добавить со своей стороны автор вымышленной истории, эти люди еще не признавали, сколь многим в самом деле одарили они друг друга, хоть и кратковременной была эта подстроенная судьбой встреча. Возможно, автор вымышленной истории и прав, однако, если это и не так, тоже не беда... Поскольку (это также слова автора настоящего повествования) вымышленная история потому и называется вымышленной, что в ней не может быть все правдой. Если бы нам в жизни необходимо было лишь то, что существует в действительности, не нужно было бы сочинять никаких историй. А истории сочиняются, сколько человечество себя помнит.

* * *

— Увидите, если она не вернется! — громко произнесла сорока-Пело. Она сидела на валуне у самого берега реки, словно ожидая, когда на том берегу поя-

вится Лела Гудушаури. Эти слова значили не просто — вернуться, преодолеть разлившуюся реку, — в них ощущался иной, глубинный смысл, и именно он пугал оставшуюся от общины семерых четверку. Говорил же я, что она ведьма, думал Абриа Махаури, глядя на женщину у речного берега. Матушка Гарсо кормила своих быков и тоже поглядывала в сторону реки. Гела обсыхал возле огня. Он тоже слышал Пело и оглядывался вокруг, как будто слова бабки-сороки должны оправдаться сейчас же, немедленно. Туман по-прежнему стлался на вершинах хребта, то опускаясь в лощину, то вновь поднимаясь вверх.

— Надоело! — снова громко произнесла сорока-Пело, и все поняли, что ее слова относились к туману и тучам.

Абриа Махаури не отводил от нее глаз.

— Вон и она вышла из себя. В конце концов все потеряем терпение...

Гела тянулся к огню, от него поднимался пар.

— Не простынь, парень.

Юноша улыбнулся Махаури.

— Не простыну.

Бабка-сорока все еще сидела злая на прибрежном камне, поджидая женщину, которая только что покинула их, о которой она уверенно сказала: увидите, если не вернется! Махаури злился на болтливую старуху: сперва всем своей трескотней голову заморочила, а теперь уселась на берегу и, как настоящая колдунья, дожидается того, чего в душе жду и я. Нет, той женщине не добраться одной в заоблачное Чалаури, не одолеть ту реку и, если не встретится где-нибудь заброшенное жильё, она скорее всего правда вернется обратно. Вот оказалась кремень-баба, никого не послушалась, даже этого парня не взяла в помощь... Эта мысль пугала Махаури, он не хотел, чтобы парень уходил, и в глубине души только на него и рассчитывал, когда они взберутся на крутую чалаурскую Голгофу. Голгофа неизбежно ждет их, так было, так будет. Так представлял Махаури путь в Чалаури. А если бы парень не встретился? Обо всем человеку надо заблаго-

временно позаботиться, думал Махаури, могли ведь и эти женщины не повстречаться. Что у них на уме, интересно? На кого рассчитывали, отправляясь в дорогу? Махаури еще раз вспомнил, как сам собрался в путь, когда уже не мог ни рассуждать, ни взвешивать, что случится, когда он покинет родное подворье, с кем столкнется, кто нагонит его в дороге, и вообще, как сумеет одолеть такой путь. — Я бежал! — признался себе Махаури. А беглец уже ни о чем не думает, его не заботит, что произойдет потом. Ему ничего больше не остается — бежать, и все! Но эта мысль породила новое волнение: а что, если и все остальные тоже бежали? Махаури это представлялось невероятным, невозможно представить, что все семеро бежали и все семеро повстречались друг с другом здесь, на берегу реки. Но, собственно говоря, что в этом невероятного? Иначе как смогли они набрести в непроглядной тьме на хибарку и сплотиться в общину семерых? Если не общая беда, если все они не бежали от кого-то или от чего-то... Да, Махаури уже не сомневался в этом, все семеро бежали! Удивительно другое: почему несмотря на это они так и остались чужими, почему совсем ничего не разузнали друг о друге, почему не успели сказать необходимых слов, которые сделали бы яснее, кто и что скрывал на душе, чтобы потом не жалеть: повстречались где-то, на краю света, семь незнакомых людей и так разошлись, что ничего о других так и не узнали. Мне-то что, жить осталось совсем немного, — оправдывался Махаури. Вспомнив о кончине, опять бросил взгляд в сторону парня. Тот обсыхал у огня и ободряюще улыбался старику. Сорока-Пело по-прежнему сидела на валуне, вглядываясь в противоположный берег.

— Настоящая ведьма...

Парень обо всем догадался и рассмеялся:

— О ком ты это, дед?

Рядом с Пело пристроилась матушка Гарсо. На берегу сидели две женщины, обе ждали кого-то или чего-то: то ли мимо пройдет, то ли вверх направится.. Махаури видны были только их согбенные черные спины, но именно эти спины и выражали ожидание.

— Чего высматриваешь, дед?

— Не знаю, она сказала, увидите, коли не вернется.

— С чего ей возвращаться?

— Разве женщин поймешь...

Махаури перевел взгляд на тот берег, где скрылась из глаз та женщина и откуда, если верить старухе, она должна показаться. Но дело уже шло к полудню. Туман клубился вверх, вот-вот проглянет солнце, вода в реке, похоже, понемногу спадала, а той женщины все не было видно. С какой стати ей появляться! — злился сам на себя Махаури. Но в конце концов и он уселся рядом с теми женщинами.

Парень уже обсох и тоже подошел к берегу.

Все молчали.

В середине дня снова объявился незнакомец, который давеча дважды показывался из туманного марева и снова исчезал. Он стоял на том же самом месте и поглядывал в их сторону совсем как вчера: шапка надвинута на брови, ястребиный взгляд устремлен на хибарку. Потом он махнул рукой, и вдруг откуда-то появились еще два человека. Потом к ним добавились еще двое, всего их стало уже пятеро. Тот, что явился первым, стоял чуть впереди других, остальные застыли за ним. Остатки общины семерых сердились, они, казалось, готовы были схватиться за колья: только их не хватало! Сам пожаловал и других привел! Чего им надо, чего бродят вокруг да около, путников не видели, что ли?.. Ни о чем подобном мы в жизни не слышали... Махаури пошел к хибарке. Парень уже вернулся туда и подкладывал в огонь поленья. Матушка Гарсо окликала своих быков. Только сорока-Пело по-прежнему сидела на камне и смотрела на тот берег. Мужчина, приведший остальных четверых, направился напрямик к хибарке, и остальные послушно и деловито следовали за ним. Шапки у всех натянуты на самые брови. Они походили друг на друга как родные братья. Остановились у порога, предводитель заглянул в хибарку, внимательно осмотрел ее и вернулся назад.

Матушка Гарсо не отходила от быков.

— Хоть бы «здравствуйте» сказали!

Абриа Махаури глядел на матушку Гарсо.

— Вот и она осерчала... Оказывается, и она умеет сердиться!

Мужчина, приведший остальных, разглядывал матушку Гарсо, ее быков, парня и старика.

— Кто вы такие и что здесь делаете?

Матушка Гарсо по-прежнему держалась быков обеими руками.

— Поздоровайся сначала, как у людей полагается... Так завещали нам деды и прадеды.

Мужчина разозлился.

— Я здесь у себя дома... Это наша земля!

Бабка-сорока сломя голову бежала к хибарке.

— Кто на твою землю зарится, чтоб тебя этой землей засыпало!

А мужчина продолжал бушевать:

— Кто вас знает? Уже три дня поселились здесь, и с места не двигаетесь. Этих быков хотя бы где взяли? Вы что — все вместе, одна семья? Семеро было, осталось четверо. Откуда вы взялись на нашу голову? Нету на вас ни сельсовета, ни председателя, никакой власти, что ли? Прилетели и устроились здесь, словно пташки Божьи! Откуда прилетели, куда летите?

Пташки Божьи! Прилетели и устроились! Власти не признаете! Бабка-сорока от гнева совсем с ума сошла.

— Это ты там торчал давеча?

Мужчина нахмурил брови.

— Ну, я.

— Для этого мы тебя растили, на это надеялись?

— Брось, мне лучше знать, кто меня растил и для чего!

— Так что говорили тебе те, кто растил и воспитывал: стой, мол, столбом и глазами!

Община семерых бурлила, гневалась, угрожала.

Община семерых была объята страхом.

А мужчина стоял и отплевывался:

— Все вы чокнутые!

Остальные мужчины не произносили ни слова, но подозрение, приведшее их сюда, не исчезло. Они пришли, чтобы узнать, что этим чужакам тут нужно, на их земле, в чужой хибарке, где поселились без спроса и разрешения. Эти подозрительные люди называют себя путниками, но не двигаются третий день с места, да и не собираются никуда идти! Сваливают все на дождь и разлившуюся реку, и никому не известно, что они

собираются делать дальше. Да, пятеро неожиданно появившихся мужчин только это и желали узнать, ничего больше, а поскольку так ничего и не узнали, стояли и никуда не уходили.

До мужчин на лесной опушке донесся голос матушки Гарсо:

— Кто же вы такие и зачем приходили?

Мужчины обернулись в ее сторону.

— Что ты сказала, женщина?

— Для чего приходили, спрашиваю? Кто такие?

— Мы — деревня, мы — мир.

Да, проведали, догадались.. Маленькая планета, ворвавшаяся на чужую орбиту, была обнаружена! Деревню удивило их появление, и она больше не могла скрывать свое любопытство: кто, откуда, куда шли?..

— Солнышко! Солнце выглянуло!

— И тучи разошлись...

— И сразу как, никто ничего не заметил.

— Стыдно стало, вот и разбежались!

— Нас-то задержали на столько времени...

— А это воронье откуда налетело? Неужели и они солнца дожидались?

— Видишь, вниз по реке летят...

— Сколько их! Где только собрались!

— И нас о том же пытаются: где вас столько собралось?

— Радуются чему-то...

— Солнцу радуются... Совсем как мы!

— Да, солнце! Три дня о нем и говорили, а оно вышло — словно ничего...

— Вынеси бурку, парень, пусть подсохнет.

— Для чего нам теперь этот огонь?

— Вдруг еще понадобится.

— Слава тебе, Господи, что сжалился над нами...

— Если только я в дороге не помру...

— Тебе ли о смерти думать, старик? Не видишь, отправляемся уже.

— Не бойся, дед!

— О смерти думать? Еще чего не хватало! Знай я, что в самом деле помираю, и то скажу, что всего лишь засыпаю. Сон это, что же еще?! Мне бы с моим Миха повстречаться, хоть в преисподнюю отправлюсь.

— Повстречаешься, он ведь тоже там.

— Хоть слово сказал бы, туда отправляясь, даже места не назначил, откуда мне знать, что мы встретимся.

— Поторопитесь, уже полдень, может, к вечеру успеем до Чалаури добраться...

— Раз солнце увидела, ничего больше не боюсь!

— Эй, женщина, твои быки готовы?

— Они всегда в путь готовы.

— Как, дед, пойдём в Чалаури?

— Не подведи нас, человек, если в гору резво пойдешь, может, я иначе подумаю о тебе... Ну-ка, присядем на минутку, воздадим благодарность нашему убежищу.

— Все сидят.

— Ты тоже присядь, поверье такое...

Четверо молча сидели у берега реки.

Из деревни доносился глухой гул.

— Кажется, будто я всю жизнь тут прожила.

— Мне тоже...

— Произнеси и ты хоть слово, человек, нельзя быть неблагодарным.

— Что сказать? Спасибо этому крову...

— Боже, дай нам доброго пути!

— Ну-ка, возьмемся за руки, чтобы река не унесла!

— Для чего за руки браться — вот мои быки.

— Иди, бабка, подсажу тебя, устраивайся поудобней, на воду не гляди, чтобы в глазах не зарябило.

— Почему я должна первой садиться, сынок?

— Уважаем мы тебя, вот почему!

— Пусть он сначала залезет, мужчина все же, что ни говори!

— С моими быками ничего не бойтесь!

— Эх, посмотрел бы на меня мой Миха!

— Хорошенькую картину увидел бы...

— Этот человек не дает мне покоя ни на минуту...

Как увидел, сам тотчас рядом уселся.

— Только о тебе и думаю, делать мне нечего!

— Что ты вытянулся, словно жердь, хватайся покрепче за холку, не то свалишься!

— Не бойся, женщина! Да и ты не опасайся, быки надежные...

— Я не боюсь.

— Мне бы того судью с быка наземь сбросить.

— А ну, бычки мои ненаглядные!

— На воду не смотри, голова закружится.

— В жизни так весело не каталась!

Они выбрались на другой берег.

— Прощай, наше убежище!

Хибарка постепенно становилась все меньше и вот уже совсем исчезла из глаз. Тропа, свернув от ущелья, пошла вверх. Потом вновь потянулась книзу, изгибаясь вдоль реки. А дальше взобралась на взгорок и уже не спускалась.

— Пойдите, дайте дух перевести!

— Нашла время отдыхать, только в путь тронулись.

— Не видишь, человек еле ноги переставляет? Ну-ка, кто сумеет нашу хибарку отыскать?

— Чего ее искать, бабушка, вон она!

— Где, сынок, ну-ка покажи?

— Вот за утесом, на самом берегу...

— Она вроде не на берегу была?

— Отсюда так кажется.

— Пой, пой, ну-ка, где она?

Перевалив через вершину, тропа вновь побежала вниз к реке. Солнце пригревало, ястреб в небе описывал круг за кругом, откуда-то налетели маленькие птички и кружили над долиной. Ястреб рассек небосвод и скрылся вдали. Лощина сузилась, реку с обеих сторон стиснули огромные камни. Слышалось только журчание воды.

— Увидите, если ее не нагоним...

— Кого?

— Ту женщину.

Тропинка бежала по косогору, река осталась где-то под ногами, — синяя полоса меж серых теснин.

— Пройдем еще немного и устроим привал.

— Совсем позабыли, что пора перекусить...

— Подкрепимся, а потом и реку перейдем.

Трапеза была скудной, да и община семерых тоже стала совсем малолюдной, хурджин опустел.

До Чалаури оставалось немного, и община семерых, затаив дыхание, ждала, когда отправившийся вперед парень взберется на вершину и закричит: Чалаури! Но он молчал. Это случится позднее, когда солн-

ется, все это рисуется лишь воображению автора вымышленной истории. И ничего этого не видят ни две женщины, застывшие на краю скалы, ни трепетавший от страха перед приближением кончины старик, ни, тем более, юноша, который лежал ничком в траве и втайне от всех плакал, сознавая свое бессилие перед лицом смерти. Все они — персонажи настоящей истории и потому не могут взглянуть на происходящее с отдаления. Это — обязанность того, кто взвалил на себя труд запечатлеть на бумаге всю историю. А с отдаления все выглядело именно так: ивы свесили к воде верхушки и с них опадали вниз желтые листья, не приметная пичужка на ветке плакала, бередя душу всем, кто ее слышал, и если мы с вами не способны поверить этому, то для чего вообще родились на свет, для чего цепляемся за существование, стремимся как можно дольше любоваться небесами, где сияет солнце, восходит луна и мерцают звезды. Именно так рассуждал автор предлагаемой читателю истории, именно так оправдывал себя, поскольку его рассуждения так же стары и давно известны, как сама земля, со своими горами, небесами и рекой, по которой сейчас плыл труп, внушив автору вымышленной истории мысль о торжественной траурной процессии.

— Что с тобой случилось, горемычная?!

— Говорила ведь я, что она вернется.

Солнечный луч с поднебесья осветил лицо Лелы Гудушаури. Две старухи, старик и юноша бежали по берегу, взбирались на отмели, цеплялись за камни, хватались за ветки, моля кого-то о помощи, окликаая друг друга, собираясь в тесный кружок, чтобы вскоре разбежаться вновь, вновь поодиночке отдаться течению... Прокладывающая себе дорогу сквозь теснины и перекаты река текла к устью и несла с собой принадлежащий ей отныне труп.

— Эй, Лела! Гудушаури!

— Неужто и тебя одолел этот мир?

— Как мы тебя просили, как умоляли...

— Ушла и все!

— Так и не повидала ты свое Чалаури, несчастная?

— Может, отвергло оно тебя, назад вернуло?

— Не бери с собой обиду на нас...

— Пока живы, мы будем помнить тебя...

Труп Лелы Гудушаури скрылся за перекастом. Потом появился вновь и опять спрятался за излучиной, чтобы исчезнуть из глаз, теперь уже навсегда.

Похороны кончились. Община семерых тяжело брела по кособогу и, добравшись до вершины, молча села на землю. Стариков преследовал страх смерти, к горлу парня комом подступила тяжелая пустота. Все завершилось. Дальнейший путь потерял всякий смысл. Чалаури стало ненужным и пустым.

— Боже, прости нас, грешных!

Это произнесла матушка Гарсо.

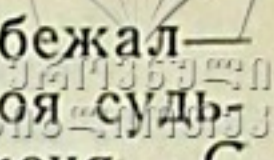
Бабка-сорока не отводила взгляда от реки.

Махаури медленно приблизился к юноше.

— Какая она, оказывается, маленькая, какая несчастная...

Парень поднялся, потерянно посмотрел по сторонам и побежал вниз. На бегу он рвал цветы — красные, желтые, голубые. И все время озирался... Да, никогда прежде не приходилось ему собирать на лугу цветы, приближаться к покойнику с цветами в руках... Он делал это безотчетно: видать, так надо, таков обычай, так повелось из поколения в поколение, а потому это жило в крови парня, так делали его предки из рода в род. Юноша приблизился к скале, огляделся вокруг и, стараясь, чтобы его не заметили остальные, пустил цветы по воде.

Махаури подставлял солнцу свои озябшие ладони. Старику не хотелось, чтобы парень заметил, как дрожали его обессилевшие руки, но тому давным-давно все было ясно. Боже, дай мне добраться туда, Боже, не прерви мою жизнь где-нибудь на полпути... Труп этой женщины до предела приблизил смерть, она уже кружилась тут же, в лощине. И смерть, принявшая душу старухи, нет, его собственная, махауревская смерть, подстерегавшая его больше года, то заглядывая в щель винного погреба, то подступая в глухую полночь к самым дверям, сейчас словно раздумывала, пора ей уже войти или пока нет. Именно она, смерть, рассмеялась исподтишка, когда Махаури схватил свою бурку, бегом одолел свое подворье и отправился в путь. Ему кажется, он мудрец, подумала она тогда, а он вовсе не мудрец... Ему кажется, он удрал от меня, по-

тому и бежал, что меня боялся. Не от тебя он бежал — от себя! Думаешь, я не знаю, что именно ты моя судьба и, куда бы ни скрылся, не отстанешь от меня... С той минуты, как Махаури переступил порог своего дома, она преследовала его по пятам. Остановится Махаури — встанет и она. У нее нет ни души, ни тела, и тем не менее Махаури прямо над ухом слышал ее дыхание. Она была с Махаури и тогда, когда лил дождь и они обнаружили свою хибарку, и тогда, когда община семерых сплотилась, словно вместе прожили всю прежнюю жизнь и собирались провести здесь оставшиеся годы. Тогда она заколебалась, решила повременить немножко. Ей это ничего не стоило, она усмехнулась, устраиваясь переждать там же неподалеку, в расселине. Там она ночевала, дожидаясь, когда община семерых поднимется с места. Впрочем, не община нужна была ей, — этот бедняга Махаури... Чтобы, когда он выйдет в дорогу, вновь последовать за ним, собственными глазами проследить, доколе выдержит он это путешествие, доколе хватит ему затаившегося где-то остатка жизненной силы, или скорее упрямства духа, никак не желающего оставить угасающее старческое тело. Она все время была тут же, настороже, совсем рядом, и Махаури молил лишь о том, чтобы она позволила ему перейти последний путь, дала одолеть последний подъем, а там пусть делает, что ей угодно, пусть забирает себе его душу. Господи, дозвожь мне подняться туда! Махаури в последний раз произнес эти слова именно на том последнем подъеме, который должен был привести его в Чалаури. Но Чалаури было еще неблизко, пока что Махаури еще здесь, на вершине скалы, подставлял ладони солнечному теплу и посматривал на парня, который уже не был для него чужим. Махаури удивленно думал: почему он когда-то считал его чужим — чужим сыном или чужим внуком. Махаури хотел сказать юноше что-нибудь такое, чего еще никогда не говорил, но не мог произнести ни слова. Он прятал свои дрожащие руки и смотрел на реку. Юноша, то ли догадавшись обо всем, то ли нет, — уставился в небо.

— Гляньте-ка, что с ними стало!

— Да, воронье налетело... Они всегда первыми чуют покойника.

Траурная процессия, только что молча и торжественно шествовавшая мимо, оставила после себя на скале, где сидели те четверо, холодный страх. Будь это возможно, они так и остались бы здесь, на взгорке, навсегда забыв о дне, когда отправились в путь, ведущий в Чалаури. Они боялись предстоящей дороги, боялись Чалаури, первой вестницей которого им явилась смерть. Парень стоял неподалеку и смотрел на стариков. Они по-прежнему сидели молча и неподвижно, глядя на нескончаемый речный поток, унесший к устью труп Лелы Гудушаури. Никто из них не думал подниматься с места. Встать на ноги означало продолжить путь. А эта дорога — река, скалы, косогоры — была наполнена страхом, потому что именно эта дорога — река и скалы — отринули Лелу Гудушаури.

Юноша не знал, что сказать, чем развеять стариковские страхи...

— Говорила ведь я, что мы потеряли в этом Чалаури?

Старик не откликнулся.

— Там мой осел... Пастухи угнали.

Услышав об осле, сорока-Пело вскочила на ноги.

— Для чего тебе осел, парень? Прошло время на осле тебе раскатывать...

— А почему бы и нет?

Абриа Махаури и матушка Гарсо смотрели на парня.

Все облегченно рассмеялись.

Юноша отозвался с видом победителя.

— А теперь — в путь!

Старики с трудом поднялись с земли.

Впереди шествовал парень, за ним тяжело шагал Абриа Махаури, дальше — бабка-сорока и самой последней — матушка Гарсо со своими быками.

— Кто притомился, может на быка сесть.

Никто не откликнулся, никто не собирался продолжать путь верхом на быке.

Тропа вновь сбежала в лощину, отнимая последнюю надежду, что это проклятое Чалаури когда-нибудь покажется впереди.

Дойдя до берега, они стали искать брод через реку.

— Здесь, верно, ее и затянуло...

Парень не знал, что ответить, и в который раз за сегодняшний день повторил:

— Не бойтесь...

Старики откликнулись в один голос:

— Чего нам бояться?

— Ничего мы не боимся.

— Чему быть — того не миновать...

Все четверо взяли за руки. Парень, держась одной рукой за бычий рог, первым вошел в реку.

Вода холодила, камни резали ступни. Земля убежала из-под ног, оставляя ощущение пустоты.

— Да, скорее всего здесь ее и затянуло...

— Возможно, и так.

— Кто может знать, где это случилось?

Снова начался подъем.

— Долго еще вверх тащиться?

Никто не ответил, никто ничего не знал, никто прежде не бывал в Чалаури.

— Постой, дай дух перевести.

— Не время отдыхать, солнце вот-вот спрячется.

— Где ты видишь солнце?

— Вон там, к хребту склонилось.

— Не оставаться же здесь, в этих теснинах!

Старики по очереди уселись на выступ скалы, подняться с которого им будет еще труднее. Они все думают о той женщине, чей труп пронесла мимо река... Что может еще произойти? Точка поставлена и продолжать путь нет больше никакого смысла. История подошла к своему завершению, не дожидаясь Чалаури. И теперь все это карабканье по крутым подъемам, ожидание неведомого Чалаури — превратились в такую нелепость, что преодолеть ее утомленным и обессиленным старикам было невозможно. Главной во всей истории оказалась сама дорога! Ради нее сорвались они с насиженных мест, а не ради какого-то Чалаури, и еще Бог знает, существует оно в самом деле или нет. Махаури мог вообще испустить дух здесь, на берегу реки, в начале нового подъема в гору, если бы не долг, который повязал его с двумя старухами и, особенно, с этим парнем. Матушка Гарсо уже даже не смотрела на своих быков, размышляя лишь о том, стоило ли гнать их в эту длинную и тяжелую дорогу, имела ли в самом деле «история быков» такое значение, чтобы

оправдать этот путь и эти страдания? Можно ли сравнить Чалаури той женщины, которой оно даже по ночам мерещилось во сне, и мое Чалаури, необходимое лишь для того, чтобы на время припрятать этих быков, а потом возвратиться обратно? Эти мысли не давали покоя женщине, и Чалаури для нее все более превращалось в бессмыслицу, а вся история свелась к мгновениям, когда мимо проплыла та женщина... Да, для матушки Гарсо затея с быками потеряла всякий смысл, и теперь она думала лишь о том, когда придет к концу эта дорога и когда настанет время вспоминать о Чалаури, как о далеком сновидении. Бабка-сорока не знала, как ей быть: может, взобраться на спину быку и подремать немного, пусть везет меня, куда хочет, в Чалаури или хоть в ад, лишь бы еще разок повеселиться с детьми и внуками. Юношу одолевали иные мысли. Чалаури для него стало местом, куда он должен довести этих стариков, ничем больше... Нет, бросить их нельзя, хоть на собственной спине, но он должен дотащить их туда...

Тропа вилась между больших ржавых камней, на которых сидели жабы и удивленно разглядывали неведомых путников. В песке сновали ящерицы.

— Тут, верно, и змеи водятся...

— Какое время теперь... Уже осень.

— Ты так думаешь?

— Кто-то нас проклял вслед, так и знайте.

— Да кому мы вообще нужны!

— Почему не нужны? Зря, что ли, я шестерых вырастила?

— А они знают, что ты здесь?

— Что ты, разве они отпустили бы меня!

Сверху посыпались камни, и перепуганные старики укрылись под навесом скалы. Камни, миновав тропу, с шумом упали в воду.

— Эгей, кто там?

— Вот так град на нас обрушили!

— Не видишь, что ли, мы здесь стоим!

— Да никого там нет, верно, какой-то зверь пробежал или орел на вершину сел.

— Зверек? — старикам теперь и зверь был страшен.

— Ни о чем не прошу тебя, Господи, — шептал

Абриа Махаури, стряхивая ладонью пот со лба, — не откажи в последней милости, дай взойти по этому взгорью, не убивай здесь, чтобы не пришлось парню на себе меня тащить. Не зароет ведь он меня в землю тут! Да и женщины не оставят. Дай только добратся наверх, а там лягу на зеленую траву, и делай со мной, что хочешь... Парень сбегает, сообщит моему Георгию, мол, помирать собрался Абриа Махаури.

— Не притомился, дед?

— С чего мне притомиться...

— Не бойся, последний подъем одолеем, и все!

— А нас ты уже и не спрашиваешь?

— Чего спрашивать, бабушка, с тобой все ясно.

А подъем все не кончался. За ржавыми камнями глазу открывались новые камни, покрытые рыжим мхом. Заходившее солнце палило. По небу делал круг за кругом орел. Вороны по-прежнему мельтешили над рекой, и сорока-Пело уверяла всех, что они кружились над трупом той несчастной. Лягушки по-прежнему тарасились на всех холодными глазами, словно кумушки на балконе. За одним поворотом следовал другой, за одним взгорком возникал следующий...

— Ну-ка, сынок, пойдь вперед, посмотри, не показалось еще оно?

— Сейчас, бабушка.

Парень убежал и вскоре скрылся из глаз. Старики снова расселись на камнях. Быки щипали оставшиеся под откосом колючки. Абриа Махаури был весь в поту. Матушка Гарсо сняла косынку и отерла ему лицо. Бабка-сорока смотрела вверх.

— Слышишь меня, сынок?

— Слышу.

— Видно что-нибудь?

Парень ничего не отвечал.

— Видно, спрашиваю?

— Пока нет.

Не видно пока, ничего не видно. Это самое Чалаури то ли пряталось от их глаз, то ли вообще сгнуло с земли. Старики смотрели друг на друга, и все трое в эту минуту думали об одном: мы больше и шагу никуда отсюда не сделаем, здесь встретим свой смертный час, а тот заботливый парень приведет потом сюда всех, кого хоть каким-то образом трогает смерть

этих трех старых людей. Чалаури отныне впрямь перестало существовать, его нет больше нигде, а чего нет, то и появиться никогда не может. Этот подъем может вести только на небеса, только небо не имеет конца и края. А обессилевшим старческим ногам не под силу больше шагать до самого неба. Только души их смогут добраться туда.

— Давайте, я жду вас! — крикнул парень.

Старики переглянулись.

Первой поднялась на ноги матушка Гарсо, хлестнула быков прутом и все трое они тронулись в путь. Потом сорока-Пело поправила платок на голове, отряхнула платье и, тяжело вздохнув, зашагала по тропе вверх.

Абриа Махаури остался один.

Женщины шли не оглядываясь.

Абриа Махаури почувствовал горечь.

— А ты, старый, не идешь, что ли?

— Иду, иду...

Абриа Махаури собрал силы, тяжело оперся на палку и сделал шаг по тропе.

— Хочешь, залезай на быка?

— А что — бык? Разве быка не жалко?

Бабка-сорока захихикала:

— Поглядите-ка на него, он еще хорохорится!

Махаури попытался улыбнуться ей в ответ, но не смог заставить себя. Конец его длинного жизненного пути был уже где-то тут, совсем близко, то ли сразу за поворотом тропы, то ли на вершине скалы, нависающей над тропинкой, и никому неизвестно, что было там, дальше. Махаури сделал парню знак — подойди поближе. Тот подошел. Махаури хотел сказать ему что-то, но постеснялся женщин, и, отведя юношу в сторону, глухо проговорил:

— Если что случится...

— Что может случиться, дедушка?

— Если что случится, или здесь, на тропе, или там, наверху, ты сразу беги... За Чалаури найди пастухов, спросишь Георгия, он твоего возраста... Скажи, дед твой там, помирает и тебя зовет... Он хороший мальчик, сразу пойдет...

— О чем ты говоришь, дедушка!

— Как я говорю, так и сделай.

Махаури замолчал, потом решил добавить **что-то** еще.

— Если не успеет, скажи обо мне, шел, **мол, и** всю дорогу о тебе думал.

— Ладно, дедушка, не бойся...

— Я не боюсь ничего.

Женщины стояли и смотрели вдаль. Солнце вот-вот зайдет за гору. Повеял холодный ветерок. Над хребтом опустились белые облака. Вороны по-прежнему кричали где-то внизу, в ущелье. Кругом были одни только горы и безлюдный простор. Солнце спустилось совсем низко. Юноша не мог оставить здесь этих стариков. Они должны идти вперед, собрать последние силы и идти, главное — этот старик, за женщин он был спокоен, женщины не скажут ни слова...

Парень засмеялся:

— Скажи, бабушка, Миха на самом деле был твоим мужем?

— Пусть отправится за Миха тот, кто меня в этот путь пойти заставил...

Теперь уже смеялись все, и смех подсказывал, что им можно отправляться дальше.

— Ну-ка, сынок, сбегай еще разок, глянь, не показалось ли это треклятое Чалаури.

Парень безропотно побежал наверх.

С косогора четко доносился звук его шагов и шум осыпавшихся камней.

Потом шаги затихли.

Старики напряженно ожидали.

— Вижу! — донесся до них крик из-за поворота.

* * *

Старики брели по полю, раскинувшемуся на плоскогорье. Им уже некуда торопиться. Оказывается, главным было пройти путь вверх, который остался позади и навсегда канул в прошлое. Всех охватило чувство опустошенности, и они как бы говорили друг другу — ну как, добрались мы до этого Чалаури или нет? И это все? Издали казалось Бог знает что... Чалаури... Из «общины семерых», в один дождливый день объединившейся на берегу реки и поселившейся там, как и положено на этом нескончаемом жизненном пути, к вершине хребта добрались не все, далеко не все!

Абриа Махаури, матушка Гарсо со своими быками Боселой и Лагой, бабушка Пело, прсзванная сорокой-балаболкой, и парень по имени Гела.

Абриа Махаури благодарил Господа:
— Теперь делай со мною, что пожелаешь!

* * *

Солнце уже закатилось. Чалаури нагоминало разоренное птичье гнездо.

Только трое осталось от «общины семерых»: Абриа Махаури, бабушка Пело по кличке сорока — и парень, которого звали Гелой. Все вокруг погрузилось в безмолвствующую пустоту. Горные вершины с ущельями превратились в сплошной голубой простор, прозрачный и вечный. Этот простор зыбок, нереален. Достаточно сделать шаг в сторону — и потеряешь опору под ногами, твердь исчезнет и низвергнешься в бескрайнюю и бездонную пустоту.

Махаури медленно шел в сторону цветущего луга, напоминая старую лошадь, покинувшую свой дом.

Он бросился навзничь на траву.

Уже не видно было ни Гелы, ни той старушки, которую прозвали сорокой-балаболкой.

Луг был покрыт синими и темными цветами. Вдали паслись лошади. Под самые небеса взобралась овечья отара. Скакал вдали какой-то всадник. Лаяли собаки. Кричал осел. В небесной лазури летела одинокая птичка. Махаури уже ничего не видел. Его охватила приятная расслабленность, неосознанное счастье, наступило мгновение, когда ему уже ничего больше не было нужно, кроме этого безмолвия без конца и края. Мгновенное ощущение счастья озарило светом старческую плоть, и ничего больше не нарушало этого счастливого состояния, ни человеческое слово, ни иной звук... Мир замолк перед махауревским счастьем и ждал, пока старческая плоть не наполнится этим счастьем до краев.

* * *

Здесь заканчивается подлинная чалаурская история, история о том, как отдал Богу душу Абриа Махаури, имевший перед смертью одно лишь желание —

попроситься со всеми и увидеть напоследок только своего внука. Дайте хоть умереть так, как я хочу, просил старик, но даже смерть не приходит по нашей воле, и, возможно, кончина Махаури произошла совсем не так. Махаури упал на землю там, где за Чалаури открывался бескрайний и бездонный простор. Человечество проникало за его предел только в воображении, так как отсюда начинался тот путь, куда отправившихся видели мы с вами множество, но возвратившегося с вестью, что там и как, — никого. Возможно, когда белый свет погас для Махаури, именно тогда и сделалось ему все ясно и понятно, на все нашлись простые и понятные ответы: Махаури обрел истину! Но для смерти обретенная им истина показалась столь же малозначащей, как множество других истин на свете, и потому не дала ему рассказать об этом, ибо смерть сама исходила из того огромного и бескрайнего пространства, постигнуть которое до конца не под силу никому, но это всего лишь предположение или догадка человека, которого бескрайность вселенной вырывает из своей малой планеты и уводит в дальнюю даль, в недостижимые и непостижимые просторы.

Автор вымышленной истории настаивает, что в эту минуту, когда лежавший на покрытом цветами лугу Махаури ждал смертного часа, по небу порхала птичка, которую в нашем уголке земли называют торолажавороном.

Жаворонок вдруг почувствовал, что не может подняться еще выше, хотя прежде не раз взлетал туда, в лазурное поднебесье, где ему пелось привольнее всего, и все маленькое тельце охватывал неизъяснимый восторг. Оглянувшись, он увидел, что остался в небе совершенно один. Страсть оглядеть поднебесный простор с высоты угасла в его душе. Лазурь уходила все выше и выше, а земля неотвратно приближалась. Теперь он ощущал не восторг, а только усталость. Да, легкий лазурный окоем уже ничего не говорил его сердцу, и жаворонок испуганно подумал: кажется, пришел мой смертный час. «Подумал», написал автор вымышленной истории, но жаворонок на самом деле только пел и, если верить повествователю, жаворонок пел свою смертную песнь. Он пел о страхе исчезнуть с лица земли без следа, о тщете земного существования, о неотврат-

тимости конца... Но жаворонок ничего этого не знал, он лишь испускал трели и не ведал, что кто-то в целом свете слышал его голос, что кому-то его пение необходимо, что кто-то ждет и ищет его. Жаворонок не знал, для чего появился на свет и почему прощался с ним песней. Только тот станет утверждать, что знает это, кому кажется, что последняя песнь маленького жаворонка, его смертная песнь что-то значит в нашем огромном мире. Да, жаворонок размышляет о смерти лишь в вымышленной истории, которая, может быть, потому только и имеет какую-то ценность, что в один прекрасный день окажется не вымышленной, а подлинной. В нашей же вымышленной истории жаворонок со страхом подумал — кажется, пришел мой смертный час... За этой мыслью тотчас последовала другая — хоть бы встретить кончину в небе и потом рухнуть на землю. Здесь иное дело, все же, как ни говори, небесная лазурь... А лазурь становилась чужой, холодной и незнакомой. — Как будто не все равно, где умирать... Эта мысль заставила жаворонка почувствовать к самому себе отвращение, и, позабыв о своем бессилии, он снова ненадолго взлетел в небо. Совсем из ума выжил от старости, шутка ли — такой путь проделать! Что и говорить, умереть в небе — совсем иное дело, небо это все же — небо!

В это мгновение у жаворонка опали крылья и он камнем полетел вниз, на землю.

Если поверить автору вымышленной истории, Абриа Махаури в свой смертный час слышал пение жаворонка. В это мгновение на одной маленькой планете Солнечной системы — Земле ничего более важного не произошло.

Перевод Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

* * *

Ой, остригли вещице мои пряди.
И откуда мне знать,
Что слезы высыхают от горя?!
Отвязали моих жеребцов.
Ну как их сдержать?
Боже,
Дай мне силы простить.

У ног надменного
С сердцем идола мести
Больше макового костра не зажгу,
И возлюбленного больше не прокляну,
Как бы ни ласкали его губы другой.

Боже!
Прощению научи...

* * *

Когда, одинокий,
В поблекший храм
Однажды войдешь,
Молчанье храня,
И, постигнув непостижимое там,
Забудешь и мои стихи и меня,
Я заплачу
И упаду дождем.
И глаза к небесам
Поднимут цветы...
Мы уйдем.
Все минует, и мы уйдем.
Но однажды вдруг пожалеешь ты...

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

ПОЯС

РАССКАЗ

Когда и на третий год я не добрал баллов для поступления в институт, то окончательно пришел к мысли, что земля, дом, что мир, в котором живешь, — ложный, надуманный и что все происходящее здесь лишь лицемерие и фарисейство.

Порою мне становится так невыносимо, что я не знаю, как жить дальше. «То так, то эдак», — посоветовал мне приятель, с которым я поделился своими трудностями, при этом на него нашел такой приступ смеха, что он едва перевел дух.

Мне скоро стукнет 21. В моем возрасте, и даже раньше, многие уже становятся выдающимися, знаменитыми личностями, а то и венценосцами...

И все же, как я был близок к цели, одна четверка, всего одна четверка на последнем экзамене — и я стал бы студентом. А так я опять за бортом. «Довольно, — подумал я, — сбегу».

В семье я четвертый ребенок. У меня двое старших братьев и сестра. Старший брат живет то ли на Украине, то ли в Молдавии. Там он и обзавелся семьей. Сестра, едва ей стукнуло 16, сбежала, и она унесла ноги из этого дома, выскочила замуж за агронома-кахетинца. Изредка навещает нас. Мать работает в прачечной. Отец — пожарник. Мой второй брат — полудебил. Огромная башка, широкая физиономия, маленькие пороссячи глазки, короткие, словно обрубленные, уши. В армию его все же призвали. Направили в строительный батальон. Всучили лопату, конечно же, не доверив ему автомат. Через два года он возвратился к нам абсолютным дебилем. Это страш-

но меня подавляет, кажется, что и я вот-вот свихнусь, если не сбегу куда глаза глядят... Лучше бы я не родился. А ведь, оказывается, была такая возможность. Как только меня зачали, все члены семьи, а также родственники, сжавшись в единый кулак, восстали против меня — не нужно еще одного нищего! Но я все же появился на свет через семь месяцев. Однако моя мать все же попыталась обмануть судьбу. Она сплела ивовую корзинку, тщательно высмолила ее, устлала дно и уложила меня, новорожденного, в нее, как в колыбель, накрыв сверху платком. Затем позвала дочь, отдала ей корзинку и наказала опустить ее в реку, а самой где-нибудь спрятаться и понаблюдать за последующими событиями.

Дочь в точности исполнила наказ матери. Опустила корзинку в Куру и спряталась в ближайшем кустарнике. В то время по набережной прогуливалась дочь одного большого человека в сопровождении верных подруг. Обладающая великолепным зрением девушка сразу же обнаружила покачивающуюся на волнах корзинку. Ее вытащили и увидели плачущего младенца мужского пола. Девушка приласкала малыша, прижала к груди и даже назвала «бедненьким». Младенца сдали в приют.

Когда-то, еще в незапамятные времена, тридцать пять не то сорок веков назад, в такой же ситуации одна высокородная девушка поступила совершенно иначе. Но то были другие времена, и страна была другая. По-видимому, тогда еще добро иногда побеждало. Сестра пожалела меня для приюта и вернула матери. Назвали меня Моисеем. Сакраментальное имя.

По биологии я здорово подготовился, ничуть не хуже ребят, занимавшихся у репетиторов. Экзаменатор спросил меня:

— Чем занимается твой отец?

Мне стало стыдно, но обманывать я не собирался.

— Пожарник.

— А мать?

Вот тут-то надо было сказать, что она врач или учительница.

— Прачка...

Экзаменатор забарабанил пальцами по столу. У

него дрожал подбородок. Пожалуй, он нервничал больше меня.

— Общество превращается в толпу, когда не поддерживает избранных, когда позволяет недостойным прийти к кормилу, поступить в вуз, защитить диссертацию.

— При чем тут это, уважаемый?..

— Основное назначение воспитания — создание свободного человека, свободного, но не наглого.

— Вы что, предлагаете мне стать пожарником?

Он долго меня экзаменовал, вернее, расставлял ловушки. А вообще, что же ему было делать, когда на двадцать мест было сорок два претендента. В конце концов он все же загнал меня в тупик.

— Ты знаешь hippopotamus amphibius?

— Слышал, бегемот.

— Итак, сколько килограммов мяса съедает он в день?

Я понял, что это ловушка. Скажешь, что съедает десять килограммов, скажет — одиннадцать. Пойди потом докажи. Я начинаю лихорадочно соображать. Я вешу семьдесят килограммов, бегемот — две или три тонны. В гостях я съедаю около двух килограммов мяса. Сколько же слопает бегемот? Я опять быстро перемножаю и делю цифры. Получаю двадцать восемь-двадцать девять кг.

— Бегемот съедает в день 29 килограммов мяса.

— Напиши.

Я написал.

— Распишись.

Расписался.

— Согласен на тройку?

— Нет.

Он потащил меня к председателю. Мне оформили тройку. Перед уходом я не выдержал и поинтересовался:

— Сколько килограммов он съедает?

— Ноль кг.

Черт бы подрал того бегемота, только потом я вспомнил, что он травоядный.

Я был в отвратительном настроении, но когда от голода засосало в желудке, рванул в буфет и заморил червячка. Перед выходом из буфета купил пачку си-

гарет, хотя я не курю. Так, балуюсь. На улице все плавилось от жары, я подтянул брюки и взглянул на противоположную сторону улицы, просто так. Мир был перевернут с ног на голову. Под чинарой я раскурил сигарету. А теперь куда? Я бы сбежал в далекую, далекую страну, где баклажаны не имеют крыльев и не мнят себя ласточками, туда, где выпущенный в огород осел не возомнит себя агрономом. Для того, чтобы себя не возненавидеть, нужно было срочно что-то предпринимать. Может, жениться на еврейке? А потом Америка или Франция... Любовь. Любовь — как время: и есть она, и нет ее.

— Мосэ!

Доктор Жужуна стояла с набитой сумкой. Наверное, возвращалась с базара. Единственный врач, кого я уважаю. Она еще молодая, только невзрачная.

— Вам помочь?

Я взял у нее сумку и пошел рядом.

— Жарко, — сообщил я ей по дороге.

— Летом всегда жарко.

Неподалеку абитуриенты, и побежденные и победители, уплетали мороженое. «Вот сейчас наверняка спросит про экзамен. Если уже не догадалась по моей физиономии».

Идем. Впереди нас маячат наши тени.

— Догоним?

— Кого? — спросила Жужуна.

— Вот этих типов?

— Кого? — переспросила она.

— Призраков.

Идем, и меня почему-то охватывает желание запеть.

— Какое нам дело до призраков. Призраки появляются ночью. До ночи же пока далеко, нужно успеть сделать множество дел... Любишь холодный сливовый сок?

— Люблю.

— Вот поднимемся ко мне, угощу... Я живу здесь же.

— Есть в этих призраках нечто роковое, а может, таинственное, чего не передашь словами.

— Словами ничего не передашь, — сказала она с улыбкой.

Ей подходит улыбка. Улыбка идет далеко не всем. Я заметил, что улыбки бывают разные — добродушные, фарисейские, детские, идиотские, наглые, величественные, ехидные, лукавые, очаровательные, многозначительные, таинственные. Сколько существует людей, столько и улыбок. В медицинский мир, столь чуждый и далекий от нашей семьи, я попал не случайно. Возможно, вы удивитесь и не поверите, к медицине меня подтолкнула улыбка, улыбка моего полудебильного братца. Эта идиотская улыбка, видимо, с самого детства подавляла меня. И в один прекрасный день я это понял. В детстве близкий человек представляется нам героем — непобедимым защитником, единственным и прекрасным. Детство, безмятежная пора, уходит, постепенно игрушки и предметы утрачивают свою ценность, и люди тоже. Рыцари куда-то исчезают. Вместо героев остаются золотувы либо полудебилы. Но любовь все же не уходит. Так как без этого врожденного, неискоренимого чувства невозможно существование. Да, только оно, наверно, и оправдывает жизнь. Однажды ночью, когда у меня в комнате потушили свет, я забрался под одеяло и поклялся, что стану врачом и поборю эту идиотскую улыбку.

После окончания школы я устроился санитаром на станции скорой помощи. Белый халат врача. Белый — это цвет чистоты, жизни, радости, надежды. Я был здоровым детиной, и поэтому мне не составило труда устроиться санитаром. На нищенский заработок шел не каждый здоровый мужчина. Зарплаты и мне не хватало, но далекая цель удерживала и поддерживала меня. Спустя год я стал работать в больнице. Мне приходилось переносить тяжелобольных из одного отделения в другое, когда это требовалось. Иногда относил кровь в биохимическое и коагологическое отделения, давали мне относить на исследование также мочу и кал. Бывало, во время ночного дежурства я проводил ночи у изголовья тяжелобольного. Так я постепенно сживался с миром, называемым медициной.

Мои сверстники, большей частью дети влиятельных родителей, те, кому нужен был рабочий стаж, чувствовали себя вольготно. Некоторые вообще не ходили на работу, другие изредка появлялись. Они неплохо проводили время, распивали кофе, таскались

по кинотеатрам. Только я был единственным в своем роде. Наверное, мне нравилось тогда быть ослом. Я сравнивал больницу с домом милосердия. Меня притягивал ее специфический запах, ее отвага, ее нужды, ее поражения и победы. За год я перезнакомился со всеми врачами, медсестрами и санитарями. На базе больницы существовала кафедра неотложной терапии. Приходили студенты, слонялись по коридорам, зубоскалили и уходили. Их встречали ассистенты, доценты, профессора и заведующий кафедрой. Возможно, студентам я и завидовал, но их преподаватели вызывали во мне неопределенные чувства. И врачи—пестрая публика. Три года я вращаюсь в их обществе и постепенно утрачиваю что-то для меня дорогое — мечту ли, стремление ли. Может, мне это просто кажется и это только плод моего больного воображения. Однажды вечером я окончательно обалдел. Я сидел во дворе на длинной скамейке. Дул сильный ветер. Ветер свистел. Но домой не хотелось. Я вспомнил больницу. Там тепло, суматошно, там, может, кто-нибудь из больных выставит на стол тарелку с фруктами. Можно урвать время посидеть перед телевизором, пока не всучат тебе кислородную подушку и не отправят ее наполнить. Напоминание о больнице заставило задуматься о будущем. И вдруг всплыл необычный вопрос: «Мссэ, какому врачу ты хотел бы подражать? Чьей бы судьбы ты пожелал, чьим бы путем ты последовал без оглядки?—Ничьим, — вырвалось у меня—Не надо мне было рождаться. Или надо куда-нибудь сбежать — на Филиппины, в Сьерра-Леоне, на Гавайские острова... — Не хочешь стать ассистентом, доцентом, профессором, заведующим кафедрой, не хочешь, подобно им, самодовольно ходить по коридорам, заглядывать в палаты?»

Упрямец, либо же идиот повторяет: «Нет, не желаю...» Что происходило?.. Я помчался домой. В подъезд вместе со мной ворвался ветер. Я с трудом закрыл дверь. В комнате улыбается мне мой полудебилный брат. Что-то показывает мне и делает знаки, чтобы я приблизился к нему. Подхожу. В руках у него снимок. На фотографии запечатлена обнаженная девица с раздвинутыми ногами.

— Ты бы поцеловал ее? — восторженно спрашивает он.

Я где-то вычитал, что нельзя убивать менту человека, тем более полудебильного, и поэтому согласно киваю:

— Поцеловал бы.

— Хочешь, еще покажу такое, я спрятал в ящике стола.

— Не хочу.

Он слегка теряется, пропадает его идиотская улыбка. Спустя некоторое время опять обращается ко мне:

— Сбежать за лимонадом?

Иногда, когда я с ног валюсь от усталости, я снабжаю брата деньгами и прошу принести мне лимонад или боржом. Он с радостью бежит, наверное, и это нужно ему в жизни. Я провожаю его взглядом, затем выглядываю в окно. Неужели только поэтому я его люблю? А может, потому, что мы из одной плоти? Или потому, что он убогий? Я его люблю, жалею и все же мечтаю сбежать из дому. Для меня это необъяснимо. Я не в силах разобраться в столь раздвоенном чувстве.

Сначала меня огорошили врачи скорой помощи, а может, просто рассеяли иллюзии. После двадцатичетырехчасового дежурства врач распределяет деньги между медсестрой, санитарями и водителем. Хорошим врачом считается тот, кто сделает больше денег за время дежурства. Врачу, который не может брать деньги с больных, члены бригады объявляют бойкот, отказываются от работы с ним. Хочет он того или нет, ему приходится вымогать у людей деньги. Осознал я все это далеко не сразу. Особенно жалкими кажутся врачи, которым за шестьдесят. стыдно бывает видеть, как они унижаются. Ведь иногда за оказание помощи врачам суют трешку. Бывает, что отпускают вообще ни с чем.

У меня был один друг. Он пел. Я познакомился с ним в одной семье, где молодежь встречала Новый год. Скинулись по двадцать рублей. Девушки накрыли на стол. Вот-вот развеселимся. Джемал, мой будущий друг, пришел с друзьями. Он сразу же завладел

всеобщим вниманием. Высокий, видный парень. Его друг Эдуард — слизняк.

— Вы поете? — спросил он меня.

— Плохо.

— Сядьте рядом со мной... Ну что, начнем? Скоро одиннадцать. Надо же проводить старый год...

— Вино надо перелить из бутылки, — сказала не то Тинико, не то Нуцико.

— Где бутылка? — спросил Эдуард.

— На кухне.

Эдуард встал.

— Я налью, — приподнялся Джемал.

— Не беспокойся, я мигом с ней разделаюсь.

Эдуард держался заносчиво. Я с первого же взгляда невзлюбил его. И вообще, я ненавижу малорослых мужчин, им чего-то не хватает, и они всегда стараются выставиться. Через некоторое время из кухни раздался грохот. Мы застыли. Весь пол кухни оказался залитым вином, а от двадцатилитровой бутылки остались одни осколки.

— Выскользнула из рук, выскользнула, как рыба.

— Убить его, что ли? — обратился ко мне Джемал, — сказал же я этому доходяге, что перелью. Теперь остались без вина.

С того вечера мы с Джемалом часто встречались. Вспоминали тот злосчастный Новый год, весело проводили время. Однажды Джемал подарил мне черный японский пояс. Подобно черной змее обвил он мне талию. — Крутой пояс, — заметил друг, — если кто-нибудь в темном месте накроет тебя, снимай и лупи, и лупи.

На следующий день мой полудебил пристал ко мне:

— Подари ремень.

— Дареный.

— Я женщинам стану нравиться.

— Они просто обалдеют... Боржом принесешь?

— Подари, принесу.

— Нет.

Спустя месяц я уступил ему. В тот день я совершенно не узнавал своего брата. У него даже исчезла идиотская улыбка. Печаль, неопишуемая безграничная

тоска охватила меня. В тот момент я готов был отдать ему все.

Сначала в больнице мне нравилось. Из ^{всех} сил я старался сблизиться с врачами. И они баловали меня. Шутили со мной, приглашали разделить трапезу, похлопывали по плечу. Врач Георгий Меладзе называл меня «стариком», что доставляло мне удовольствие.

— Старик, принеси мне сигареты из буфета...
Старик, глянь, какие у нее ляжки...

Во время дежурства Георгий Меладзе предупреждал медсестру: — Пташка, не вздумай меня будить.

Дверь ординаторской не закрывалась, и Меладзе приставлял к ней кровать, так что до утра никто не мог войти в комнату. Поначалу меня весьма забавляла его непосредственность. Иза Перадзе—самая красивая среди всех врачей больницы. Я с удовольствием стал бы ее пациентом. Она бы положила тонкие пальцы на мой пульс, приблизила бы ко мне лицо, чтобы послушать сердце, пощупала бы печень и селезенку. Летом она ежедневно меняла платя, зимой — пальто, шубы, дубленки. Ведь и больница своеобразный театр. Иза Перадзе в одиннадцать часов заявлялась на работу и в час уже уходила. Дежурила она изредка. Ее дежурства превращались в маленькие праздники. Жареные цыплята, хачапури, икра, спецлимонад, немецкое пиво. Всем этим она делилась с медсестрами и санитарями. Она жена то ли секретаря райкома, то ли начальника бензосколонки. Балованная, щедрая и открытая. Ее все любят, даже главврач. По ночам и ее не беспокоили медсестры, стараясь по мере сил ограждать от больных. Список дежурств составляет завотделением в конце месяца. Самыми трудными днями считаются суббота и воскресенье. А вообще и будние дни трудные. У кого — маленький ребенок, у кого — больная мать или бабушка, у кого — недомогание.

Некоторые врачи ко времени дежурства выходят на бюллетень. Это старый испытанный прием. Некоторые просто не являются, позвонят в последнюю минуту — прощайте, может, и навсегда, кажется, умираю. Умирающий, конечно же, на третий день прихо-

дит целый и невредимый. Сколько радости, поцелуев и объятий вызывает его появление! А в тот, пропущенный им день начинается беготня, переговоры, угрозы, угрозы. В конце концов поймают кого-нибудь и заставят отдежурить. Такой врач чувствует себя оскорбленным. И больные, щадя дежурного, стараются его не беспокоить. Мир больных... Это уже иной мир. Они приходят и уходят, как облака, как дождевая вода, как весна и как осень. Некоторые оставляют память о себе, другие исчезают бесследно. Больной такой же человек и гражданин. За стенами больницы у него своя жизнь, он занимает определенное положение в обществе, имеет профессию, характер, привычки, капризы. Больной временно, как бы это выразиться, временно выбит из привычной колеи. По закону, по великому закону медицины, он становится привилегированным, его окружают заботой и ласковым вниманием, во всяком случае так должно быть, в этом нас убеждают моралисты. Муж одной больной, мужчина респектабельной внешности, пригласил медперсонал больницы в ресторан «Арагви». Я тоже попал случайно туда. Случайно, потому что там, кроме меня, были одни врачи. Меня взяли в последнюю минуту. Нас было человек двадцать. Врачи нашего терапевтического отделения пригласили хирургов и рентгенологов. Стыдно, мол, люди потратились, а за столом будет свободно. Как бы не вышло, как со свадьбой Титико. Врачи здорово повеселились. Я скромно сидел в углу. За таким столом я никогда не бывал. Ну я-то, ладно, но даже врачи не скрывали своего удивления. Каждые пятнадцать минут официанты заносили горячие шашлыки, «старые» же уносили. Один пожилой хирург даже не выдержал и сказал:

— Ну это уж слишком, батоно Илларион, чем вам не нравятся эти шашлыки?

— Остыли... И в конце концов, я так хочу, хочу вас уважить.

Японский пояс совершенно заморозил моего полудебильного брата. Он ни на секунду не расставался с ним, даже во сне. Он ласкал его, лелеял. Надевал брюки, чистую рубашку, опоясывался и с сияющим лицом прогуливался каждый день по улице. Воз-

вратившись, он протирал его тряпкой и осторожно вешал на стул. Брат даже засыпал с поясом, словно ребенок с любимой игрушкой. Вставал он рано, суетился, порой забывал умыться, даже поздороваться. Брал пояс, что-то ему нашептывал и думал, что и он дождался счастья под солнцем. Тогда я не понимал, что идолопоклонство это порок. Многого мне непонятно в этом мире. Может, это и смешно, но мне до сих пор непонятен феномен телевидения, никто меня не убедит, что человек находится где-то в Москве или Париже, а я в ту же секунду вижу его здесь, в Тбилиси. Это либо сон, либо волшебство. Волшебство же не от Бога. И мой полудебильный брат для меня загадка, загадочна и его любовь к этому поясу. Как и раньше бывало не раз, я решил не обращать на него внимания. Пусть радуется, пусть поклоняется своему идолу. Я как будто открестился от него, а ведь это тоже своего рода выбор, и не такой уж простой, как кажется некоторым...

Врачами многие недовольны, многие клеветают даже на профессоров. К примеру, говорят, будто некоторые врачи спекулируют лекарствами и берут плату, чтобы поместить больного в больницу. Будто за «хорошего» больного бьют друг другу морду, будто милосердие и терпеливость врачей показные и ради денег и материального благополучия они способны на все. Это все враки, сплетни, клевета. Наверное, им завидуют. А зависть—изначальное, извечное зло. Ведь недаром говорится, что все в этом мире меняется, неизменен только человек. Но одна мысль, которой я с вами поделился, все же не дает мне покоя. Мысль, что я не хотел бы быть ни на кого похожим, не пожелал бы побывать ни в чьей шкуре. Ни в чьей... Кошмар, когда тебя никто не пленяет, не притягивает, разве что в тостах.

Однажды вечером в отделение поместили тяжело больного. Его сопровождала пожилая женщина, родственница. Женщина сама оказалась врачом, то ли гематологом, то ли невропатологом. Больного поместили в палату интенсивного наблюдения. Пульс не прощупывался. Было около восьми вечера. Борьба за жизнь продолжалась до утра. Дежурила Жужуна. Сказала, что надеется на меня. Улыбнулась мне:

— Не подведешь? — Я улыбнулся в ответ:

— Никогда.

— Бегом к хирургам и без полиглуана не возвращайся, у них есть... Запиши.

Я старательно записал, хотя на память не жалуясь. Хирурги мне отказали, но я взмолился:

— Не губите, мой дядя умирает.

После этого, разумеется, лекарство появилось. В работе врача, конечно же, главное профессионализм: В ту ночь я впервые осознал это. Всю ночь я был на ногах. Присматривался к проворным, ловким рукам Жужуны, сосредоточенным, умным глазам... Родственница больного безмолвно, угрюмо наблюдала за ней. Она произнесла только одно:

— Несчастный, жизнь измотала его. Пять лет провел в тюрьме, десять — на поселении.

Я боялся этой женщины. Боялся, что она устроит нам неприятности, пожалуется в министерство, подставит Жужуну. Ночь была ужасной, почти все больные чувствовали себя плохо, и Жужуна разрывалась на части. Еще двоим понадобились капельницы.

Больница—маленькое зеркало, отражение того настоящего мира, который раскинулся за пределами ее стен. И все тревоги, боль, смятение этого мира сконцентрированы здесь. Да и больница далеко не цемент, столбы и доски. Это сложный организм, где все взаимодействует между собой — медицинский персонал, ждущие помощи больные, и все оставляют свой след, некоторые значительный, некоторые незначительный. След Жужуны непременно останется, хотя бы в душе нескольких человек. Иначе как объяснить смысл жизни честного, тихого, скромного человека. В девять утра дежурство Жужуны должно было смениться. Больной скончался в половине девятого. Я не оставлял Жужуну ни на минуту. Даже взял на себя обязанность сообщить о смерти родственнице больного.

— Позови врача, — приказала мне та женщина, сама то ли гематолог, то ли невропатолог.

Сейчас разразится буря. Жужуна стоит, виновато опустив голову. А женщина выражает ей свою благодарность и признательность, говорит, что в ее дол-

гой медицинской практике она редко встречала такую непоказную самоотдачу и профессионализм.

— Спасибо, детка...

С той ночи у меня на многое открылись глаза. Почему я до того случая не замечал Жужуны, почему другие не замечали ее. Одним из лучших показателей работы больницы является койко-оборот, то есть, чем быстрее выпишется больной и освободит койку, тем больше у врача заслуги и соответственно славы. Быстрее всех выписывают беспризорных больных, поверхностно исследуют и лечат их. Беспризорный не пойдет на тебя жаловаться, смолчит. От санитаря и до профессора все заинтересованы как можно скорее избавиться от него. И, наверное, Бог. Беспризорный остается без призора как на земле, так и на небе. Не может он раздобыть нужного лекарства, не может достать рентгеновскую пленку в случае надобности, не может пригласить консультанта. Жужуна же заботится одинаково обо всех, в особенности о беспризорных. Бегает за лекарствами, за термометром, за судном, требует проведения полноценного исследования. И до каких же пор она выдержит, не сломится? Ведь за глаза над ней смеются коллеги и даже больничный сторож. Ее используют, поручают множество дел, больше всего дежурств выпадает ей, ездить в командировки также приходится ей. Но мой внутренний голос нашептывает мне, что именно она достойна подражания.

Весной из Кахети приехала моя сестра Эсма. Привезла нам чурчхелы. Встала проблема, куда ее уложить спать.

— Ничего страшного, Мосе с Шалико уместятся и на одной, — решила мама.

Всю ночь я провел, сидя на стуле. Сестра на следующий день возвращалась в деревню. Она заметила пояс:

— Совсем как змея, чтобы в один прекрасный день и правда не превратился в эту гадину... И до каких пор мы будем так несчастны? — обратилась она ко мне. Я провожал ее до автовокзала. Молча ждал автобус. Нам даже нечего сказать друг другу. Мы оба себя чувствуем неловко. В детстве мы были друж-

ны и вместе подтрунивали над полудебильным братом. А сейчас стоим, словно дальние знакомые.

Брат улыбается во сне, смеется. Он и во сне видит пояс, пояс, обратившийся в женщину, неистово ласкает, обнимает. Возможно, сн убегает с ней, находит пристанище в чужой стране, где они проживают сладкую жизнь...

Жужуна жила на пятом этаже. Лифт не работал.

— Устал? — спросила она.

— Да так.

Она открыла дверь своим ключом. Ее мать стирала белье. Она выглянула из ванной и приветливо мне улыбнулась.

— Разогрей обед, — сказала она дочери.

— Пообедаем? — спросила меня Жужуна.

— Пообедаем.

— Ну-ка, дай сюда сумку...

В комнате мое внимание привлекли книжные полки. Ими заставлены все стены. Такое количество книг мне даже не снилось. В душе я уважаю начитанных, умных людей. Отец мой — пожарник, мать — прачка, брат — полудебил. Книги я беру в библиотеке, стараюсь больше читать. Ну, пойдешь в библиотеку раз, десять раз, но потом в конце концов надоест — то очередь, то кто-то уже опередил тебя и унес интересующую тебя книгу. Вот собственная библиотека это совсем другой кайф. Собственность — это собственность. Человек, выросший в этих стенах, конечно же будет не таким, как все. Интересно, сколько здесь тысяч книг? В комнату вошла Жужуна.

— Чья это библиотека?

— Папина.

— Он был профессором?

— Врачом.

— Вы все это прочли?

— Почти...

— Это медицинские книги?

— Всякие.

— И художественная литература есть?

— И художественная.

— А для чего врачу читать романы? Ведь небес-

ные птицы не читают и прекрасно себя чувствуют, — пошутил я.

— Птицы небесные не сеют, не жнут, не собирают урожай в закрома.

В углу, рядом с книжной полкой висела икона — лик Христа.

— Верите? — задал я глупый вопрос.

— Ты крещеный?

— Нет.

— Покрестись, но только в речной воде. Очистишься и начнешь новую жизнь.

Жужуна накрыла на стол, пригласила меня. Вдруг такая тоска накатила на меня, что отшибло аппетит и захотелось уйти. Уйти куда-нибудь далеко-далеко.

Я налил себе холодный сливовый сок и выпил. Жужуна ела, не глядя на меня. Жарко.

— А почему вы не установили кондиционер?

— На зарплату его не больно купишь.

— А вы продайте книги, зато будете жить в прохладе.

Ответа не последовало. Я положил себе на тарелку мчади с сыром.

— Когда ты появишься в больнице?

— В конце месяца.

— Отдыхать не поедешь?

— Куда?.. И у меня нет денег.

— Одолжить тебе?

— Спасибо.

Я начал раздражаться. Чего она пристала? Я где-то вычитал, что раздражение всякий раз оказывает воздействие на организм. Следы этого воздействия остаются и оказывают влияние на последующие реакции организма. С меня хватит раздражений.

— Самолюбие... — проговорила Жужуна, не обращая на меня внимания.

— Ну, я пойду.

— Куда ты торопишься, посидим, поговорим... Как ты сдал последний экзамен?

— Плохо.

— И что собираешься делать?

— Собираюсь посланцем в заморскую страну.

— Не пошлют, ни знаний у тебя нет, ни опыта.

И что самое главное, нет стремления к учебе. Ученик должен быть скромным и покладистым.

- Ученику нужен учитель.
- Жизнь самый великий учитель.
- Пока она только разрушила все мои иллюзии.
- А вообще из тебя получился бы хороший врач.
- Я разочаровался в медицине.
- Отчуждение... — вновь изрекла Жужуна.
- Это еще что такое?
- Обстоятельство, когда человек утрачивает

смысл жизни.

Я высказал ей все, что думал о людях в белых халатах. Она выслушала, не перебивая.

— У тебя нет веры. А человек без веры жалок. Мы должны во что-нибудь или в кого-нибудь верить. Безверие — плохая опора. Сегодня не веришь людям, завтра утратишь веру в Бога. Многим молодым людям повседневная жизнь кажется никчемной и незначительной. А ведь каждый день преподает нам свой еще один урок. И врач ежечасно сдает свой маленький экзамен. Легче один раз встать перед вражеским танком или грудью лечь на амбразуру, нежели на протяжении сорока-пятидесяти лет терпеливо обслуживать больного беспомощного человека. Это очень трудно. Легко разве что медом лакомиться. Одним из авторов Четырехглава был Лука. Он был лекарем. Он учит нас: лекарь, излечи самого себя. Ты видишь, как много сейчас плохих врачей. Это все по воле провидения. Оно испытывает тебя, предостерегает, дабы ты не походил на них.

— Не лучше ли было провидению умножить число хороших врачей?..

— Когда в духовную жизнь стали вторгаться необразованные, невежественные люди, положение ухудшилось. Они смели все образованное, интеллектуальное. Внутренняя среда живого организма должна сохранить постоянство, несмотря на всякие колебания внешнего мира. Прочность внутренней среды одно из условий свободной и независимой жизни. Нужно верить в доброту и самоотдачу врача. В таком случае всегда сможешь одолеть мелкие и крупные сомнения. Вслед тебе и ропот раздастся, и камень поле-

тит, и предадут тебя за тридцать сребреников, и осмеют. Но когда у тебя впереди цель, ты не будешь тратить время на расправу. Иначе ты никогда не достигнешь заветной вершины. Противоречивость одно из условий существования личности. Порой мы бессильны объяснить человеческую слабость, вероломство. Энергичные, полные энтузиазма врачи поддаются под влияние дьявольской машины власти. И последняя настолько перекраивает их жизнь, что они сами того не замечают. И не ведаешь, как спасти человека, ибо все во власти милосердных действий непостижимой силы.

— А что же есть смерть?

— Ты так серьезно задал вопрос, что и мне придется серьезно ответить. О смерти можно говорить всю жизнь. Смерть — это огромный прыжок, по представлению ацтеков, это одна из форм хаоса... Смерть случайность, а не необходимость. И я верю, что смерть на земле — всего лишь какая-то стадия, ступень к предстоящей вершине, к более возвышенной и светлой любви.

Так необычно разговаривали со мной впервые. Она все больше возвышалась в моих глазах. При прощании я пожал ей руку.

Больше всего я люблю августовский Тбилиси. Город ошугимо освобождается от людей и машин. Сильные мира сего и их отпрыски отправляются на отдых. В городе остаемся мы — шушера. Солнце палит. Жара. Спина взмокшая. И все равно чувствую себя прекрасно.

У дома меня остановил подвыпивший сосед. Силифонэ преподавал в каком-то институте и явно кичился своим положением.

— Мне страшно... — обратился он ко мне.

— Чего?

— Мне сегодня исполнилось тридцать семь.

Я поздравил.

— Вы еще совсем молоды.

— Тридцать семь роковое число.

— Тридцать седьмой никогда не повторится.

— Дело не в этом. В тридцать семь лет не сталс Пушкина, Байрона, Ван-Гога, Маяковского, Рафаэля, Рембо, Лотрека, Модильяни... Я боюсь...

Я не мог удержаться от смеха.

— У вас нет оснований для волнений, что-то не припсмно, чтобы в тридцать семь помирили болваны.

Домой я попал под вечер. Мать была чем-то взволнована.

— Где стец? — спросил я.

— На дежурстве.

— А Шалико?

— Утром, перед моим уходом на рынок, он был дома. Когда вернулась, уже не застала его.

— Появится, никто его не украдет, — улыбнулся я матери и обнял ее за плечи.

Мой полудебильный брат запаздывает редко. Пройдетя разок по улице, иногда заглянет в соседний двор, присядет на длинную скамью и наблюдает за играющими детьми. Улыбается. Дети дразнят его, порой измываются. Но брат не обижается. По большим праздникам он устраивает себе прогулку на троллейбусе. Сядет, как он говорит, в большую, привязанную к проводам машину и разглядывает в окно дома, прохожих. К одиннадцати ночи я вышел из дому. Заглянул в соседний двор. Пошел по улице. Никого, только кошки возятся в вываленном прямо на тротуар мусоре. Пошел обратно. Почему же у меня заняло сердце, почему же я с ужасом вспомнил о подвале нашего дома? Я редко спускаюсь туда. В нем полно крыс и на потолке висят летучие мыши.

В подвале было темно. Я зажег свет. Брат висел на черном поясе. Глаза вылезли из орбит. Он больше не улыбался... Я спрашивал сегодня, что такое смерть?! Так вот она — передо мной, висит на поясе... Я с трудом снял брата. Как сказать матери?.. В углу валялся заржавленный нож, — я поднял его и искромсал пояс на мелкие кусочки.

Всю ночь я не сомкнул глаз. Плакать не мог. Сидел рядом с телом брата. При жизни я не смог выразить свою любовь, так хоть сейчас обману самого себя.

Мало кто верит в существование Рока, который управляет судьбами людскими. Возможно, они и правы. Но пояс оказался моим Рокѳм.

И нет мне прощенья во веки веков.

Перевод Ирины ЗУРАБАШВИЛИ

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

О переводах Николоза Бараташвили

Переводы стихов Николоза Бараташвили на русский язык имеют свою историю, которую условно можно разбить на три этапа. Первый этап — от первых переводов до 1940 г. — освещали А. Чхеидзе, А. Гацерелия и др. Проф. А. Чхеидзе опубликовала в 1946 году исследование, в котором содержался тщательный анализ всех дореволюционных и послереволюционных переводов великого грузинского романтика. Все началось с супругов Тхоржевских («Иван да Марья»), которые в 1889 году издали в Петербурге книгу «Грузинские поэты в сбразцах». В нем впервые на русском языке прозвучал знаменитый «Мерани», названный «Пегасом». В 1890 году в суворинском издании «Восточные мотивы» были помещены два стихотворения Н. Бараташвили в переводах В. Величко — «К чонгури» и «Любимая, помню глаза твои...», появившиеся до этого в тифлисской газете «Новое обозрение». В этой же газете в 1891 году те же «Иван да Марья» опубликовали «Сумерки на Мтацминда».

Исследователь считает, что 90-е годы прошлого века прошли под знаком большого интереса к творчеству Н. Бараташвили. Это связано с перезахоронением останков поэта, которые привезли из Гянджи и предали земле на кладбище дидубийской церкви святой Марии. В тот день 25 апреля 1893 года газета «Новое обозрение» опубликовала «Мою молитву» в переводе Л. Кипиани.

В те годы «Вестник иностранной литературы» часто печатал стихи грузинских поэтов в переводах В. Лебедева. На его страницах увидело свет и стихотворение Н. Бараташвили «Я храм нашел...». Наконец, как бы завершая 90-е гг., в 1897 году в Тифлисе вышло новое дополненное издание сборника переводов, своеобразной хрестоматии «Грузинские поэты в образцах», в котором, кроме «Мерани» и «Сумерек на Мтацминда», помещены были его новые переводы — «Злой дух», «Младенец», «Осенний ветер...»

Следующим этапом освоения творческого наследия великого грузинского романтика стал «Баратовский томик», изданный к 60-летию со дня смерти поэта в Тифлисе под редакцией Б. Эсадзе. Книга эта содержала данные о биографии писателя, критические материалы и примечания. Из переводов в ней были помещены новое прочтение «Моей звезде» Тхоржевских, «Могила царя Ираклия» В. Величко, перевод первой части поэмы «Судьба Грузии» А. Рчеулишвили и «Мерани», «Злой дух», «К чонгури» в переводах Т. Бекхановой. Значение этого издания трудно переоценить — это первое отдельное издание Н. Бараташвили на русском языке!

До революции было еще несколько изданий переводов Н. Бараташвили — в «Сборнике стихотворений грузинских поэтов» (перевод С. Амирэджиби, предисловие проф. А. Ханашвили), в книге «Из грузинских поэтов» (Тифлис, 1914, перевод Н. Реуло). Нельзя не отметить того, что в 1917 — 1921 годах в Грузии находилось множество представителей русской интеллигенции, литературная жизнь была ключом. С. Городецкий — известный русский поэт — издавал в 1918 году журнал «АКФ», в котором оказались опубликованными «Мерани» в переводе А. Кулебякина и «Серьга» и «Синий цвет» в переводе В. Гаприндашвили.

Таким образом, к началу революции русский читатель был уже знаком с поэзией Н. Бараташвили. Существовала и критическая литература, к примеру, упомянутые заметки А. Ханашвили, «Баратовский томик» и, наконец, вышедший в 1905 году соответствующий том энциклопедии Брокгауза и Ефрона со статьей о Н. Бараташвили.

Нельзя не согласиться с мнением специалистов, что отмеченные переводы отвечали уровню своего времени, ныне же они имеют лишь историческое значение, хотя некоторые переводы Тхоржевских (да и вообще их благородная деятельность по популяризации грузинской поэзии) и особенно В. Га-

приндашвили, в том числе его перевод стихотворения «Серьга», — не утратили своего значения и в наши дни.

В период до 1940 года сборники переводов стихотворений Николоза Бараташвили издавались трижды. В 1922 году в Тифлисе под редакцией В. Гаприндашвили; в 1938 году в Москве под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани; в 1940 году перед самой войной в Ленинграде вышел сборник типа хрестоматии — «Грузинские романтики», в котором наряду с произведениями А. Чавчавадзе, Г. В. Орбелиани, были и стихотворения Н. Бараташвили. Редактировали сборник Н. Тихонов и Ю. Тынянов. Переводы были выполнены такими прекрасными мастерами, как С. Спасский, П. Антокольский, В. Державин, Б. Брик, К. Липскеров, С. Шервинский, В. Гаприндашвили и др. Профессор А. Чхеидзе подвергла их работы основательному анализу.

Второй этап в истории переводов Н. Бараташвили связан с именем Б. Пастернака. Как известно, перед I съездом писателей по инициативе М. Горького в Грузию направилась творческая бригада, в составе которой находился и Б. Пастернак. С тех пор его связь с Грузией не прерывалась до самой смерти: он переводил произведения грузинских поэтов, впечатления от Грузии отразились в ряде его стихотворений. В самый трудный период его жизни, когда он оказался отлученным от литературы, «Заря Востока» — одно из немногих в стране издательств, заказывало ему переводы, они часто публиковались без его подписи.

Первый сборник переводов Б. Пастернака «Грузинские лирики» был издан в 1935 году. Не давая исчерпывающего представления о грузинской поэзии, о многообразии ее творческих голосов, эта книга тем не менее «открывала» всесоюзному читателю немало новых имен многих поэтов. Вторично «Грузинские лирики» вышли в 1937 году в сильно сокращенном виде. Произведения многих авторов — по не зависящим от переводчика обстоятельствам — оказались вне сборника. В 1947 году издательство «Заря Востока» выпустило сборник «Грузинские поэты», в который вошли и переводы стихов Н. Бараташвили.

Из многих изданий, выпущенных издательством «Заря Востока» в связи с Декадой грузинского искусства и литературы в Москве (март 1958 года), можно выделить книгу Б. Пастернака «Стихи о Грузии. Грузинские поэты» (ред. Г. Бебутов, художник Гурро, предисловие С. Чиковани). Союзному читателю представилась возможность ознакомиться с

произведениями грузинских поэтов в прекрасных поэтических переводах. Так в историю русско-грузинских литературных взаимоотношений была вписана еще одна страница.

Как известно, Б. Пастернак поначалу обратился к творчеству поэтов, в свое время входивших в объединение «Голубые роги» (В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, Т. Табидзе, П. Яшвили). В процессе работы над переводами он заинтересовался и поэтами иных поэтических устремлений (С. Чиковани, И. Гришашвили, И. Абашидзе и др.). Именно к этому времени Б. Пастернак вплотную занялся и переводами классиков грузинской литературы — А. Церетели, В. Пшавела, Н. Бараташвили, переводы Н. Бараташвили дважды помещались в сборниках писателя — «Грузинские поэты» (Тбилиси, 1947) и «Стихи о Грузии. Грузинские поэты» (Тбилиси, 1958).

Необходимо сказать несколько слов о переводческих принципах Б. Пастернака. Лучшие его переводы являются художественными произведениями, передающими основные особенности языка и индивидуальность переводимого поэта. В одних случаях переводы поражают своей адекватностью первоисточнику. В других случаях (очень часто) встречаются весьма значительные расхождения с подлинником. Все дело в теоретических установках Б. Пастернака. В предисловии к своему переводу «Гамлета» он писал: «От перевода слов и метафор я обратился к переводу мыслей и сцен. Работу надо судить как русское оригинальное произведение, потому что, помимо точности, равнострочности с подлинником и пр., в нем больше всего той намеренной свободы, без которой не бывает приложения к большим вещам».

Этот принцип с той или иной последовательностью он проводил на практике.

Остановимся на центральных произведениях Н. Бараташвили — «Мерани», «Сумерки на Мтацминда» и отличающихся яркостью ритмического рисунка «Серьге», «Екатерине», «Надписи на чаше князя Барагаева» и др. Он перевел все произведения, кроме одного — «Война Грузии...»

Установки переводчика определяют критерии оценки. Возьмем, к примеру, короткую «Надпись на чаше князя Барагаева»:

Наполнишь (меня) вином,
Наполню (тебя) весельем.
Выпил? Пусть (тебе) будет приятно!

У Б. Пастернака читаем:

Сладость нальешь —
Радость найдешь.
Пей на здоровье.

Как видим, мысль переведена точно, даже слова подобраны очень удачно. Не воспроизведя ни одного слова подлинника, Б. Пастернак нашел новые средства для выражения той же мысли. Так появилась вариация на тему Бараташвили. «Надпись» по существу стала оригинальным произведением.

Еще пример. Русский перевод известного стихотворения Н. Бараташвили «Когда я счастлив...», получившего название «Когда мы рядом...», передает основную мысль подлинника, однако о максимальном приближении к оригиналу говорить не приходится. На русском произведение зазвучало необычайно поэтически:

Когда мы рядом, в необъятной
Вселенной — рай ни дать ни взять.
Люблю, люблю, как благодать,
Лучистый взгляд твой беззакатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

Сравним с подстрочным переводом:

Когда я счастлив рядом с тобой,
Улыбкой походишь ты на майский день,
И в твоих глазах я вижу рай,
И глядя на них, горю огнем
Ты не поверишь, ты как возлюбленная
Не поверишь, не поверишь, не поверишь,
ты как возлюбленная!

Опустив в переводе две строки, Б. Пастернак заменил строку «в твоих глазах я вижу рай» строкой более широкого, «космического содержания» — «когда мы рядом, в необъятной вселенной — рай...» Вместо рефрена «ты не поверишь» появился новый — «невероятно!». Возникли и новые словосочетания, которых нет у Н. Бараташвили — «рай ни дать, ни взять», «люблю, как благодать», слишком русские для перевода с грузинского. Но, самое главное, рефрен «Ты не пове-

ришь, ты как возлюбленная», повторенный дважды в конце строфы, придает мелодии стиха особое звучание, чего в переводе нет. Третья строфа перевода, пятистрочная в оригинале, становится семистрочной, что в какой-то степени меняет интонацию стихотворения. Таким образом, по стилю, интонации и некоторым другим компонентам наблюдаются расхождения между оригиналом и переводом. Однако замечательно передается идея строфы, по-русски звучащая так поэтически, как не звучат переводы других авторов, за исключением «Мерани» и «Сумерек на Мтацминда» в переводе М. Лозинского.

Конечно, хорошо бы иметь не только поэтические, но и предельно точные переводы произведений Н. Бараташвили. Однако, издавая в 1940 году сборник «Грузинские романтики», редколлегия поставила целью точность передачи особенностей оригинала. В этом отношении были достигнуты определенные успехи: «Мерани» и «Сумерки на Мтацминда» в переводе М. Лозинского, «Кетеван», «Порыв жестокого ветра...» в переводе В. Рождественского и другие показали, что попытки адекватных переводов произведений Н. Бараташвили на русский язык в меньшей степени обречены на неудачу, чем, скажем, стихотворений Галактиона Табидзе. Кроме того, «Грузинские романтики» свидетельствовали о возросшем общем уровне переводов. Впрочем, ряд переводов произведений Н. Бараташвили, опубликованных в сборнике, никак нельзя считать удовлетворительными. Например, в стихотворении «Могила царя Ираклия» известная третья строфа хотя и передана точнейшим образом, но звучит не по-русски:

Волей случая изгнанники, дети снова тут.
Просвещения на родину голоса несут.
Их жива душа, любви полна, их души жара
Растопляет лед, огнем живит холод Севера.

Переводчик С. Шервинский сумел сохранить основные образы оригинала, повторить даже ритмический рисунок, а получилось нечто неудобоваримое. Если читатель случайно откроет «Грузинских романтиков» на этой странице, он никогда больше не заинтересуется грузинской поэзией.

Эта же строфа в переводе Б. Пастернака звучит совершенно иначе:

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.

Они назад с познаниями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга.

Сравнение переводов С. Шервинского и Б. Пастернака убеждает, что буквализм в передаче образов и ритмики оригинала не всегда дает положительные результаты. Поэтому в обоих случаях — и при «намеренной свободе», и при переводе всех образов и ритмических рисунков — надо сохранять чувство меры.

Как известно, особый интерес проявляли переводчики к вершинам творчества Н. Бараташвили «Мерани», «Сумерки на Мтацминда», «Раздумья на берегу Куры» и др. Как уже говорилось, до революции «Мерани» переводили Тхоржевские, Т. Бекханова, Н. Реуло и др. В советское время «Мерани» переводили П. Антокольский, М. Лозинский, Б. Пастернак и другие. М. Дудину принадлежит полный перевод произведений Н. Бараташвили («Стихотворения. Поэма», Тбилиси, «Мерани», 1974). И все же лучшим из имеющихся переводов «Мерани» мне кажется перевод М. Лозинского. Переводчик сумел передать основные образы, поэтические особенности, и, что еще труднее, — ритмический рисунок оригинала:

Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал, что обречен:
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет вечно для всех
времен
Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет, смелый, быстрее
меня,
И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь, обгонит ее коня.

Эта же строфа у П. Антокольского передана так же благозвучно, хотя ни в какое сравнение с переводом М. Лозинского не идет:

Мрак мой душевный не сгинет напрасно,
В скалах протоптанный путь мой опасный
Другу когда-нибудь жизнь облегчит, —
Смело за черной судьбой он помчит.

И наконец, в переводе Б. Пастернака эта строфа звучит так:

Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,

фы, написанные разными размерами (14-сложным, бесиковским и 20-сложным, шавтелевским). В переводе это своеобразие чувствуется. Вообще перевод поэтичен, достаточно точен, но несколько тяжеловат:

Какая тайна тогда объемлет и дол окрестный и небосвод!
Какие дали тогда чаруют того, кто смотрит с твоих высот!
Ковер долины повит цветами, как драгоценный престольный плат,
И фимиамом благодаренья к тебе стремится их аромат.

Еще более точен во всех компонентах, в том числе в воссоздании налета архаики оригинала Г. Цагарели:

Какою тайной привлекает окрестностей безмолвных вид!
Какое зрелище открыто тому, кто с высоты глядит!
Цветы долины украшают, как трапезы расшитый плат,
И благородным фимиамом к тебе возносят аромат!

Будучи знатоком грузинского языка, Г. Цагарели лучше других понял поэтику оригинала, но именно поэтому его перевод воспринимается как перевод, а не оригинальное стихотворение.

Б. Пастернак написал поэтическое стихотворение, которое содержит образы оригинала, передает его мысли, но в то же время отличается от него. Вот эти же строки в интерпретации мастера:

Не налюбуйшься! Вот я стою у края.
С лугов ползет туман и стелется к ногам.
Долина в глубине, как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывет, как фимиам.

Этот перевод, как и другие, отразил особенности Б. Пастернака-переводчика. Однако непонятно, почему такой мастер стиха не обратил внимания на ритмико-интонационное своеобразие стихотворения. Ведь в его переводе заблистали самые своеобразные по ритму произведения, такие как «Кетеван», «Серьга», «Под аккомпанемент фортепиано» и др.

Вот как зазвучала на русском языке «Серьга»:

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движении.

На щечку с ямочкой
Сережка с камушком
Ложится тенью.

Если отбросить чисто русскую «щечку с ямочкой», то оркестровка стиха изумительна.

Эта же строфа в переводе Боровика звучит так:

Как на глади вод
Стрекозы полет
В тишине цветы заколышет вдруг,
Так и ты, серьга,
Прозвенев слегка,
Колыхнешь, блеснув, своей тени круг.

Конечно, в оригинале нет ни «стрекозы», ни «воды», ни звона серьги, а в третьей строфе появляется даже «гранат — госпожа услад», но в смысле оркестровки — претензий меньше.

Более близка к оригиналу версия М. Дудина:

Вот мотылек
Садится на цветок,
И рад нарцисс его прикосновенью.
Так и серьга слегка
В колечке завита
Заигрывает с собственной тенью.

Все переводчики уловили двучленность строфы, противопоставление порхающей бабочки и качающейся в ухе серьги. Но все они говорили то о цветке, то о стрекозе, то о глади вод, и лишь Б. Пастернак (отбросьте «ландыш», «щечку с ямочкой») уловил интонацию оригинала, строфа стала блестящим примером единства содержания и формы. Тем более удивительно, что Б. Пастернак не обратил внимания на подобную же особенность — смену ритмического движения — в стихотворениях «Мерани» и «Сумерки на Мтацминда».

Поэма «Судьба Грузии» переводилась несколько раз, в 1938 году В. Гаприндашвили, в 1974 году — М. Дудиным и т. д. Гаприндашвилевский перевод отличается удачной передачей характерных черт оригинала, особенно в знаменитом «Бежит Арагви...», в переводе М. Дудина чувствуется возросший общий уровень перевода, но это — только перевод. Па-

стернаковская версия не отличается точностью в передаче основных образов, имеются их пропуски, но разительных отклонений от подлинника нет. Подчас наблюдается обращение к тем же выразительным авторским средствам. Исключение — ритмический рисунок поэмы. Здесь Б. Пастернак верен себе. Он создает художественное произведение, имеющее новый ритмический строй.

Б. Пастернак предлагал рассматривать его переводы как оригинальные произведения. Идея интересна и не нова. Грузинский читатель, владеющий русским языком, будет искать в русских переложениях соответствия с художественным миром автора. А для большинства читателей перевод является единственным средством получить представление о поэтическом мире великого грузинского романтика. Поэтому перевод, прежде всего, должен быть поэтичным.

Время неумолимо движется вперед, искусство перевода постоянно обогащается, делаются все новые попытки переложения произведений Н. Бараташвили на разные языки, в том числе и на русский язык. Идут поиски форм, которые более адекватно (более приближенно) передадут своеобразие произведений грузинского романтика. Переводы должны стать не только поэтичными, но и близкими к оригиналу, они одновременно должны передавать идейное и художественное своеобразие оригинала на высоком поэтическом уровне. Поиски нового пока только начинаются, и переводы Б. Пастернака все еще остаются эталонами переводов произведений Н. Бараташвили.

Послепастернаковский период переводов грузинского романтика продолжается. В связи с одной из юбилейных дат в Тбилиси издан специальный сборник переводов «Мерани» на русский язык, в который вошли наряду с известными переложениями и ряд новых. Подобное начинание можно лишь приветствовать. Третий период обещает быть не, менее интересным и значительным.

Вахтанг ГОГУАДЗЕ

доктор философских наук, профессор

АНТИХРИСТ

— **Ч**то будет завтра? — спрашивает русский князь волхва.

— Завтра я сотворю чудеса! — ответил волхв.

Князь вынул из ножен меч и отрубил ему голову. «Сотвори чудеса!»

Что будет завтра, — это знает Господь. Когда придет Он в гнев и правосудии своем, об этом нам не дано знать так же, как и о времени нашей смерти. Речь идет о дате Страшного суда. «О дне же том и часе никто не знает» (Мф. 24, 36). Но какие знамения предшествуют этому божественному событию, о том не говорится. На сегодняшний день нет более острой темы, чем проблема Апокалипсиса. К нему прикован интерес всего цивилизованного мира. Антихрист приходит накануне Страшного суда. Поэтому между явлением Антихриста и Страшного суда — неразрывная связь. Спаситель предупредил: «И так бодрствуйте потому, что не знаете, в который час Господь придет» (Мф. 24, 42).

Бодрствование — это очищение, ведь человечество погрязло в земных грехах. Бдением, молитвой верующий человек борется против соблазна. Задуматься об Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсиса) следует с надеждой на облегчение своих грехов. Тем более, что книга Апокалипсиса в популярной литературе часто пропагандируется лишь как уничтожение, а не высшее правосудие. Несмотря на глобальность предлагаемой катастрофы, книга освещает путь к грядущей жизни, указывает путь к спасению. Поэтому книга о конце вре-

мен является светлой книгой обновления человечества и его возвращения в божественный мир.

Испросив прощения у Господа и надеясь на снисходительность читателя, попытаюсь провести некий эксперимент — осмыслить нашу эпоху в жанре теологической публицистики. Тем более, что в Апокалипсисе подчеркивается, что Антихрист — это историческая, реальная личность, а не отвлеченный символ. Поэтому интерес к распознаванию этого антибога не прекращается с первого столетия до сегодняшних дней.

Накладывая маску Антихриста на все исторические лица, начиная с Нерона и по сей день, мы склонны думать, что больше всех она подходит Ленину и его напарнику Сталину. Напомним, что Антихрист не просто богохульник, а историческое лицо, приобретшее громадную государственную силу, враг Бога, религии, в особенности Христа. Он, убежденный атеист, заставляет людей, народы поклоняться ему, а не Господу Богу. Антихрист, ненавистник Христа, старается использовать его маску, т. е. самый ярый враг Бога заимствует многое от божеской маски. Так что, между Христом и Антихристом должно быть и некоторое сходство, но — с отрицательным знаком.

Читатель Апокалипсиса хорошо знает, что символы, обозначающие зверей, отнюдь не означают животных, они суть исторические личности, представляющие Антихриста. Поэтому пусть не удивляется и читатель этих строк, когда под этими символами мы воспринимаем образы Ленина и Сталина. Так что, первый зверь — Ленин, второй — Сталин.

1. Первый зверь — Антихрист — выходит из моря, второй — из земли. «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя...» «Мефодий, Ипполит и другие настоящего зверя считают за самого Антихриста» (Ап. Кесарийский, 13.1). Из моря, как из сатанинской бездны, приходит первый зверь. «Как первый зверь из моря есть личность Антихриста, — человека греха, царя последнего времени, так точно и второй зверь из земли есть также личность, хотя отличная от Антихриста, но тесно связанная с ним как по времени, так и по цели и деятельности. Вторым зверем будет лжепророком в широком смысле этого слова, именно как провозвестник пред людьми воли Антихриста, пришедшего по действию и воле дьявола» (Лопухин, комм. Откр. 13,6—10).

Если второй зверь связан с Антихристом «по цели», то можно предположить, что Антихрист Ленин, как атеист, будет связан с атеистом Сталиным — богохульником. Поэтому он,

второй зверь, может быть «лжепророком в широком смысле». В узком смысле лжепророк приходит не как атеист. Наоборот, он претендует на роль мессии, пророка. У него крест на груди, но творит он более мерзкие дела, чем «искренний атеист». Поэтому Сталин не лжепророк в прямом смысле слова, а напарник Антихриста. Он назван драконом и лжепророком в широком смысле.

2. Как у Христа есть свой предтеча — Иоанн Креститель, так и у Антихриста должен быть свой оруженосец. Предтеча не обязательно должен быть по возрасту старше него. Второй зверь — дракон (Сталин) дал первому зверю (Ленину) «силу свою, и престол свой, и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13,2—5).

Если хорошо задуматься над историей, то период параллельной власти Ленина и Сталина, особенно после ранения Ленина, когда Сталин возвеличивал его и сам добивался огромной власти, когда заставлял народы поклоняться вождю, напоминает эпизод из Апокалипсиса. Напарники Антихриста, как и Христос, имеют много прозвищ. Они пользуются псевдонимами, дарят друг другу прозвища-эпитеты.

3. Ранение вождя.

«...Одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела» (Откр. 13,2). «По широко распространенному толкованию, рана, которую получила одна из голов, это рана, нанесенная одному из императоров» (отец Александр Мень). Вполне возможно так представить эту символику. Ленин был ранен 30-го августа 1918 года, в 1922 году он тяжело болел. Фактически, как говорят, он работал только два месяца. Известно, что его последним выступлением была речь 20 ноября на пленуме Моссовета. Хорошо известно и то, что по теологии (не по каббалистике), библейское число не претендует на математическую точность датировки явления. Оно зачастую имеет приблизительное значение.

После Октябрьской революции официальным диктатором-правителем Ленин является с ноября 1917 по 1922 год. Однако после ранения, в 1918 г., несмотря на выздоровление («рана исцелела»), он вместе со вторым зверем управляет страной. Его практическое руководство страной длится приблизительно 42 месяца. Во всяком случае, расхождение во

времени не очень большое. «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13,5).

Из всех императоров, известных в истории, Ленин был единственным атеистом-богохульником. Нерон и Домициан были верующими, язычниками. Такого теоретизированного атеиста, как Ленин, нет. Он ненавидит религию, более всего Иисуса Христа. Так что, в прямом смысле антибог, Антихрист Ленин беспримерен. В гонении христиан с ним никто не может сравниться, никто — ни Нерон, ни Домициан, ни Диоклетиан.

4. В период господства диктатора-антихриста, в промежутке («42 месяца»), в 1922 году было написано секретное письмо на имя Молотова в Политбюро. Вождь мирового пролетариата, Антихрист, неумолим к духовенству, служителям Христа: «...Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а из Москвы и нескольких других духовных патронов». Ленин с некоторыми видоизменениями повторяет слова первого зверя Антихриста: «И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13,6—7). И Ленин, первый зверь, победил их: по сведениям известного русского писателя Вл. Солоухина за время, когда у руля власти стоял Ленин, погибло 15—17 миллионов людей, из 360 тысяч священнослужителей 320 т. уничтожено. Так что ни один из претендентов на место Антихриста не может сразиться с ним, с первым зверем, который черносотенцами называет священнослужителей церкви. Чем чище священнослужители, тем грязнее говорит о них Антихрист. «Горный орел», «пламенный колхидец» — так поменялись прозвищами первый и второй зверь. Вспомните, как после ранения второй зверь боготворит первого зверя. Второй зверь «действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела» (Откр. 13, 12). Первый зверь, как живой, остается духовным вождем, его даже не хоронят. «Ленин жив», «Ленин с нами» — эти ло-

зунги, песни и призывы возведены в ранг религиозной веры. Второй зверь «творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми». Помните, испытание первой атомной бомбы в СССР было воспринято как гениальная заслуга Сталина.

5. После смерти Ленина его культ принимает активно-воздействующий характер. Вся страна наводняется его скульптурами, картинами, изображениями и т. д. Второй зверь, Сталин, «обольщает живущих на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив» (1, 14). Молодежь носит на груди пионерские, комсомольские значки с изображением Ленина, граждане произносят его имя с боязнью и подобострастием. Кто ему не поклонялся, «убиваем был всякий». В мавзолее с благоговением обходят тело «живого» Ленина. Театры, кинематограф животворяют его, «чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13,15)... Изображение Ленина принимает, как вечное клеймо, «начертание», как символ его животворящей силы. Вся документация, ордена и медали, комсомольские и пионерские значки, мандаты и т. д. схожи с «начертанием». Деньги, средство социального существования, «украшаются» изображением первого зверя, Ленина. «...И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам -- положено будет начертание на правую руку их или на чело их, что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание» (Откр. 13, 16—17).

Единственно ценная вещь, на которую смотрят с возмущением и с большим желанием и на которой изображен первый зверь Ленин, — это деньги. «Иудеи с возмущением смотрели на монеты, на которых был портрет императора, это считалось кощунством, а ведь без этих монет они не могли ничего купить. Динарий Кесаря — ходовая монета, отсюда и начинается этот сбраз: нельзя ни купить, ни продать без того, чтобы не взять в руки эту гадость» (отец Александр Мень, 13, 16—17).

6. Культурные украшения. Государственная эмблема антихристового государства — серп и молот. Серп символ крестьянского труда, молот — рабочего класса. Они по сути символы мирного сосуществования крестьянства и рабочего класса. Серп не простой символ из Откровения. «Серп (острый) указывает на кончину мира, которую и Господь называет жатвою» (Ап. Кес.). Серп — суровый символ, однако со свет-

лым содержанием. Сложнейший символ, он в руке Спасителя.

«Жатва есть кончина века, а жнецы суть ангелы» (Мф. XIII, 39). Так что жатва с серпом происходит после Антихриста, это уже процесс самого суда. Серп — орудие справедливости, гнев над грешными и отделение от них праведных. Апокалиптическая жатва это не только уничтожение грешных, но и собрание верных. Серп срезает колосья, но и собирает верных. Это происходит перед окончательным приговором после Страшного суда.

Возвратимся к культовым изображениям эпохи Антихриста. Как уже отмечалось, столь неугасимое стремление культового оформления выражения силы первого зверя имеет цель — утвердиться как зло в сознании людей и народов. Ложь как правда, зло как добро, бессмыслица как мысль. Поэтому, «чем ночь темней, тем ярче звезды» — эта двулика поговорка имеет следующий смысл: власть тьмы означает лишь темное коллективное сознание. Это страшная стихия, подобно стихии природы (когда природа нарушает божественный порядок), это стихия Антихриста. Активность безумия против добра и разума. Этим целям служит идолопоклонничество. Поэтому Ленин считает идола, статуи, рисунки, плакаты, примитивное и чудовищно-безнравственное искусство орудием утверждения всеобщей пролетаризации мышления. Искусство при цензурной диктатуре стоит на службе затмения сознания и возбуждения народных масс. Массы требуют уничтожить композитора, кинорежиссера, ученого. Массы «решают» сложные проблемы юриспруденции — путем уничтожения добра и справедливости. Но ужасен конец сонма, сатанинского собрания. Лжепророк «из бездны в погибель идет».

Если божественный путь ведет к храму, к истине, путь Антихриста ведет к пропасти, опираясь только на ложь. Ложь не эпизод, а основа разрушительного действия Антихриста и лжепророков. Стыд и совесть полностью изъяты из сознания. Вместо любви — ненависть, вместо божественного единения — сатанинский раскол. «Разве я сторож брату моему?» — убив брата, солгал Каин. Каиновой печатью отмечена вся деятельность Антихриста, лжепророков.

Последовательно атеистическая, коммунистическая идеология не признавала существования Бога. А фашизм можно отнести к области лжепророка. Они выросли из одного дерева — Антихриста. Обман, ложь с использованием всех видов искусства и средств массовой информации занимаются волшебством: «Рассказывают, что бесы по волшебству нередко говори-

ли посредством изображений, статуй, деревьев, вод и пр. может быть, даже через тела умерших, как показывал Симон Волхв перед римлянами в присутствии апостола Петра, который облегчил обман его... Поэтому нет ничего странного и в том, что предтеча и оруженосец Антихриста при помощи демонов, сделав изображение зверя, ложно покажет его говорящим, прикажет избивать всех непоклоняющихся ему...» (Ап. Кес. 13, 14). Сталин создавал иллюзию бессмертия Ленина. «Ленин жив, Ленин будет жить». Сооружение мавзолея было задумано им. Сталин распространял ленинскую «печать везде и на купле и в продаже» (Ап. Кес. 13, 14—17). Не случайно деньги (на купле и в продаже) украшены изображениями Ленина.

7. Для похорон Антихриста нет земли. Но, увы, атеисты не хотят расстаться с любимым идолом, Антихристом, не хотят предать его земле. Тела Ленина и Сталина помещают в мавзолею. Как будто в знак их бессмертия, но для верующего это адская мука. Они не удостоились Богом освященной земли. И судьба их телесного бытия еще не решена. Особенно трудно с Лениным. Тело его собираются вынести из мавзолея, может быть, отправят в Санкт-Петербург? Не принимает его тело святая земля Руси. Вспоминается сцена из фильма «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. После похорон Варлама Аравидзе, диктатора, в собирательный образ которого вместились все диктаторы XX века, и Ленин и Сталин, его сын в ужасе выкапывает из могилы труп родного отца и сбрасывает его в пропасть на обглодание воронам. Это самое страшное для верующего, это «вторая смерть», преисподняя. Земля отказалась принять в свое лоно кости Антихриста. Его ждет геенна огненная, адские муки.

Сталин сумел предсказать свою посмертную судьбу: «Вот я умру, и вы будете грызться между собой за власть, за допущенные ошибки и промахи, ратовать за переоценку всего, что было сделано. Все грехи будете сваливать на меня и выбросите на свалку. Но история все поставит на свои места» (И. Сталин).

Сталин правильно предугадал — его вынесли из мавзолея и похоронили у кремлевской стены. Черное, антихристово действие дало о себе знать. «Империя зла», как колосс на глиняных ногах, рухнула, однако не дай Бог попасть под ее обломки. Тогда не выстоят ни большие, ни малые народы. Развязать бесчисленные тугие узлы мирным путем, простыми человеческими усилиями невозможно. Разрубить, как гордиев узел, также невозможно. Если Бог внимлет мольбе всех на-

родов, мы спасены, ведь впереди нас ждут сложные испытания. Не дай Бог, повторится Вавилон!

Сталин правильно сказал: «История все поставит на свои места». Не знаем, на что надеялась пара Антихристов. Однако, отдавая должное, следует сказать, что Сталин по отношению к церкви то ли проявлял некоторую терпимость, то ли его сдерживала внутренняя боязнь. Известен факт его встречи с патриархом Всея Руси перед началом второй мировой войны. Во всяком случае, как известно, при нем несколько смягчились гонения на церковь, начатые Лениным и возобновившиеся во время Хрущева, когда закрывались одна за другой многие епархии и духовные училища. Следует вспомнить и о гегелевском философско-юмористическом назидании при оценке исторических ценностей: «Какой школьный учитель не доказывал, что Александр Великий и Юлий Цезарь руководствовались страстями и поэтому были безнравственными людьми. Отсюда прямо вытекает, что у него нет таких страстей, и он подтверждает это тем, что он не завоевывает Азии, не побеждает Дария и Пирра, но, конечно, сам хорошо живет и дает жить другим (Гегель. Философия истории. 1935 г., стр. 31).

8. О скверном имени Антихриста. В священной книге, собственно в Апокалипсисе, не указывается скверное имя Антихриста. Но дается загадка — по числам определить буквы, из которых будет состоять имя Антихриста: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число это шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13, 18). Много имен было испробовано, например, 300 3 10 300 1 50 = 666 ТЕИТАН (греч. титан или солнце). Но такого антихристатитана мы не знаем. Начиная со святого Иринея, — II век, никто не остался равнодушным к этому вопросу, однако все приходило к выводу, что таким путем невозможно узнать имя Антихриста: «Очень много вероятности заключить, что грядущий (Антихрист) может быть будет называться Титаном. Я, однако, не решусь утвердительно объявить это за имя Антихриста» (Соч. святого Иринея, книга пятая, г. XXX, 3). После написания этих строк прошло 18 столетий. А слова святого Иринея звучат как если бы были бы сказаны сегодня. Не угасал интерес к раскрытию личности Антихриста и потому, что он приходит и уходит как последнее царство тирании, он приходит накануне второго пришествия — в апокалиптический век. «В исполнении желания узнать имя Антихриста нужно начинать не с его имени, но с других его признаков, указанных в Священном писании, и имя Антихриста, дающее число 666,

нужно придать только тому (Антихристу) лицу, к которому будут приложены все другие признаки» (Лопухин. Откр. XIII, 18).

Не теряя своего человеческого имени (Иисуса), бог Христос имеет и многоэпитетные имена; ему придают особую символику: Мессия, Агнец Божий, Давид, Сын Божий, Сын человеческий, Слово Божие, Господь. Владимир Ильич отказался от своей фамилии Ульянов и стал Лениным. Пользовался также псевдонимами В. Ильин, К. Тулин, Карпов и др. «Второй зверь» тоже меняет свою фамилию. Джугашвили становится Сталиным. Он также пользовался псевдонимами: Сосело, Коба.

9. Мать Антихриста, как предполагалось, должна быть иудейкой, как Матерь Божия. Мать Ленина иудейка. Нетрудно вспомнить и ее имя — Мария Бланк. Имя матери Антихриста — имя Богоматери. Впечатляющий факт!

Явление Антихриста следует делить на две стадии: явление Антихриста-атеиста и явление лжепророков. Первый приходит как открытый враг Бога, второй — от имени Бога. В четвероглавии слово «Антихрист» не упоминается, оно не произносится устами Христа. Христос неумолим по отношению к лжепророкам, которые приходят под его именем: «...ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят» (Мф. 24, 5). Термин «Антихрист» встречается только в посланиях Иоанна: «Дети! Последнее время. И как вы слышали, что придет Антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (I Ин. 2, 18). Или следующее высказывание «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это Антихрист, отвергающий Отца и Сына» (I Ин. 2, 22). Необходимо отмежевать друг от друга богоотвергающего сатану от сатаны богоподражающего, Последний является обольстителем. Эту категорию Апостол Иоанн называет Антихристом. Но в это значение Антихриста вкладывается то самое содержание, которое названо Христом лжепророком. В «Откровении Иоанна Богослова» (в Апокалипсисе) Антихрист означает более конкретное историческое лицо.

Представьте себе, Христу больше неприятны лжепророки, чем прямые противники. Внешний враг направляет кинжал в прудь противника, а братоубийца — в спину. Лжехристы, лжепророки — самое страшное проявление человеческой низости. Поэтому самый суровый гнев, по Новому Завету, приходится на этих льстецов, Ленин и Сталин искренние атеисты, но после них приходят не атеисты, а лжехристы, лжепророки, которые претендуют на роль богоприсланных. У них крест

на груди, они напоказ ставят свечи, крестятся, молятся и кроважно пьют кровь своих собратьев. «Кровь, кровь надо проливать»... Это страшное увлечение, почерпнутое из фашистского опыта, является самым богопротивным явлением, для них уготована геенна, преисподняя: «И Гитлер искал образы в прошлом, в германской мифологии, хотел научить людей поклоняться некоторым демоническим силам, существам, которым он приносил человеческие жертвы, и считал, что совершаемые им убийства — это вовсе не политическая акция, а акция литургическая, это совершение некоторого священнодействия, жертвоприношение высшим богам» (отец Александр Мень, комм., Откр. 13,3—4).

Проявление таких страстей воочию демонстрируется в нынешней Грузии. Здесь торжество сонмища сатаны. В открытую проклинаются и преследуются нравственность, культура.

10. Гог и Магог. Гнев Бога на свой избранный народ — гнев отца на сына. В качестве орудия наказания Бог насылет на свой народ карателей не только из собственного народа, но и чужеземцев. «Это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою пред глазами их» (Иезек. 38, 16).

Гог и Магог — страшные слова. По одной версии Гог строжайший властелин, Магог — земля или народ Гога: «И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов...» (Иезек. 39,6).

Существует много версий поисков исторического Антихриста, а также много высказываний, предположений, гипотез, — откуда произошли Гог и Магог. Прототипом этого страшного властелина, присланного Богом для наказания своего народа, иногда предполагают царя сирийского Епифана Антиоха, думая также, что он происходит из северной Азии, Скифии, Персии и т. д. Есть не менее интересное соображение: «Бохарт помещал Гога в окрестности Кавказа, производя от еврейского слова Гога-шазан... т. е. крепость Гога. Он же высказывает странное мнение, будто Прометей, прикованный Юпитером к Кавказу, был ни кто другой, как Гог...» (Апостолы. Очерки жизни и учения святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, соч. Федора Яковлева, М., 1960 г., стр. 416).

У ученых нередко наблюдается маниакальное стремление ввести в свою культуру самые громкие исторические имена или достопримечательности. Спор о происхождении Гога и Магога далеко не спор между семью городами, борющимися за

присвоение звания родины Гомера. Притом у Грузии нет ^{на-}добности обрести еще одно страшилище. Нас интересует Гог и Магог как архетип Антихриста.

Если Гог и Магог — представители маленькой нации, ^{ТОГОТ} то от них страдает их родная нация, унаследовавшая ненависть к ним от других народов. Как будто огромное дерево всасывает в себя весь сок национальной энергии, направляя ее вовне. Если Сатана сотворил мировое зло, при чем тут его соотечественники, при чем народ? Волей-неволей происходит неосознанное обобщение — приписывание национальному характеру и народу черт антигуманности, античеловечности, антидемократичности. По природе своей ни одна нация не является злой. Каждый народ от Бога и заслуживает уважения. От сталинской картины «Падение Берлина» до шеварднадзевского падения берлинской стены — всемирное историческое поле борьбы между тиранией и демократией, антигуманизмом и гуманизмом.

11. От библейской конфедерации до сегодняшней. Первую конфедерацию из двенадцати колен создал Моисей на прочной основе, на основе божественных законов. Нынешний Союзный договор 1991 года, который должны подписать двенадцать оставшихся республик, тянется год с лишним, и видимо, окажется камнем преткновения. Прочно и вечно все, что от Бога, а народ, вышедший из пещеры безбожия, не может сдерживать свою волю. Каждый народ тянет к себе, думая, что ему должно достаться больше. А Моисей скрепил союз от Бога: «И подписал Моисей все слова Господни и, встав рано по утру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен израилевых» (Исх, 24, 4). Дальше «И взял Моисей кровь и окропил народ, говоря: вот кровь завета, которым Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исх. 24, 8).

Есть ли что-нибудь общее, хотя бы на основе веры между двенадцатью коленами Израиля и двенадцатью республиками бывшего Советского Союза, оставшимися в предлагаемом обновленном союзе? Совпадение чисел, наверное, случайное, не случайна трудность соединения народов. Империя, которая 70 лет держалась на насилии, вдруг проснулась от дурного сна. Без головы нет тела государства. Искусство методического разделения не менее трудно, чем искусство формирования. Не легко было связывать двенадцать колен: «Сами роды в свою очередь группируются в колена — основные политические единицы, и первой формой, которую принимает организованная нация, является конфедерация 12-ти колен, связанных между

собой договором С.—Завета» (Словарь Библейского Богословия, изд. Жизнь с Богом, Брюссель, 1974 г.). Договор Союза — Завета скрепил израильское государство: над ним установилась централизованная монархия, однако, не упразднившая их (2 Цар. 2. 4, 5, 3). Так что после крушения монархического здания, когда нация оказалась рассеянной по миру, и вдали от идеалов иудеев, стремившихся к ее восстановлению, осталась конфедерация колен (Иез. 48. Там же, указ. словарь).

Единство однородных единиц — это не гармония. Гармония — единство разнородных. Чем должны окропить новый союз? Есть в нем Божий огонек?

Число 12 — богоугодное число, однако нет общего духа, нет божественного благословения. Поэтому ближайшее будущее больше ассоциируется с символикой Вавилона, чем с Новым Иерусалимом. Опасность катастрофы велика. А может быть, страх углубит нашу веру и привязанность к Богу, от молитвенной просьбы — дать нам счастье земное — усилится чувство покаяния, взаимопрощения, взаимотерпения?!

Руководители двенадцати республик с гордостью расходятся, желая показать, что они вырвали у империи взлелеянную независимость. Однако это не совсем так. Бог разделил государство, а исполнители разделения молчат и ждут наказания после очередного путча. Бесконтрольный распад империи произведет такие взрывы, под обломками которых никому не будет легко. Это чувствуют все. Обращенный к Москве, развоенный, колеблющийся взор приближает реальность мировой катастрофы. Почти две тысячи лет назад примерно так вырисовывалась эта картина столицы антихристианского государства: «Прежде всего восплачут цари, правители отдельных провинций и государств, составлявших единое антихристианское царство. Для них особенно чувствительно будет опустошение столичного города. Но они только издали будут наблюдать за казнью и не осмелятся прийти на помощь и предотвратить гибель и только будут восклицать: горе, горе!» (Лопухин, комм. к Откр. 18, 15—16).

Теологам, философам не хочется приводить в отчаяние читателя, а также настраивать себя и других на страусинный комплекс. Но не надо бояться, надо размышлять, нечего скрывать. Есть многие знамения апокалиптической картины. Однако, как убеждают теологи, библейское измерение времени надо понимать по-иному: «Скоро», «Близок конец»... такие слова на божественном секундомере могут означать миллионы лет. Так что безгранична милость Господня. «...Упала с неба

большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь, и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. VIII, 10—11). Известно, что полынь—это «чернобыль, чернобыльник» (см. В. Даль), «артемизия»—общее наименование разновидностей полыни и чернобыльника (см. Латинско-русский словарь, М., 1986 г.). Полынь—название растения и звезды—чернобыль. Чернобыльская катастрофа 1986 года, думается, почти апокалиптическая реализация предсказанного. Можно спорить, утверждать или убеждать, что это все случайное сходство. Очевидцы, свидетели этого мирового события, осмысливают его как апокалиптическое явление. Лопухин так прокомментировал действие полыни (Откр. VIII, 11): «Несомненно, все это очень трудно представимо для нас и для нашего времени, так как ничего подобного мы не наблюдаем в нашей современной жизни. Но отсюда не следует, чтобы нужно было отказаться от буквального понимания этой казни. Это событие будущего времени». Комментарий сделан почти век назад. Для Лопухина это было событием будущего времени.

Человечество не раз поднимало панику о грядущем Страшном суде. Тогда еще не было той глобальной технической системы, которая нам представляется основой наших бедствий. Однако техника—средство для наказания, а не первопричина. Причиной всегда была безнравственность, отступничество от Бога. Для свершения Божьей воли, для наказания и в природе немало средств. Видимо, нет предела странности истории. Как будто случайное следует за случайным. Но какой удивительный сценарий составлен, с какой точностью предсказана будущая история! Давайте еще раз вспомним известные слова из Евангелия, как реально предстает перед нами современность. На вопрос учеников, каким предвидится Ему конец времен, «...какой признак Твоего пришествия и кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это—начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и

возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 3—13). В советском «Вавилоне» никого не удивишь ожиданием суда. Однако, если сопоставляешь события с каждым словом, с каждой строкой Священного Писания, то нигде не найти более адекватную реальность, чем в Грузии. Кажется, у нас преддверие Страшного суда, торжество лжепророков происходит таким образом, будто бы грузинская жизнь точная реализация вышеприведенных евангельских слов. Я воздержусь от дальнейших суровых картин свершения суда. Забыть об этом, закрыть глаза, не читать Евангелие, Апокалипсис и спать спокойно? Разумеется, мы не собираемся излишне будоражить человека. Инстинкт сохранения жизни дан от Бога. Ну и что же, не надо вздрагивать каждый раз и терять душевное равновесие. Перед Страшным судом, «...как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех — так будет и пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 38).

12. Новый Иерусалим. Страшный суд — это высший общечеловеческий суд, а не безрассудство. Страшный суд жесток для той общественной морали, которая основана на лжи, для земного эгоистического благополучия. Люди веками вырабатывали общеприемлемые принципы жизненных норм, забывая более чистые и глубокие принципы, завещанные Богом. Бог стал ритуальным украшением. Но к чему молиться Богу и творить зло? Трагедия в том, что «большинство» не отличается честностью. Лишь единицы живут так, как говорят. А ведь для этого достаточно как будто очень малого: не требовать больше, чем заслуживаешь, любить Бога, человека, жить с чистой душой. Но «большинство» живет по принципам сиюсекундной выгоды, а не по канонам нравственности. Безнравственность накопилась в мировом масштабе. А где спасение, откуда пробьется луч надежды?

Самое большое несчастье — это национально-эгоистическое стремление народов к обособлению и противостоянию, вызванное неподготовленным, неметодологическим отношением к ходу общественного процесса. Единственная надежда — Божья милость и всепрощение. Уповаем только на Бога.

Самый великий грузин — царь Давид Строитель (1073—1125), глубоковерующий христианин, заходил и в мечеть, и в синагогу — одаривал священнослужителей разных конфессий, представителей разных национальностей, с глубоким почтением

относился ко всем религиям и ко всем народам. Царь и поэт
в своем произведении «Покаянный канон» писал:

Когда в день Страшного суда
Книга раскроется,
И я, коленопреклоненный,
Предстану пред тобой для осуждения,
И ты, Владыка,
будешь вершить свой высший суд,
Когда восстанет гнев ангелов Твоих
И праведные будут блаженствовать,
А грешники — в огонь будут ввергнуты,
Тогда помилуй меня,
О, Иисусе мой!

Книга Апокалипсиса — самая загадочная книга человечества. Но она ниспослана Богом через посредство пророка Иоанна Богослова. Ангел-посредник, явившись к Иоанну Богослову от Иисуса Христа, сказал ему: «...не запечатывай слов пророчества книги сей: ибо время близко» (Откр. 10, 10). Люди должны услышать глубочайшую божественную, сокровенную тайну, «...блажен соблюдающий слова пророчества книги сей» (Откр. 10.7). Однако в Откровении есть и другие слова, предостерегающие от искажения книги Апокалипсиса. Это касается, наверное, тех, которые претендуют на роль пророка, подгоняя истину к своим интересам. Мы попытались с верой вникнуть в суть сокровенной истины для самоочищения, предостережения от лжи. Попытка заглянуть в глубь текущей бурной жизни с позиций высшей премудрости книги Апокалипсиса, думается, простительна, поскольку наша озабоченность достигла крайней точки. Никто, никакой политический деятель, никакая политическая концепция не успокоят трепещущую душу современного человека без веры и без помощи Бога. К кому обратиться, от кого услышим верное объяснение и кто укажет путь к жизни? Книга пророчества Апокалипсиса — светоч жизни. Несмотря на суровую картину Страшного суда, книга открывает вам истинную дорогу в жизнь, Его высшее правосудие, очищающее все человечество. Она суть обновления, а не уничтожения. Книга по праву считается мостом между Ветхим и Новым Заветом, библейским мостом любви всего человечества, «чтобы воздать каждому по делам своим» (Откр. 21, 12).

Тамаз НАТРОШВИЛИ

„Я НАЗВАЛ ЕЕ РОМИБЕРОЙ“

Известный грузинский деятель Георгий Мтацминдэли повествует в своем сочинении «Житие Иоанна и Эквтиме Афонских»: «Задумал отец наш, блаженнейший Иоанн, взяв сына своего и нескольких учеников, отправиться в Испанию... ибо слышал, будто живет там родственный грузинам народ».

Иоанн, которому надоели постоянные распри грузинских монахов в Афонском монастыре, собирался переселиться в Испанию, чтобы найти там «лучших грузин».

Как известно, древние греческие и римские географы и историки Пиренейский полуостров, населенный многочисленными иберийскими племенами, называли Иберией; но по тем же источникам Иберией была и Грузия. Европейская Иберия и азиатская Иберия — так различали античные авторы эти две страны, и народы, населяющие их, считались родственными.

После того, как римляне захватили Пиренейский полуостров и превратили его в римскую провинцию, произошло смешение коренного населения с захватчиками. Лишь баски сумели сохранить свою национальную самобытность и не растворились в других народах. Поэтому сегодня ученые настойчиво изучают этнографию и язык басков, чтобы выяснить, насколько соответствует действительности сведение, сквозь века пронесенное древними источниками, как необъяснимая загадка, чарующая своей таинственностью и полуполегендарным содержанием.

...В 1672 году Грузию посетил французский купец и путешественник Жан Шарден. Он присутствовал на устроенном во дворце царя Картли Вахтанга V пиршестве и оставил его

описание на страницах своей книги. Прощаясь с гостем, Вахтанг V спросил у Шардена, как поживает его родственник — король Испании, и поднял за его здоровье кубок, усыпанный драгоценными камнями. Шарден, видимо, был хорошо осведомлен о родственных связях между европейскими царскими дворами и, удивленный подобным вопросом, долго ломал голову, каким образом царь Картли приходится родственником королю Испании. Однако грузинский царь имел в виду родственную связь не между царями, но между двумя народами. Лишь позже Шарден вспомнил (или ему напомнили) свидетельства античных источников. Обосновавшиеся в Тбилиси миссионеры-католики сообщили французскому купцу, что в письме к царю Теймуразу папа римский назвал его родственником испанского короля, а иберийцев (т. е. грузин) и испанцев братьями.

Приблизительно десять лет спустя итальянский миссионер Диониджо Карли писал: «Грузинские вельможи говорят, что они происходят из Испании», и тут же отмечал, что Грузию, как и Испанию, называют Иберией.

В тогдашней Грузии, по-видимому, версия о родстве грузин и испанцев была весьма распространена, но почти забыта европейцами, ибо поиски далеких братьев отнюдь не являлись предметом их устремлений. Другое дело грузинские государственные деятели, которых постоянно заботили поиски покровителя и союзника среди христианских стран, и древнее предание о родстве с испанцами воодушевляло и вселяло надежду в маленькую страну, находящуюся в мусульманском окружении.

Будь на месте Шардена просвещенный итальянский путешественник Пьетро делла Вале, он нимало не удивился бы словам грузинского царя. Делла Вале отмечает, что, по словам Страбона, азиатская Иберия произошла из европейской Иберии, однако приводит и другое свидетельство — будто бы двинувшиеся из Азии иберийцы поселились на Пиренейском полуострове.

В письме из Ирана, датированном 1621 годом, делла Вале пишет о Шах-Аббасе и высказывает недовольство правителем сефевидского Ирана. Итальянский путешественник не считает его по-настоящему мужественной личностью. Кроме того, он подвергает сомнению утверждение миссионеров-католиков, будто Шах-Аббас втайне симпатизировал христианам и, что самое главное, его возмущение вызывала вероломная политика Шах-Аббаса по отношению к Грузии.

«Я почему-то очень люблю грузин, — писал Пьетро делла Вале, — не знаю, может, потому, что во мне течет иберийская кровь и я того же происхождения, что и они».

Корни рода Пьетро, как выясняется, — в Кантабрии. Кантабрия же представляла собой часть европейской Иберии. Кантабрийцы жили в Северной Испании, по соседству с сегодняшней Басконией. Именно в горах Кантабрии берет свое начало река Эбро, которую раньше называли Ибер. Кантабрийцы отличались суровостью и большой храбростью. Они бесстрашно сражались с римскими захватчиками. По свидетельству Страбона, во время войны с римлянами кантабрийские матери убивали своих детей, чтобы они не попали в плен и их не сделали рабами. Заслуживает внимания и тот факт, что Кантабрия была самой последней областью на Пиренейском полуострове, которую покорили римляне.

Пьетро делла Вале считался потомком этих славных кантабрийцев.

Вот кто должен был услышать тост грузинского царя — пылкий итальянский пилигрим, неутомимый искатель братьев по христианской вере, знаток античных источников, романтик и мечтатель, с удивительной убежденностью веривший, что придет время и на помощь угнетенным восточным христианам устремится из Европы волна новых крестоносцев... Почетный гость и хранитель тайн Шах-Аббаса, он выступал искренним заступником разоренной Грузии, объясняя свою горячую симпатию к грузинам иберийской кровью, которая текла в нем.

Имя Пьетро делла Вале органично связано с Грузией, хотя его нога никогда не ступала на ее землю. Он познакомился с грузинами в Иране, близко к сердцу принял их судьбу и сослужил бескорыстную службу стране, которую полюбил издали.

Пьетро делла Вале родился 11 апреля 1586 года в семье Помпео делла Вале и Джованны Альберини. Род делла Вале был одним из древних родов и особенно выдвинулся в первые ряды в XV веке. Естественно, Пьетро получил прекрасное образование, превосходно владел классическими языками, основательно изучил историю, географию и астрономию. Отдал дань и изящной словесности. В молодости писал стихи, позднее его захватила музыка, он прилично играл на разных инструментах и создал весьма значительный труд «Беседа о музыке нашего времени». Пьетро был наделен редкой памятью и светлым умом. По словам его биографа, из тех щедрот, которыми природа награждает человека, желая создать всесторонне раз-

виту ю личность, он получил все. Любовь к поэзии не мешала ему проявить себя и в военном деле, но в морском сражении с мусульманами (у берегов Туниса) оставшийся невредимым Пьетро был ранен «стрелой Амура» и оказался в тисках меланхолии. Он решил покинуть Рим, постоянно напоминая ему о неудавшемся любовном романе. Его друг Марио Скипано, профессор медицины, посоветовал ему отправиться в длительное путешествие, которое он считал лучшим средством для восстановления пошатнувшегося здоровья.

В одной из церквей Неаполя отслужили службу, чтобы путешествию Пьетро сопутствовала удача, были освящены его накидки и маленький золотой посох на цепочке. Весной 1614 года итальянский пилигрим направился в «святую землю».

Пьетро делла Вале посетил много стран, от Греции до Индии. Свои впечатления он описал в пятидесяти четырех письмах, посланных на имя Марио Скипано, которые впоследствии были опубликованы. Именно эта книга («Путешествия в Турцию, Персию и Индию») прославила итальянского путешественника на всю Европу.

Отмечают, что редко записки путешественника содержат в себе такое обилие интересных сведений. Перед читателем разворачивается история восточных стран, их география, политические события, нравы и обычаи народов. Прекрасно описаны моря и суша, города и села, реки и горы, праздники и развлечения, царские дворы и базары, торговля и религия, гражданские и военные законы, свадьбы и похороны, войны и т. д.

Являясь неисчерпаемым источником информации, записки Пьетро делла Вале служили своего рода руководством для будущих путешественников и археологов.

Современный английский ориенталист Лоуренс Локхарт считает сочинения делла Вале «неоценимым описанием Персии». По его мнению, среди бесчисленных описаний Ирана XVII века самыми значительными, без сомнения, являются труды Жана Шардена и Пьетро делла Вале.

Путешествуя, Пьетро приобретал множество восточных рукописей, которые впоследствии обогатили библиотеку Ватикана. Ему же принадлежат важнейшие филологические исследования. Делла Вале перевел на латынь арабскую и коптскую грамматику, составил словари (большинство этих трудов ныне утеряно). Он зарисовал клинопись в Персеполисе и познакомил Европу с первыми образцами древней иранской пись-

УДК 373.73
ББК 74.001.1

менности. Он первым из европейцев перевел персидскую книгу, в частности, историческое сочинение Иахья Казвини (XVI в.), которое впоследствии было переведено с итальянского на латинский язык и дважды публиковалось.

По отъезде из Италии Пьетро делла Вале, наверное, не предполагал, сколь знакомой и близкой за короткое время станет для него дотоле неизвестная Грузия, что персонажами его книги будут царица Кетэван, Георгий Саакадзе, Георгий Хуцеси, а грузинская девочка-сирота Тинатин, в бытность его в Иране взятая на воспитание и ласково прозванная Мариучей, выйдет за него замуж.

«...Грузины проявили себя и сейчас проявляют храбрыми воинами. Их родина, как я слышал от побывавших там, очень красива и, как говорят, очень похожа на самые прекрасные уголки нашей Ломбардии», — отмечал делла Вале в письме, датированном 1617 годом.

Особая симпатия Пьетро делла Вале к Грузии и грузинам, которой пронизана его книга, возможно, покажется читателю чрезмерной, и он отнесет ее за счет тенденциозности автора. Так, например, американский ученый Верэ Морин отмечает: «Итальянский путешественник Пьетро делла Вале тепло отзывался о грузинах, он восхищен их силой, глубиной христианской веры, образованностью и красотой. Хотя он, возможно, весьма пристрастный рассказчик ввиду грузинского происхождения его жены; у нас тем не менее нет оснований сомневаться в общей точности его описаний».

Критическое замечание американского ученого легко опровергнуть. Делла Вале не мог быть пристрастным рассказчиком ввиду грузинского происхождения жены по той простой причине, что его письма, в которых идет речь о Грузии и грузинах, написаны в 1617—1622 годах, во время его пребывания в Иране, грузинская женщина же, упоминающаяся в них как Тинатин, стала женой Пьетро делла Вале в 1629 году, после его возвращения на родину.

Таким образом, грузинское происхождение супруги Пьетро трудно связать с его наблюдениями и взглядами на грузин, но если допустить, что замечание американского ученого содержит в себе хоть крупицу истины и в книге делла Вале действительно чувствуется определенная пристрастность, чего мы, грузины, польщенные ею, почти не замечаем, подобная необъективность должна быть вызвана совершенно иными факторами.

В первую очередь, теми несчастьями, которые обруши-

лись на грузинский народ и современником которых, а в некоторых случаях и очевидцем, был итальянский путешественник и пилигрим.

В 1621 году, когда близился к завершению проект Шах-Аббаса по «омусульманиванию» Грузии или истреблению ее народа, что для того времени было весьма реально, делла Вале, вдохновленный рассказами о борьбе грузинского народа против кызылбашей, которые он услышал от грузин в Иране, разбавлял оптимистическими красками черный цвет, преобладавший в его письмах: «Что касается Грузии, я вспоминаю, что и в прежние времена случались подобные варварские нашествия, например, Тимурленга, которого мы зовем Тамерланом, и Грузия перенесла не меньше мучений и горя, а возможно и больше, чем сегодня, но грозный ураган пронесся, и отвоевавшая страна вновь восстала из пепла, не утратив своей христианской веры».

Сочувствие, вызванное трагической судьбой маленькой христианской страны, и восхищение ее упорным сопротивлением этой судьбе, по-видимому, и определяло вышеупомянутое пристрастие, которое бросается в глаза читателю при внимательном прочтении сочинения делла Вале.

Итальянский путешественник подчеркивает, что грузины до сих пор сохранили свою веру, хотя и окружены со всех сторон мусульманами. Оставшиеся лицом к лицу с агрессией между Ираном и Турцией, доведенные почти до отчаяния, они отчаянно защищались, а помощи ждать было неоткуда. Делла Вале не сомневается, что за это грузины заслуживают всяческой похвалы, более того, христианская церковь, считает он, обязана им за их мужество, проявленное в борьбе с мусульманскими агрессорами.

Надо отметить, что восторженно описывая борьбу грузин, делла Вале частично изменяет интересам своей конкретной деятельности, поскольку в то время это борьба велась против сефевидского Ирана, страны, которую итальянский путешественник считал решающей силой в своем проекте антитурецкой коалиции, да и вся Европа с надеждой взирала на Иран Шах-Аббаса, переживавший в первой четверти XVII века период расцвета, ибо он должен был более широко развернуть восточный фронт (в союзничестве с казаками и грузинами) против Турции и облегчить западным христианам длительную и напряженную войну с «блистательной Портой».

Не удивительно, что вошедший в кровь и плоть итальянского пилигрима дух христианской морали и человеколюбия

пересиливал идущие от ума весьма соблазнительные, но переходящие политические расчеты.

Множество похвальных слов в адрес грузин в книге делла Вале, вероятно, вызвано и тем, что автор был свидетелем одного из героических периодов в истории Грузии, когда в борьбе за сохранение, спасение своей самобытности, они проявляли редкое мужество и самоотверженность. Да, к счастью его, да и к нашему, делла Вале застал, как сказал бы Стефан Цвейг, «звездный час» жизни Грузии.

В сочинении делла Вале встречаются, однако, не только «сердечные», но и обидные для грузин слова, ибо его любовь к Грузии и грузинам была отнюдь не слепой любовью, которая не видит или не хочет видеть недостатки и любит лишь созерцанием прекрасного.

Внимательное прочтение записок делла Вале легко убеждает, что итальянский путешественник вряд ли смотрел на окружающее сквозь розовые очки. Он видел и хорошее и плохое.

Так, например, делла Вале прекрасно знает, что борьба грузинского народа против захватчиков и общие интересы защиты отечества не могли стереть существовавших в Грузии социальных противоречий. Рассуждая о господствовавшей в странах Востока тирании, итальянский путешественник отмечает, что среди грузин «угнетение бедняков столь безгранично, что они уже не являются хозяевами ни своего имущества, ни своего достоинства, ни собственной жизни. Благородные и знатные, которых грузины называют азнаурами, отнимают у своих подчиненных, когда им вздумается, имущество, семью и очень часто жизнь».

Или вспомним, что писал делла Вале, делая прогноз о возможных беспорядках в Иране после смерти Шах-Аббаса: «Я сомневаюсь в единодушии грузин, так как мне известна их ветренность».

Какая строгая оценка! Разумеется, можно категорически отместить это суждение итальянского путешественника, счесть его поверхностным, рьяно доказывать обратное, но здесь затронут другой вопрос, и ответ звучит вполне убедительно. Думаю, было бы несправедливо обвинять автора подобной характеристики в необъективности к грузинам.

В беспочвенности вышеупомянутых сомнений убеждают и некоторые материалы из книги делла Вале. Вспомним хотя бы сто рассказ о волнующих приключениях Великого Моурави после его вынужденного бегства в Иран (у нас эта информа-

ция, ввиду понятных причин, вызвала лишь недоверие и была проигнорирована). Именно делла Вале сообщает в подробностях, как молодой и неопытный Теймураз I, поверив клевете состряпанной Шах-Аббасом, обрек на смерть выдающегося полководца Кахетинского царства (Кайхосро Чолокашвили). Вспомним описание первого похода того же Шах-Аббаса в Грузию, когда армию кызылбашей возглавляли некоторые грузинские князья, ожидающие многих благ от «милостивого» Шах-Аббаса, но впоследствии обманутые в своих надеждах и сожалеющие о своей ошибке (если это можно назвать «ошибкой»).

Таким образом, нет необходимости анализировать приведенные примеры, мы упомянули о них с одной-единственной целью — еще раз убедиться, что делла Вале не был пристрастным по отношению к грузинам автором.

По возвращении на родину итальянский путешественник собрал разбросанный по его письмам материал о Грузии и грузинах, дополнив его сведениями, не перенесенными на бумагу во время своего путешествия, и в апреле 1626 года преподнес папе римскому свой рукописный труд «Информация о Грузии».

В записках итальянского путешественника представлен богатый и интересный материал из истории Грузии первой четверти XVII века. Освещены перипетии сложных и напряженных взаимоотношений Ирана и Грузии. Несмотря на то, что делла Вале не был в Грузии, его свидетельства о происходящих там политических событиях, истории и этнографии страны, полученные им от грузин, проживавших в Иране, по своему значению и объективности не уступают свидетельствам других европейских путешественников, посетивших Грузию. Его свидетельства ценны и потому, что автор — современник описываемых событий.

Именно поэтому в исторической памяти грузинского читателя делла Вале принадлежит почетное место. Не случайно из трудов европейских авторов, одной из первых, если не ошибаюсь, была переведена на грузинский и опубликована именно «Информация о Грузии» (журн. «Иверия», 1879 г., № 3). После этого свидетельства делла Вале часто приводились при обсуждении различных вопросов из истории Грузии XVII века.

Пьетро делла Вале сумел четко и красочно охарактеризовать в своем труде политическое положение современной ему Грузии, основные моменты борьбы грузинского народа

против мусульманской агрессии и отдать должное тем грузинским деятелям, которые стали выразителями духовного настроения и устремлений борющегося за независимость христианского народа. С этой точки зрения весьма значительны сохранившиеся в сочинении делла Вале свидетельства о царице Кетэван, пленнице Ширази, которая духом своим являла символ нестигаемости Грузии, твердостью и преданностью христианской вере и отечеству вселяла надежду в сердца своих соотечественников.

Заслуживает внимания данный делла Вале портрет Теймураза I, на протяжении ряда лет самоотверженно боровшегося против господства сефевидского Ирана. Именно это неустанное сопротивление, которое не смогли сломить ни набеги кызылбашей на Грузию и разорение страны, ни трагическая судьба его близких и собственные несчастья, заставило сказать итальянского путешественника: «...Теймураз-хан, по отношению к которому, кроме религиозных интересов, не знаю какой таинственной силой околдованный, я испытываю необыкновенное расположение, хотя лично с ним не знаком».

В записках делла Вале встречаются лаконичные свидетельства о грузинском языке, национальном характере письма и религии. Автор знакомит читателя с правильной этимологией распространенного в Европе названия Грузии (Георгия) и тут же приводит ее грузинское название. Дается короткая справка о прежнем положении единого грузинского государства и разделении страны на отдельные княжества-царства. Интересен штрих социальной действительности тогдашней Грузии — в сфере ремесел и торговли широко представлены жившие в городах армяне и евреи. Ужасна картина переселения Шах-Аббасом грузин в Иран... Специального внимания заслуживают и этнографические наблюдения автора.

Так, например, делла Вале отмечает, что в Грузии было принято приглашать на похороны вельмож плакальщиц. Вот как описывает итальянский путешественник этот скорбный ритуал: «Дерут на себе волосы, рвут на себе одежду, потом распускают волосы, бьют себя в грудь и царапают лицо, и все это сопровождается скорбной песней. Они не только рыдают сами, но своими причитаниями заставляют плакать всех присутствующих».

Грузинская воспитательница Мариучи — Маринэ — была весьма искусной плакальщицей. Ее часто приглашали на похороны и щедро вознаграждали. Делла Вале отмечает, что

приглашение плакальщиц — древний обычай, сохранившийся и в некоторых уголках Италии (Сицилия, Калабрия).

В фантастических мечтах и не менее фантастических проектах итальянского путешественника Грузия играла значительную роль.

Рассказывая о разорении кызылбашами Грузии, делла Вале отмечает растущее недовольство продвинувшихся на иранской службе грузин политикой Шах-Аббаса в отношении Грузии, упрямо пытается представить возможные волнения в ближайшем будущем и пишет: «Разве невозможно, что в один прекрасный день грузины, христиане по своей сути и, следовательно, отличные от персов, сделают в Иране то же, что когда-то устроили мамлюки-мусульмане султанам мусульманского Каира» (имеется в виду свержение мамлюками в Египте известной династии Айюбидов в середине XIII века).

Эта мысль не казалась итальянскому путешественнику беспочвенной фантазией, ибо он хорошо видел, что в действительности грозного Шах-Аббаса никто не любил, хотя все вынуждены были беспрекословно подчиняться ему и исполнять его волю. Но ведь придет когда-нибудь день, когда властитель Ирана испустит дух, и кому будет под силу поддерживать этот кровавый режим? Делла Вале верил, что Теймураз I и находящиеся в Иране высокопоставленные грузины не упустят такого случая, осуществят переворот и, может, даже возьмут власть в свои руки, если смогут преодолеть взаимные разногласия.

Находясь в Иране, итальянский путешественник порой предавался и несбыточным мечтам, ему представлялся «новый Моисей», который должен был освободить из «египетского плена» угнетенный грузинский народ, или ждал появления «новых Готфридов» (имеется в виду предводитель первых крестоносцев Готфрид Бульонский), которые с запада протянут руку помощи восточным христианам.

Героическая борьба и стойкость грузинского народа, окруженного могущественными и ненасытными соседями, воспринималась итальянским путешественником как настоящее чудо. Он удивлялся тому, что католическая церковь, затрачивая огромные средства для проповедования христианской веры в других странах с целью приобщить к себе народы, долгое время находившиеся под властью неверных правителей, выпустила из виду грузин — народ, имеющий правителей-христиан древнейшего рода, войско и постоянно борющийся с врагом.

Итальянский путешественник представлял себе в мечтах

Грузию как связующее звено между Европой и Азией. По его мнению, при содействии грузин христианство могло обрести во всем восточном мире большое влияние, и папа римский, как общий друг Ирана и Грузии, сыграл бы роль посредника и арбитра в натянутых отношениях этих двух стран. Делла Вале считал необходимым в первую очередь послать в Грузию иезуитов-миссионеров, которые изучили бы грузинский язык и открыли здесь с целью распространения европейского просвещения колледжи.

Из своего длительного путешествия Пьетро вернулся в Рим 28 марта 1626 года и уже 19 апреля явился к папе римскому. Четвертого мая было принято решение основать в Грузии миссию театинцев. Двадцать восьмого июня театинцы-миссионеры отправились в Грузию.

Многосторонняя деятельность католиков-миссионеров в средневековой Грузии хорошо известна грузинскому читателю из книги М. Тамарашвили «История католичества в Грузии». Поиски и публикации новых материалов вокруг данного вопроса интенсивно продолжаются и сегодня.

История культурно-политических взаимоотношений между Грузией и Римской церковью вызывает интерес и у зарубежных исследователей. Об этом свидетельствует, в частности, труд итальянского ученого Франческо Андреу «Неопубликованная переписка Пьетро делла Вале с падре Авитабиле и театинцами-миссионерами в Грузии», который был напечатан в журнале «Регнум ден».

Франческо Андреу отмечает: «Истинный католик делла Вале не проходил мимо религиозных проблем в тех странах, в которых бывал. Особенно взволновала его несчастная судьба грузин, которые в тот период переживали решающий момент в своей многовековой истории.

Основанию в Грузии миссии театинцев во многом способствовало посредничество Пьетро делла Вале перед папой римским — оказание «духовной помощи» — далекой христианской стране».

В инструкции, переданной делла Вале отправлявшимся в Грузию миссионерам, среди прочего отмечалось, что они должны не только заботиться об успехах своей миссии, но и изучать местные нравы и обычаи, основные моменты политической и религиозной ситуации, систему правления, отношения с Ираном и Турцией. Особенно интересна та часть инструкции, где говорилось, что миссионеры не должны раздражать православных священников критикой их ритуалов, и всегда

выказывать им свое уважение и желание сотрудничать с ними.

Из публикации Фр. Андреу выясняется, что делла Вале был в близких отношениях с Никифорэ Ирбахом, посланным Теймуразом I в качестве посла в страны Западной Европы. Он в какой-то мере исправил небрежность находившегося в Ватикане посла Испании, который не счел нужным, ввиду субъективных мотивов, лично представить грузинского посла папе римскому. По словам делла Вале, Никифорэ Ирбах произвел на папу римского, кардиналов и всех остальных, с кем ему довелось общаться, наилучшее впечатление.

В 1630 году Пьетро делла Вале писал из Рима находящемуся в Грузии Пьетро Авитабиле: «Уверяю вас, я еще не сталкивался с восточным человеком, так хорошо и быстро воспринявшим наш образ жизни, европейские обычаи и наилучшим образом понявшим их суть».

Именно через Никифорэ Ирбаха делла Вале переслал свое письмо царю Теймуразу и письмо своей супруги царице.

В упомянутом письме к Авитабиле делла Вале пишет о заслуге Никифорэ Ирбаха в отлитии грузинского шрифта в римской типографии для печатания грузинских книг. Там же он извещает Пьетро Авитабиле об издании в Риме грузино-итальянского словаря и обещает выслать в Грузию отдельные его экземпляры с целью выяснения достоинств и недостатков и, по мере возможности, внесения поправок и увеличения объема. В этом же письме указаны причины столь несовершенного издания словаря.

В своем письме к театинцу-миссионеру Джузеппе Джудиче (10 июня 1630 г.) делла Вале напоминает, что тот точно, до мельчайших подробностей должен знакомить его со всеми событиями, происходящими в Грузии. Наряду с этим он должен был уточнить имена всех царей и вельмож, обратив особое внимание на точную транскрипцию, будь то имя той или иной личности или топоним.

Находящиеся в Грузии театинцы-миссионеры добросовестно выполняли поручения делла Вале и посылали ему информацию обо всех значительных событиях, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами.

Именно они оставили весьма заметный след в истории Грузии. На грузинский язык были переведены историко-этнографические труды театинцев (Арканджело Ламберти, Джузеппе Джудиче, Пьетро Авитабиле) о Грузии, издан альбом Христофоро Каstellи, представляющий для грузинского читателя уникальную ценность.

«...Желаю сообщить вам новость и верю, вы обрадуетесь. Сеньора Мария стала моей женой. Уже больше года, как мы обвенчались», — пишет Пьетро делла Вале в письме, датированном 18 мая 1630 года, посланном из Рима в Гори на имя префекта миссии театинцев в Грузии Пьетро Авитабиле.

Упомянутая в письме «сеньора Мария» — грузинка по имени Тинатин, с детства воспитывалась в семье Пьетро. Первая супруга Пьетро, сирийка Маани, дала маленькой грузинской девочке новое имя Мариам, наверное, в знак своего преклонения перед Богоматерью, и домашние ласково называли ее Мариучей.

Пьетро делла Вале объясняет свое решение жениться на Мариуче двумя обстоятельствами. Первое: в его роду мужчин, кроме него, не осталось, и требовался продолжатель рода. Но почему почетная миссия рождения наследника древнейшей фамилии делла Вале была возложена на «сеньору Марию»?

Стесняясь, видимо, выражать свои чувства в письме, сорокачетырехлетний Пьетро все же вынужден был скупой сказать о своей большой любви, заглушившей все колебания и предрассудки. Возможно, женитьба Пьетро на Мариуче, выросшей в его семье, покажется не совсем этичным поступком, но обязательно надо учесть тот факт, что именно первая жена завещала Пьетро перед смертью (1621 г.) заботиться о Мариуче, и принятое решение, наверное, было наилучшим способом выполнения ее завета.

Пьетро с определенной гордостью пишет, что «сеньора Мария» согласилась выйти за него, несмотря на то, что, по его собственному признанию, он был намного старше ее (приблизительно на двадцать лет), к тому же, как добавляет он, у нее хватает и других недостатков.

Надо думать, что для грузинской женщины, закинутой судьбой в Рим, естественным было желание никогда не расставаться с Пьетро, с которым ее связывали бесчисленные, сладкие или горькие, воспоминания.

Как родилась эта любовь, оказавшаяся способной преодолеть возрастной барьер? Грузинская девочка росла на глазах у Пьетро. И в горе и в радости они были вместе, вместе оплакали умершую Маани, вместе радовались знакомству с находящимися в ширазском плену грузинами, в частности, с разговорчивым отцом Георгием и известной своей отзывчивостью и добротой царицей Кетэван, вместе прощались с ней, избравшей муки и смерть. Неудивительно, что в сердце Мариучи возникло вполне естественное чувство благодарности к челове-

ку, приютившему ее, осиротевшую, попавшую на чужбину, девочку, обреченную на жизнь взаперти в гареме какого-нибудь кызылбаша.

Любовь же Пьетро была вызвана, наверное, и состраданием. Дитя угнетенной и разоренной страны, она своей судьбой как бы олицетворяла боль ее родины. Живя в Иране, делла Вале в подробностях узнал о бедах, которые выпали на долю Грузии. Взять хотя бы эту грузинскую девочку знатной фамилии, оставшуюся почти одинокой в чужой и враждебной стране, дальние родственники которой прибегли к самому разумному и эффективному средству спасти ее — доверили заботу о сироте римскому единоверцу, истинному христианину, доброжелателю всех христиан и в то же время состоятельному человеку.

В вышеупомянутом письме Пьетро делла Вале, сообщая находившемуся в Грузии Пьетро Авитабиле о рождении своего первенца, пишет: «Чтобы память о любви, которую питаю я к Грузии, навечно осталась в моем роду, я назвал свою дочь Ромиберой, как дитя, рожденное слиянием двух кровей, римской и иберийской. Я желал бы также, чтобы вместе с этой родственной связью навечно сохранилась и тесная связь наших народов с единой и нерушимой верой».

Рэмон ДЮГЕ

Москва и страстотерпство Грузии

Посвящаю эту книгу с благоговением и почтением защитникам Грузии — тем, кто, возможно, и без надежды, не уступал без боя ни пяди родной земли, героям Табахмелы, мужественным курсантам Тифлисской военной школы. Всем тем, кто ценою крови вписал одну из блестящих страниц в историю Грузии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Во время пребывания в Париже специалисту французского языка и литературы, доценту Тбилисского института иностранных языков им. И. Чавчавадзе Мэрие Константиновне Бакрадзе попала в руки книга Рэмона Дюге «Москва и страстотерпство Грузии». Книга издана в Париже в 1927 году. Как видно, автор книги, журналист, был очевидцем событий, происходящих в Демократической Грузии, и восстания 1924 года, и они произвели на него сильное впечатление. Временами он пишет с несвойственной европейцу патетикой. По-видимому, судьба Грузии искренне взволновала Дюге. Французский автор проявляет огромное уважение к грузинскому народу. К сожалению, пока не установлено, с какой миссией находился в Грузии Дюге. Со временем выяснится и это, но Рэмон Дюге уже и сейчас занимает достойное место среди истинных друзей грузинского народа.

Редакция надеется, что несмотря на некоторые неточности, «Москва и страстотерпство Грузии» заинтересует читателей.

УДК 37.01
312.019.013.0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор книги «Москва и страстотерпство Грузии» обратился ко мне с просьбой написать предисловие к этому интересному и поучительному очерку. Я согласился по двум причинам: во-первых, потому, что я сам был очевидцем большинства тех событий, о которых повествует эта книга. А во-вторых, потому, что меня всегда волновала и интересовала судьба Грузии.

В результате революции 1917 года Грузия смогла восстановить свою независимость. Грузины отличаются мужеством и чувством глубокого национального самосознания. Вполне возможно, что их можно было бы принять за народ, лишенный этих качеств, не воспользуясь он той свободой, которую предоставила им история.

После ухода из Закавказья русских войск над Грузией нависла угроза со стороны Турции. Просьбы к союзникам не возымели результатов, и тогда Грузии пришлось обратиться за помощью к Германии, которая немедленно помогла ей. Мы не вправе осуждать за это Грузию, так как Германия спасла Грузию от турецкой оккупации.

По окончании мировой войны и заключении мира турецкая армия покинула Закавказье. Трех закавказским республикам: Азербайджану, Армении и Грузии — была предоставлена передышка и возможность поиска оптимальных форм сохранения своей независимости.

К сожалению, они как теоретически, так и практически отвергли единственную возможность сохранения своей независимости: создание конфедерации трех государств. Впоследствии к этой конфедерации, несомненно, примкнули бы и горские народы Северного Кавказа. В таком случае сформировался бы прочный блок, который смог бы справиться как с северными, так и с южными соседями. И эти народы не были бы лишены надежды на победу.

Преимущества подобной конфедерации настолько очевидны, что непонятно, почему же объединение не произошло. Но это непонятно лишь тем, кто не знает, что одной из причин, почему оказалась возможной оккупация Кавказа Россией, была разобщенность кавказских народов.

Можно добавить и следующее: азербайджанцы более тянулись к собратьям по вере — туркам. Армению же всегда притягивала Россия. Армения всегда надеялась на ее мощь. Если, с одной стороны, Россия покровительствовала Армении в борьбе против Турции, то, с другой стороны, поддержка северного соседа предоставляла Армении возможность господствовать в сфере торговли во всем Закавказье.

Так или иначе, но конфедерация не образовалась. Каждое государство в отдельности стремилось заполучить поддержку либо стран Антанты, либо Турции.

Государства же Антанты в то время были заняты более существенными для них субъектами. Помимо того, у них, видимо, были ошибочные представления. Они считали, что монополия христианства в Закавказье принадлежит только Армении. И вполне справедливо испытывали симпатии к этой стране. Особое внимание Армения обратила на себя после того, как турки устроили армянскую резню. На Западе составлялись общие планы по поводу спасения Армении от новых несчастий. К Грузии же страны Антанты не питали никаких симпатий.

Важно отметить и то, что и грузины — христиане, хотя на их территории проживает значительное число мусульман. В отличие от армян, у грузин налажены добрососедские отношения с мусульманскими соседями.

Таким образом, Грузии, как и Армении и Азербайджану, пришлось без всякой поддержки бороться за свою независимость. Грузинский народ столкнулся с большими трудностями. И эти трудности не уменьшились от того, что правительство было меньшевистским, т. е. социалистским.

Внутренняя политика этого правительства никого не удовлетворила; национализация земли и нескольких доходных промышленных предприятий привели хозяйство к полному краху, партийные интересы меньшевистского правительства были превыше национальных. Приведу типичный пример: от генерала Квинитадзе избавлялись несколько раз, но как только ситуация обострялась, его опять назначали на высшую командную должность.

В связях с Москвой грузинское правительство проявляло определенные надежды. Верило, что большевики должны были быть в особых отношениях с меньшевиками, со своим братом социалистом (и впрямь, детские надежды).

Автор с потрясающей ясностью показывает нам, чего можно ожидать от подсобной солидарности социалистов.

При контактах с союзниками грузинское правительство не

раз оказывалось в невыгодном положении. Грузинское правительство не было знакомо с настроениями народов Антанты. Какой вред приносило это незнание, можно увидеть из следующего примера. Национальная гвардия имела красный флаг. Посещавшие Грузию иностранцы, независимо от того, были ли это официальные либо частные лица, при виде красного знамени воспринимали Грузию как большевистскую страну. И, несмотря на то, что все истинные друзья Грузии советовали правительству сменить флаг, оно все же несколько месяцев сохраняло его.

Как бы то ни было, я считаю своим долгом признать: в случае, если бы правительство не допустило бы ни одной ошибки и промаха, я все же не уверен, что оно, находясь лицом к лицу с красной опасностью, смогло бы сохранить независимость Грузии.

Этой книгой автор сослужил большую службу Грузии. Но я считаю, что еще большую службу сослужил автор всему миру, подробно описав отношение большевиков к Грузии до оккупации и после нее.

По прочтении этой книги невозможно не проникнуться мыслью, что большевизм — это попрание всяческой справедливой идеи, чести, морали и гуманности.

В последней главе автор заключает, что зверства большевиков привели Грузию к восстанию 1924 года. Возможно, так оно и есть: отчаяние, порожденное красной пыткой, привело к восстанию. Но, с другой стороны, если сигнал к восстанию был дан эмиграцией (что вполне вероятно), тогда на ней лежит тягчайшая ответственность. Так как нельзя было ожидать никакой помощи извне, нереально, чтобы кто-нибудь питал надежду путем восстания сбросить ярмо большевизма.

Автор с большой симпатией говорит о грузинах. Я полностью разделяю его взгляды.

Грузинский народ с ярко выраженным национальным сознанием, славной историей, с выносливым и рассудительным крестьянством (составляющим большинство населения Грузии) живет в стране с удивительно красочной природой и богатыми недрами. Этот народ, несомненно, заслуживает свободного и мирного развития сообразно своим устремлениям.

Но мы, очевидно, пока далеки от осуществления этих возможностей. Географическое положение Грузии (так же, как и ее природные богатства) представляет самую большую опасность и препятствие в обретении независимости. И если в один прекрасный день Лига наций действительно станет судьей в

международных спорах, то Грузия по достоинству оценит истинность персидской пословицы: «Терпение горько, но плод его сладок». Во всяком случае я глубоко в это верю. Я пишу как человек, увидевший достоинства грузин как раз в тот период, когда они мужественно, беззаветно боролись за свою родину, хотя и тщетно. Потрясающими были самоотверженность и мужество курсантов Тифлисского кадетского корпуса, которые все до одного сложили головы в бою на подступах к Тифлису. И уже одно это не дает нам права убивать надежду той страны, которая породила таких возвышенных героев.

В заключение я хочу поблагодарить автора за сей документированный и ясный труд. Почтить его желание оставаться по мере возможности беспристрастным, признать ту великую службу, которую он сослужил всем нам тем, что описал методы и мышление большевизма, того опасного недуга, от которого необходимо избавиться, если хотим спасти цивилизацию.

Ж. Б. СТОК*

26 сентября, 1926 год.

ВСТУПЛЕНИЕ

У нас, французов, есть большой недостаток. Мы совершенно не знаем те народы, которые питают к нам огромную любовь и даже преклоняются перед нами, не знаем тех, кто относится к нам с чувством благодарности, независимо от того, сколь велика эта благодарность.

В этом и есть причина, что мы не знаем своих истинных друзей и часто действуем в ущерб своим же интересам.

Продолжая эту мысль, я хочу спросить: кто из вас знает о том, что на востоке Черного моря живет народ, который питает к Франции огромную любовь и чувство глубокой благодарности? Кто из вас знает, что эта истерзанная трехмиллионная нация с надеждой обращена к нам? Кто из вас знает, что эта маленькая страна называется Грузией?

По причине далекого расстояния и в силу различных обстоятельств мы мало что сделали для этой маленькой страны.

* Полковник Сток служил в английской армии. Он сыграл особую роль в определении судьбы Батуми. В июле 1920 года полковник Сток от имени государств Антанты передал Батуми Грузии. До того Батуми имел статус независимого города.

Правда, мы возвысили голос и выразили протест против ее притеснителей. Вместе с другими странами Антанты после мировой войны мы оказывали ей содействие. Дали прибежище ее правительству, которое в результате вторжения большевистских орд было вынуждено покинуть отчизну. Несмотря на красную оккупацию и протесты советского правительства, мы сочли его легализацию в Париже легализацией независимого народа.

Обратимся к этой стране. Отнесемся со вниманием к ее тяжелой участи. Познакомимся с ней поближе. Осмыслим, какая особая роль принадлежит ей в силу ее местонахождения. Она ведь заключена между Россией, Персией и Турцией, посреди Запада и Востока! И наконец уясним, какую пользу принесет дружески расположенная к нам страна там, на Востоке, после падения большевизма.

* * *

«Та страна, древняя Колхида, — писал Элизе Рэклю, — не имеет себе равных в мире по великолепию зеленого покрывала, природному изобилию земли и разнообразию богатств».

Богатством ли недр, наземным ли богатством Грузия и вправду благословенная страна.

В Грузии имеется даже нефть, которую так жадно ищут сейчас другие страны. Возможно, некоторые нефтяные скважины могут оказаться значительными, например, в Кахети. Экспорт нефти из бакинского региона осуществляется через Грузию по нефтепроводу, который действует с 1918 года¹.

Природные условия Грузии создали ей такие богатства, что она всегда вызывала зависть соседей. Вместе с тем Грузия оказалась на пути больших походов. Поэтому так часто подвергалась она захвату. Ее столица Тифлис не единожды разорялась. Ее завоевывали 26 раз.

Овладеть богатствами Грузии, нагреть за ее счет руки, посредством ее завладеть ключами всего Закавказья — вот что двигало Москвой, когда она захватила Грузию. В связи с этим приведем следующие слова, представленные грузинским правительством в меморандуме, направленном в Лигу наций: «Сегодня всем ясно, что осуществлен захват Кавказа и

¹ Автор ошибается в дате ввода в эксплуатацию Бакино-Батумского нефтепровода. Если в сноске замечания не сопровождаются припиской «переводчики», значит, она принадлежит Р. Дюге.

Грузии с целью овладения богатствами этой страны». И разве Радек не признался во всеуслышание в Берлине, что советская Россия оккупировала Грузию с целью сохранения бакинской нефти!

Но грузины не хотят умирать, и они способны этого избежать.

Верховный главнокомандующий русской армии во время мировой войны, великий князь Николай Николаевич заявил: «Если бы в каждом моем бою участвовало хотя бы пять грузин, я знал бы, как сражается моя армия».

Грузины, этнические корни которых неизвестны, не только мужественные рыцари, преданные и жизнерадостные, но и терпеливые, сдержанные в обществе, в личной жизни, требовательные к себе. Им чужда склонность к скандалам и распущенности... Они носители изысканных чувств и культуры. Эту характеристику грузин нельзя назвать полной, если не прибегнуть к воспоминаниям и впечатлениям нашего соотечественника Яна Кармора*: «Издали можно заметить гибкие движения грузин — узкие бедра и широкие плечи, гордая походка, как у черкесов. Вблизи же бросаются в глаза черные густые волосы, оживленные, порой же суровые большие глаза (у женщин, конечно же, более нежные и волнующие), ровные зубы, длинные ресницы. При прикосновении можно почувствовать мягкость и нежность кожи маленьких белоснежных рук.

Характером грузины, несмотря на те условия, в которых они формировались, кажутся веселыми. Более жизнерадостными становятся они от вина. Видно, отсюда происходит безграничная любовь грузин к песням и танцам. Задолго до афинских воспитателей, задолго до инициативы Жака Далькроза грузины из поколения в поколение выработали ритм, гармонию. Возможно, благодаря этой древней дисциплине они так прекрасно сложены.

Когда пропалывают кукурузные грядки, когда жнут ячмень, грузины работают в особом ритме. Разбившись на группы, они увлеченно трудятся. Несколько жнецов поют слова, соответствующие проделываемой, работе. Чем дальше они продвигаются вперед, тем сильнее ускоряется ритм. В конце жнивья они внезапно останавливаются. Повернув обратно, они начинают новый ряд. Работа в таком ритме вызывает коллективное веселье».

* „La géorgie libre“, pag. E. Kuhne, Genève, 1920.

В этом повествовании Ян Кармор предельно точно описал поразительное свойство грузинского характера. Кто знаком с грузинскими кругами во Франции, безусловно, подтвердит вышесказанное.

Пережившие много испытаний, охваченные тоской, грузинские эмигранты вряд ли покажутся вам утратившими надежду, хотя лишь изредка получают весточку от родных и близких, оставленных на родине. Порой до них доходят известия о расстреле родных и знакомых.

Эмигранты не имеют никаких средств к существованию, тем более для содержания семьи (если удалось ее вывезти с собой). Им часто приходится соглашаться на несоответствующую их положению работу, тем не менее они держатся с достоинством. У них необузданная энергия и покладистый характер. Несмотря ни на что, временами их окрыляет надежда, что рано или поздно их родина воспрянет и станет независимой. Горечь многих мытарств и страданий (прежде всего моральных) может довести до самоубийства (я знаю два трагических случая самоубийства: один — известного политического деятеля, а другой — прекрасной молодой аристократки), и все же, несмотря на это, вы не встретите отчаявшегося грузина, пылающего злобой к другому.

Грузин терзает только одна ненависть, ненависть к тем коварным лгунам, которые после заключения договора о мире и дружбе трусливо, вероломно нарушили соглашение и вторглись в пределы Грузии, захватили ее, разграбили, разрушили, истребили ее мужчин, юношей, стариков, женщин, детей; ненависть к предателям, которые привели красных.

* * *

Полное понимание страданий этой страны должно сблизить нас с ее малочисленным народом, который так часто притесняли, но все же не сломили. Только от нас зависит завязывание тугого дружеского узла между двумя нашими странами! В Грузии он уже имеется. Там всюду любят Францию, как в городах, так и в деревнях, и даже в крестьянских лачугах. В просвещенном обществе высоко ценится французская культура. Когда Закавказское правительство (Озаком) позволило нашему земляку открыть в Тифлисе французский лицей, то заранее подготовленное для этого здание не смогло вместить всех желающих. Мальчики и девочки приходили сотнями. Вскоре этот лицей стал одним из самых больших учебных заведений столицы.

Только этого факта достаточно, чтобы понять, как там почитают французский язык и литературу. Когда Грузия освободится, мы всячески должны способствовать тому, чтобы они как можно скорее изучили наш язык. Довольно скоро французский язык станет самым популярным и пользующимся успехом после грузинского языка и местных диалектов. Он станет также языком дипломатии во взаимоотношениях с соседними странами.

Разумеется, после прихода к власти большевиков лицей закрыли. Его основатель и директор находится сейчас в Париже.

Как я уже отметил, грузинский народ питает к Франции огромные симпатии. И эти чувства требуют взаимности.

Правда, Грузия, так же как и остальная часть Кавказа, «закрыта» красными, но, когда она вновь восстановит свою независимость, может стать достойным рынком для нашей промышленности, для наших прибыльных капиталовложений. Именно французские предприниматели до прихода красных начали разрабатывать медные рудники в Алаверди. Эти рудники заслуживают большого внимания. К чему повторять то, что часто уже случалось в других местах? Нашим отсутствием, многочисленными ошибками либо бездействием мы дали возможность другим воспользоваться преимуществами, которыми мы уже почти владели.

* * *

События, о которых пойдет речь, содержат достойные нашего внимания сведения. Необходимо сразу же признать тот факт, что социалистический опыт не принес ничего позитивного Грузии.

Не надо говорить, что трехмиллионная Грузия была не в силах оправиться с врагом и не смогла бы нанести поражение красной орде.

Если бы это был веский аргумент, тогда бы и прибалтийские страны, к примеру, Литва, не смогли бы образовать независимые государства. Не смогли бы сохранить свою независимость. Более того, в четвертой главе этой книги я привожу следующий пример. Когда Красная Армия вероломно напала на Грузию со стороны Азербайджана, грузинские воины сумели отбросить врага. Красная Армия с позором отступила. И если бы не распоряжение грузинского правительства о прекращении преследования врага, бесспорно, что большевики были бы вытеснены из Азербайджана, не смогли бы они за-

крепиться и в Армении. По требованию Москвы грузинское правительство приказало грузинским батальонам вернуться на свою территорию. Не сделай они этого, Грузия избежала бы красной чумы. Красным пришлось бы считаться с блоком трех народов, соблюдать некоторую дистанцию. Эти же республики продолжили бы жизнь как независимые нации, как прибалтийские страны и Польша.

* * *

Вернемся несколько назад: у русской большевистской партии, русоких меньшевистских партий и грузинских социал-демократов общие истоки — Всероссийская социал-демократическая партия.

В 1903 году от этой партии отделились диссиденты: большевики во главе с Лениным. Меньшевики же остались преданными старой социал-демократической партии. Впоследствии раскололись надвое и меньшевики: интернационалисты, возглавляемые Мартовым, и националисты во главе с Плехановым. Грузинские же меньшевики были членами Всероссийской меньшевистской партии и только после революции 1917 года отошли от нее.

Эти общие истоки грузинских социал-демократов и российской партии большевиков и были причиной жестокого поражения, которое потерпели грузинские социал-демократы и их правительство. Это правительство надеялось установить длительные мирные взаимоотношения с российской партией большевиков. Поэтому оно шло на всяческие уступки. Так продолжалось до тех пор, пока к ним не попало доказательство лицемерия, двойной игры красных (см. докладную Геккера в пятой главе).

Несмотря на очевидные свидетельства большевистских интриг, несмотря на пребывание в Тифлисе советской делегации в составе 300 человек, которая в действительности была пропагандистским и шпионским гнездом, грузинское правительство ничего не замечало.

Правительство не прозрело и после второго неожиданного нападения Красной Армии, оккупировавшей территории Грузии и посеявшей смерть и разорение на этой земле (примеры будут приведены ниже). Когда началось подавление восстания 1924 года и Грузия утопала в крови, председатель грузинского национального правительства 6 сентября 1924 года направил в Москву телеграмму: «Москва, Кремль, председате-

лю Совнаркома», которую завершал следующими словами: «От имени грузинского народа предлагаю прекратить военные действия и мирно решить русско-грузинский конфликт. За основу примем заключенный между нами договор от 7 мая 1920 года. Вместе с тем заявляю, что мы готовы заключить дополнительные соглашения, гарантирующие ваши экономические и коммерческие интересы в Грузии».

Кто знает, как хохотали большевики над этой телеграммой!

22 января 1925 года депутат-социалист Рэнodelь в палате депутатов сделал доклад и, преподнеся эту страну как социалистическую (во второй главе я опровергну эти ложные обоснования), сказал следующее: «После тех шести недель, предусмотренных в докладной генерала Геккера (какая подчеркнутая вежливость к красному командиру! — Р. Д.), грузинское правительство лишилось власти и обратилось в бегство. Веря в поддержку народа, оно направилось в Константинополь, а затем в Европу. По прибытии в Европу, грузинское правительство во весь голос выразило протест против вторжения, поработившего Грузию».

Грузинское правительство даже не предполагало, что между социалистами и большевиками, которые претендовали на то же, что и они, социалисты, не будет взаимопонимания на уровне договоров. Бывшее грузинское правительство неоднократно пыталось обратиться к различным международным организациям, в особенности к европейским рабочим организациям, а также к различным интернационалам.

Председатель бывшего правительства Грузии г-н Жордания говорил в мае 1921 года: «Мы готовы принять арбитраж, только пусть Красная Армия покинет пределы Грузии. Русское правительство должно дать грузинскому народу возможность самоопределения. Обустраивать свое государство грузины должны по своему желанию и усмотрению!»

«Грузины не сдаются. 5 июля 1923 года они предлагают коммунистам и западным социалистам составить комиссию в составе равного количества представителей и направить ее в Грузию. Комиссия должна на месте изучить все обстоятельства и выявить истинную волю народа.

— Мы согласны, — говорили они, — чтобы комиссия устроила опрос не всего народа, а только рабочих и крестьян. Т. е. тех, кто, по советской конституции, имеют избирательное право, и, по утверждению большевиков, являются хозяевами своей страны».

В заключение Ренодэль делает вывод: «Излишне говорить о том, что и на этот последний запрос не было положительного ответа, как и на запрос 1921 и 1922 годов».

Все это сказки!

Такой же сказкой было формирование из Красной гвардии, впоследствии переименованной в народную гвардию, корпуса, который бы смог защитить территорию страны.

Это в своем роде преторианская гвардия, эмблемой которой был красный флаг, и на нее были возложены функции милиции. Она должна была поддерживать порядок в то время, как отряды русских солдат покидали Закавказье; одновременно с Западного фронта на родину возвращались грузинские солдаты, часть из которых попала под влияние большевистской пропаганды. В такой обстановке гвардия оказала своему народу реальную помощь, установила порядок.

В связи с тем, что регулярная армия все же создавалась, полномочия гвардии неохотно сокращались. Правительство не уделяло должного внимания созданию армии. Во-первых, потому что было заинтересовано в Красной гвардии, а во-вторых, если страна стала социалистической, как утверждали некоторые, армия как оплот правительства становилась ненужной.

Реально в Красной гвардии не было никакого порядка. Царила «самовольная дисциплина». Эта избитая шутка на некоторых производит впечатление, так как они мнят себя гуманистами. Гвардия была совершенно неэффективным организмом. Во главе ее стоял «совет», который высокопарно именовался «штабом гвардии». Если возникала необходимость скоординировать действия нескольких батальонов, заранее не выделялось ни одного офицера, кто бы руководил этими действиями. В большинстве случаев офицеры назначались на общих собраниях и чаще всего они были непрофессионалами. Если профессиональный офицер назначался командиром какого-либо батальона, то это влекло за собой сплошные неприятности. Распущенность и недисциплинированность гвардейцев удручающе действовали на профессиональных офицеров.

Конечно же, я могу привести еще множество примеров, но все же считаю нужным вовсе прекратить об этом разговор. Словом, грузинская гвардия имела не только недостатки национальных гвардий всех эпох, но постепенно приобретала все пороки социалистической гвардии.

И если гвардия самоотверженно сражалась днем (в ней служило много храбрецов), то ночью на нее нельзя было по-

лагаться. Ниже я приведу еще несколько примеров и один прискорбный факт.

Я намеренно заменяю выражение «национальная гвардия» «преторианской гвардией». И правда, всякий раз, когда правительство пыталось увеличить численность преторианской гвардии (и сформировало 23 батальона), число добровольцев уменьшалось с каждым разом. Добровольцев было очень мало, что странно для страны, именуемой «социалистической».

Прежде чем продолжить повествование, непременно нужно уточнить: моя критика не касается ни конных, ни артиллерийских подразделений. Правда, на бумаге они считались частями гвардии. В действительности же это были обыкновенные армейские полки. Штаб гвардии не смог набрать артиллеристов и кавалеристов, поэтому они существовали только на бумаге (ведь социалистической преторианской гвардии нужны артиллеристы и кавалеристы). Впоследствии некоторые скажут — гвардия прекрасно сражалась как днем, так и ночью, и приведут в пример действия артиллеристов и кавалеристов. Но они, как я уже сказал, были армейскими полками, искусственно введенными в гвардию. Сражались они, бесспорно, мужественно.

Прежде чем закончить печальный сюжет о преторианской гвардии, хочу ознакомить читателя со следующим документом. Он написан нашим соотечественником, прекрасным наблюдателем, прожившим в Грузии несколько лет.

«Париж, 17 августа, 1926.

Господин,

Вас интересует мое мнение о грузинской национальной гвардии. Я видел ее в действии и пришел к выводу, что она как военная сила — ничтожество. Своей недисциплинированностью и полным развалом она производила удручающее впечатление на профессиональных офицеров.

Словом, я стал свидетелем тому, что гвардия не в силах служить попавшей в тяжелое положение Грузии.

Если к тому же добавить, что сия «армия» вначале именовалась Красной гвардией, Вы непременно догадаетесь, что она выполняла роль пугала для грузинской «буржуазии» и крестьянства. В отличие от аналогичных сословий в других странах, грузинские «буржуа» и крестьяне были неисправимые консерваторы. У них только одно желание: как можно больше заработать за день. Это же не имеет ничего общего с восьмичасовым рабочим днем «организованного пролетариата».

Должен Вам сказать: командующим этой гвардией назна-

чили бывшего студента медицинского факультета. Он ввязался в политику и, разумеется, не имел никакого военного образования.

Рядовой милиционер обладал всеми полномочиями для ареста офицера регулярной армии, зато не имел права предъявлять каких-либо требований рядовому Красной гвардии, так как это вызвало бы отрицательную реакцию.

Я буду слишком снисходительным, если скажу, что гвардейские отряды без энтузиазма боролись против советских частей (которые, конечно же, были «краснее»).

Прежде чем закончить свое письмо, я хочу подчеркнуть еще одну деталь: в то время как у Грузии был национальный флаг, грузинская гвардия имела свой стяг — красную тряпку!

Пока демагогия надрывает глотку — у страны есть шанс на выживание, но если гангрена демагогии поразит и армию, то положение станет трагичным.

С глубочайшим уважением. Подписано. Патрис».

Грузинский князь Авалишвили, который до большевистского переворота был профессором международного права Петербургского университета, написал недавно интереснейшую книгу — «Независимость Грузии и международная политика 1918—1921 гг.»¹.

Привожу отрывки из пролога этой книги:

«Лидеры этой страны представляли грузинское правительство как правительство демократическое — в отличие от советского строя. В действительности же Грузия совершенно не удовлетворяла требованиям представительной демократии. Диктатура социал-демократической партии Грузии лишь слегка ограничивалась показными формами этой демократии.

Но ввиду обстоятельств осуществление довольно жесткой государственной власти сопровождалось непомерным крепком к партийной доктрине... Вместе с тем подобная направленность грузинского правительства не только не ослабевала, но и с каждым разом все больше усугублялась. В ноябре 1917 года национальный конгресс Грузии, казалось бы, представил картину национального единения и пообещал соотечественникам проводить национальную политику. В начале же 1921 года Грузия в лице своего правительства и учредительного соб-

¹ Фрагменты из этой книги публиковались в № 6 «Литературной Грузии» за 1989 г. (Ред.).

рания имела креатуру партийных организаций, которые неопытным доктринерством в государственных делах с завидной скоростью день ото дня расшатывали опору своего же существования и будущности.

Правительство Грузии в конце пути оказалось на лезвии бритвы и столкнуть его не составило большого труда.

Все это не случайно. Грузинское правительство, вышедшее из горнила революции, по сути своей было более правительством социальной демагогии, нежели органом демократической и национальной политики. Ему подобало и было, конечно же, легче стать именно таким органом, но этого не произошло.

Существенной задачей этого правительства было сведение счетов с землевладельцами...

...Словом, аграрная политика Грузии не склонялась к Европе с ее гражданскими кодексами и не поддерживала государственные интересы независимой республики. Из-за малодушия и непредусмотрительности землевладельцы не предприняли никаких попыток для создания вооруженных сил, хотя постоянно ожидали нападения; и это определялось основной доктриной грузинского правительства — теорией классовой борьбы и силового социального перераспределения, и именно эта доктрина стала препятствием на пути становления национального правительства.

Аграрная реформа одних разорила, за другими же закрепила землю так, что избавила их от каких-либо серьезных финансовых налогов и обязательной воинской повинности. Вследствие этого возникли серьезные затруднения с созданием армии (даже очень малочисленной), и это — в стране, где имелось множество строевых офицеров, и в народе, который на протяжении веков славился своей воинственностью.

...То, что в Грузии не существовало военных структур, подсказало Москве, прекрасно знавшей внутренние дела этой страны, «разделаться с Грузией», как только возникнут удобные для этого внешние предпосылки».

С другой стороны, поясняет автор, грузинские массы «воспитывались» в духе идей классовой борьбы, конфискации земель и т. п.

«Какое же воздействие могли оказать все эти схоластические замечания, своеобразные комментарии тифлисских талмудистов, если их же девизы отчетливо просматривались на флагах вторгшихся войск, а прикипевший к душе престиж

российского могущества облачился в то красное знамя, которому поклонялись еще вчера?»

Запоздалым и безнадежным делом было в последний момент вступать в конфронтацию с вторгшейся чужеземной силой, переходить внезапно от жаргона международных социалистических конгрессов к языку патриотизма и национальной экзальтации. И если с 1918 года в этом плане была бы принята хоть малая государственная забота, вообще бы не понадобились эти запоздалые и бесполезные призывы...

Итак, случилось неизбежное и роковое: грузинская демократия пала именно в тот момент, когда самодовольно и самоуверенно оседлала свой партийный конек. И в январе 1921 года, когда после полного международного признания независимости Грузии она готовилась полностью насладиться плодами своей деятельности, как раз в этот момент ее свергли без каких-либо усилий.

Стоит ли добавлять, как содействовала этому полнейшая неспособность к согласованию стремительного ритма истории с темпом налаживания спорных вопросов с соседями и осуществления надлежащих связей с ними? Можно добавить и следующее: после трехлетней, во многом успешной внешней политики Грузию поставили в такое положение, что она оказалась в изоляции от всего мира и под страхом вечной угрозы со стороны Москвы и Ангоры.

«...Довольно намечать главные линии, пора вернуться к стилю исторического видения и сказать, что грузинская демократия 1918—1921 годов, которая была марксистской формой диктатуры социал-демократов, т. е. ее правого крыла, представляла подготовительный период установления в Грузии советской диктатуры. Сия демократия всем духом и сутью своей социальной политики, хотя в ее лоне явно пробуждалось народное сознание, в действительности стремилась к Москве, а не к Европе, и поэтому возникали те противоречия в европейской ориентации внешней политики, которой придерживалась Грузия до весны 1920 года.

Когда в тяжелые февральско-мартовские дни 1921 года Грузию положили на операционный стол и опытный хирург, советская власть, провел безжалостную операцию, хирург знал, что пациент одурманен хлороформом и подготовлен к операции, хотя и менее опытной рукой — грузинскими социал-демократами.

То, что политически и субъективно было борьбой и воспри-

нималось как переворот, исторически и объективно оказалось простым перераспределением труда и сменой фаз».

Подчеркивая, что Грузия была жертвой социалистического опыта, я вовсе не хочу бросить камень в ее правительство, в председателя этого правительства, который в настоящее время нашел пристанище в Париже. Я и не думал этого делать.

Напротив, я признаю: несмотря на то, что они принадлежали к той же партии, которая впоследствии стала большевистской, несмотря на то, что они отошли от Всероссийской меньшевистской партии только после революции 1917 года, грузинские социал-демократы прошли значительный путь. К их чести следует сказать, что постепенно претерпели эволюцию их идеи, чувства, концепции, становясь все более национальными. Мучения (и по сей день), переживаемые их родиной, ускорили эволюцию грузинской социал-демократии. В последнее время грузинское правительство, состоящее из социал-демократов, призвало другие партии (в основном Национальную партию) к единению и к взаимному сотрудничеству на благо родины.

По моему скромному убеждению, именно в этом спасение страны, которую невозможно, увидев, не полюбить. Спасение есть «священный союз».

И в тот день, когда большевистское чудовище рухнет, в Грузии должны быть использованы все силы для восстановления нормальных условий. Нужно будет объединить знание государственных дел (опыт которых имеют социал-демократы), влияние национальных партий и патриотическую энергию.

Здесь же следует привести несколько примечательных слов, сказанных мне членом социал-демократической партии, которого я посетил для ознакомления с некоторыми документами: «В ваших статьях неоднократно обрушивались на мою партию. Но ничего. Сейчас дело касается не партии. Вы пишете в защиту моей родины. Что может быть важнее этого... Я выражаю Вам мою глубокую благодарность».

Каким искренним и взволнованным тоном были сказаны эти простые слова: «Что может быть важнее этого!..»

* * *

Итак, между грузинами должен создаться священный союз. Но этого недостаточно. Нужен более широкий союз, союз народов всего Кавказа. Это вынуждает меня сказать несколько слов о Кавказе. Настало время поставить кавказский во-

прос на повестку дня. Если кавказский вопрос будет **должным** образом решен, это станет гарантом мира, коммерческого и экономического развития на Ближнем Востоке.

Кавказский перешеек своим местоположением словно призван выполнять мирную миссию в международных отношениях. К сожалению, все происходит иначе. На протяжении веков Кавказ был полем битвы, остался таковым и сегодня.

Как видно, наилучшее решение кавказской проблемы — это нейтрализация этой зоны. Создание независимого государства при содействии Лиги наций, что уже в некоторых случаях оправдалось.

С другой стороны, возникают сомнения: будет ли жизнеспособной конфедерация государств, включающих Северный Кавказ, Грузию, Армению, Азербайджан, то есть территория, заселенная грузинами, армянами, азербайджанцами, дагестанцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами?

Думается, что да. Кавказ резко отличается от России. Это настолько очевидно, что при царском режиме на Кавказ всегда назначался царский наместник. Расположенный между двумя морями, соединяющий запад и восток Кавказский перешеек представляет собой четко выраженное географическое единство. Вместе с тем он имеет и экономическое единство. И, наконец, кавказские народы в последнее время ясно выразили свою волю — отделение от России. Кавказ не связан с Россией ни с экономической, ни с финансовой точек зрения. И поскольку его соединение с Россией — нелепость, Кавказ, примерно с двадцатимиллионным населением, сформировался бы в мощное суверенное государство, необходимость которого уже ощущается на Ближнем Востоке.

Кавказским народам для национального развития одинаково нужна независимость. В интересах Европы, да и всего мира, скорейшее образование кавказского конфедеративного государства. И только факт существования подобного государства сможет предотвратить возможность назревающего конфликта на Ближнем Востоке. Неисчислимы природные богатства этого государства вызовут большой интерес мировой экономики.

* * *

Обращаюсь к тем, кто продолжит чтение последующих страниц, для написания которых я прибегнул к многочисленным серьезным и достоверным документам, — не думайте, что в Грузии воцарилось спокойствие после того, как большеви-

ки набросили на нее свое ярмо, прекратились несправедливые и необъективные аресты, переселения и расстрелы. И кто так подумает, тот глубоко ошибается.

Как и всей захваченной красными территорией, Грузией и всем Кавказом распоряжается ЧК. ЧК — абсолютный властелин. Методы правления всюду одинаковы, сменилось только название (сей красный инквизитор именуется сейчас ГПУ).

Стольких уже арестовали, стольких замучили, стольких истребили, что сейчас несколько сократилось число жертв. Только и всего. Но мы должны знать и то, что репрессии продолжаются. Хотя до нас не часто доходят сведения об очередных преступлениях красных. Чекистская администрация действует исподтишка, не забывая следить за тем, чтобы молчали и другие.

Как бы ни осторожничали большевики, замечая следы своих преступлений, время от времени до нас все же доходят кое-какие сведения, оповещая цивилизованный мир, что красный террор все еще свирепствует. К примеру, в марте в парижской прессе вы могли прочитать следующее: «В тифлисских рабочих кругах большие волнения, трудящимся стало известно, что городская ЧК убила в тюрьме г-на Илико Махарадзе, грузинского социал-демократа. Ему вменялось в вину председательствование на заседании антибольшевистского комитета. Этот комитет создан тифлисскими рабочими».

Не менее значительное событие произошло в Тифлисском университете. Тифлисский университет был последней цитаделью интеллигенции, истинных грузинских патриотов. Здесь на пяти факультетах училось около пяти тысяч студентов. Лекции проводились на грузинском языке. Ректором университета был князь Джавахишвили. Пока красные были заняты более неотложными делами, профессора имели возможность проводить лекции, студенты — учиться. Разумеется, при красной диктатуре подобное нормальное положение дел не могло долго продлиться. В июле князя Джавахишвили попросили из университета, заменив его неким прислужником большевиков Глonti, человеком без какого-либо образования, который, кажется, даже и не был никогда студентом.

Педагогам было приказано проводить лекции на русском языке, мотивируя тем, что студенты лучше смогут овладеть русским языком и после завершения учебы смогут работать в России. Этого им показалось мало и в университетский совет

был введен чекист. Следовательно, управлять Тифлиским университетом стала ЧК.

По сведениям, полученным нами от грузинских эмигрантов, эти деяния вызвали бурю протеста в студенческих массах. За этим последовал ввод красных отрядов в Тифлисский университет для разгона взбудораженной молодежи. Говорят, что убито 13, ранено более 60 человек.

Все страдания и муки этого малочисленного и удивительно непреклонного народа должны стать всем известны.

Задумаемся над словами, высказанными г-ном Брюккером (Бельгия) 20 сентября 1922 года на восьмом заседании шестой комиссии Лиги наций: «Грузинский вопрос не относится к числу тех теоретических проблем, которые можно отложить. Правда, Генуя не обратила на него внимания, но этот вопрос не снят и сегодня и будет ставиться всегда».

Сентябрь, 1926 год.

ГЛАВА I

Маленький христианский остров

«Несмотря на многочисленные превратности судьбы, грузины сохранили прежний облик и этническое единство. Это подтверждается и предметами, найденными в последнее время археологами в древних захоронениях. Они датируются вторым веком до нашей эры. Грузины смогли сохранить и свой язык».

Михэил Тамарашвили — «Грузинская церковь»

Страна малочисленного, но мужественного народа — Грузия — расположена на востоке Черного моря, на южном склоне Кавказского хребта. К востоку ее отделяют от Каспийского моря Дагестан и Азербайджан, к юго-западу же территория, находящаяся севернее районов Эрзерума (Арзрума) и Трапизона (этот регион был аннексирован турками). Эти земли принадлежали Грузии, как и небольшая низменность к северо-востоку от Александрополиса. Их постигла та же участь, что и Артвинский, Ардаганский и Артануджский округа, захваченные турками в 1921 году.

Примечательно, что несмотря на то, что население озна-

ченных территорий оторвали от родины, заставили принять мусульманство, люди все же сохранили обычаи, язык, письменность, все характерные свойства нации, кроме религии. Люди остались истинными грузинами.

То, чем характеризуется это население, можно сказать обо всех грузинах. Их страна столь часто захватывалась, аннексировалась, грабилась, разорялась, предавалась огню, топлялась в крови, что удивительно, каким образом после стольких испытаний они сохранили обычаи, язык, национальное самосознание, безудержное стремление к независимости. Более того, каким образом они умудрялись отбросить назад неприятеля — будь то армия Александра или персы, монголы или хазары, и даже в одно время греки...

Вспомним: только монголы 13 раз захватывали Грузию. И самым страшным было нашествие Темурленга. Поражает и то, что даже такие враги, как монголы, татары, турки, уважительно относились к грузинам. В то время как к другим завоеванным народам проникались ненавистью и пренебрежением. Удивительно подобное уважительное отношение к грузинам со стороны их самых заклятых врагов.

* * *

К северу грузины двинулись в VII в. до н. э. Они обосновались на юге Кавказа, где проживают и поныне. Ранее они проживали в районах, прилегающих к Междуречью.

Численность грузин достигает трех миллионов. Они не принадлежат к славянской расе. У них совершенно неизвестные истоки. Неизвестно и происхождение их языка. В этом плане их можно сравнить с этрусками и басками.

Грузия известна с античных времен. Она охватывает территорию, которую раньше именовали Колхидой. По легенде, именно в Колхиде должны были взять золотое руно¹.

Как во всех легендах, так и в мифе об аргонавтах содержится зерно истины. Финикийцы были мужественными мореплавателями и хорошо знали Колхиду. Они обладали огромным богатством и вели с Колхидой интенсивную торговлю, покупая там золото, серебро, кожу, красители и т. д. В этот

¹ Этот регион Мегрелия. Он расположен севернее Поти. Греки именовали Поти Фазисом.

край прибыли аргонавты, т. е. греки, к колхидскому царю Рета Первому¹.

С Грузией боролись сильные завоеватели. Среди них нужно отметить Кира, который был уничтожен вместе с армией, Дария, Александра и его военачальника Азона. Азон потерпел поражение и был убит грузинами. Римлянам постепенно удалось покорить грузин. Кто не помнит о продолжительных битвах Митридата против римских легионеров, экспедицию Помпея в Иберию (Грузию)!

Несмотря на многочисленные нашествия, хаос и разорение, сопровождающие вторжения, грузины, как уже было сказано, сохранили свой язык. Это полусемитский язык, истоки которого неизвестны и идут с древнейших античных времен. Язык богатейший, не имеющий ничего общего с азиатскими языками. В результате различных завоеваний в грузинский словарь вошли персидские, арабские и турецкие слова².

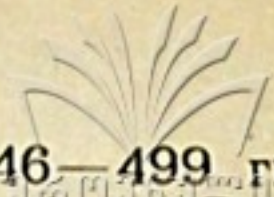
Вначале грузины использовали знаки ассирийской письменности. Во II в. н. э. была создана чисто грузинская письменность — две азбуки из 36 букв — «мхедрули» (гражданская), которая широко используется, и «саэклесио» (церковная). Оба алфавита существуют и поныне.

В 315 году святая Нино (это имя и поныне почитается всеми грузинами), придя в Грузию из Иерусалима, принесла христианскую религию. Это произошло во время царствования Мириана (265—342 гг.), первого христианского царя Грузии. При нем Грузия достигла высокого уровня социального развития. Ранее налаженные связи с Византией расширились день ото дня.

В целом Грузия христианская страна и остается таковой несмотря ни на что. Грузия, окруженная персами и турками, подобна острову среди мусульманского окружения. Она стояла на страже христианской и западной культуры, и, как уже было сказано, многочисленные враги принесли ей неисчислимые испытания, но она выстояла. И если ее разоряли, она вновь возрождалась, и если ее захватывали, она вновь стремилась к независимости.

¹ Так называет Дюге колхидского царя Айета. (Переводчики).

² Помимо литературного грузинского языка, существуют несколько диалектов, например, сванский и мегрельский.

347355-11
313041193

Во время царствования Вахтанга Первого (446—499 гг.) христианская религия полностью утверждается. Благодарность народа этому монарху выразилась в многочисленных легендах и сказаниях. И трудно отличить в них быль от вымысла.

Грузины активно участвовали в крестовых походах. Примечателен и тот факт, что в одном из регионов Грузии — Хевсурети — и по сей день носят одежду, напоминающую облачение крестоносцев, с вышитым на груди крестом, подобным тому, который носили крестоносцы.

После завершения крестовых походов на протяжении всего средневековья только грузины имели право входить в Иерусалим с развернутым знаменем.

С IX века Грузия начинает процветать, в XII же веке, в пору царствования царицы Тамар, она пребывает во всем блеске своей славы. Тамар олицетворяла собой блестящий ум военачальника, героизм и административную мудрость.

По данным 1915 года, Грузия занимает территорию 80.000 кв. км., здесь проживает 3.176.056 человек. Во времена царицы Тамар население Грузии было в четыре раза больше.

Турция, Персия, Греция стремились к союзу с этой сильной страной. Времена царицы Тамар — золотой век Грузии. Так эта пора и называется. Тамар оставила глубокий благотворный след во всех сферах — в военном деле, в искусстве и литературе, в науке.

Шота Руставели был великим поэтом XII века и, можно сказать, одним из величайших поэтов Грузии. Созданная им поэма «Витязь в тигровой шкуре» переведена на многие языки мира. Поэт обессмертил блестящее царствование Тамар.

Завоевание мусульманами в XV веке Константинополя изолировало грузин. Их положение еще более осложнилось. Им одним приходилось стоять на страже христианства.

В XV, XVI, XVII веках возросла экспансия ислама, что принесло Грузии неисчислимые бедствия. Но надо сказать, что грузины, как правило, платили за зло добром. Правда, под гнетом мусульманских завоевателей Грузии многое пришлось пережить, но если мусульмане оказывались на территории этой страны, то грузины их не притесняли.

Продолжение следует

Перевод с французского Мзии БАКРАДЗЕ

и Ирины ЗУРАБАШВИЛИ

Арсен ЕРЕМЯН

Догоняющий себя

Умер Михаил Таль...

Весть эта болью отозвалась в сердцах миллионов. Сейчас, когда десятки горячих точек планеты полыхают ненасытным огнем, смерть перешла в область статистики. Дикторы последних новостей сообщают о десятках и сотнях потерь в терактах и военных конфликтах, и, похоже, к этому начали привыкать. На кровавом фоне сегодняшних вакханалий потеря Таля для шахматного мира не перестала быть трагедией для людей, знакомых с партиями рижского волшебника и состоянием его здоровья. В давней анкете Тургенев на вопрос, как он понимает счастье, ответил просто и мудро: «Счастье — это крепкое здоровье». В этом плане знаменитый романист, двухметровый богатырь с синими глазами, выгодно отличался от Таля, который всю свою сознательную жизнь сражался с неприятельским воинством на шахматной доске и собственными недугами. Кто-то тонко подметил: «В здоровом Тале — здоровый дух». Кривая результатов выдающегося гроссмейстера позволяет судить о состоянии его здоровья, а точнее, лояльности почек. И самое удивительное: считалось, что счастье — его стиль. Обжегшись на Тале, неудачники прозвали его Счастливым Счастливичем Счастливым. Сам он лучше других поставил себе диагноз: «Когда любой из нас впервые играет в шахматы, он уподобляется человеку, который уже принял порцию микробов, скажем, какого-нибудь импортного, гонконгского гриппа. Идет такой человек по улице и еще не знает, что болен — вроде здоров, прекрасно себя чувствует. Но микробы делают свое дело. Нечто подобное происходит в

шахматах... Идут дни, и вдруг исподволь начинаешь чувствовать, что тебе без шахмат чего-то недостает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке».

Итак, главная болезнь известна — шахматная лихорадка. Большой друг шахматистов и прежде всего Таль, драматург Леонид Зорин, говоря о самых привлекательных чертах шахмат, отмечал первым делом борьбу характеров. Под внешней тишиной шахматной встречи таится подлинный драматизм, бушует напряженная схватка двух интеллектов, двух волевых натур, и то душевное напряжение, которое многим выпадает, быть может, в особые «звездные» часы биографии, для них является нормой бытия. Так писатель объясняет высочайший всльтаж шахматного поединка, к которому добровольно приговаривают себя служители богини Каиссы, не желающие замечать, что отныне их жизнь уподобляется шагреновой коже, которую можно читать, как книгу. Вспомним, что матч на первенство мира отнимает несколько лет жизни. Эта мысль, впервые высказанная Ботвинником, позже варьировалась другими чемпионами, в зависимости от их шахматных вкусов и темперамента, но суть оставалась неизменной. Похоже, Таль не очень задумывался над невеселым признанием человека, которому было суждено занять особое место в его творческой судьбе.

Болельщики со стажем расскажут, как летом 1948 года 12-летний Миша Таль пошел на квартиру Ботвинника сразиться с ним в шахматы. Легенда эта известная, и Таль только добродушно посмеивался, читая газеты, и не пытался ее опровергнуть. Ботвинник, став чемпионом мира, действительно отдыхал на Рижском взморье, и Таль захотел сыграть с ним, но родные отговорили. А позже журналисты, прослышав об этом, вложили ему под мышку шахматную доску и отправили к Михаилу Моисеевичу, попутно введя в действие для интриги женщину (супруга гроссмейстера Гаянэ Давидовна?), которая, если верить легенде, преградила мальчику путь к чемпиону. Через одиннадцать-двенадцать лет, растолкав всех, он все же пробился на аудиенцию к Михаилу-старшему, и эти встречи доставили ему величайшую радость и разочарование.

Вспоминается Таль более раннего периода, в мастерском звании, но льва уже узнавали по когтю. Тбилиси, ноябрь 1956 года, полуфинал XXIV чемпионата СССР в театре имени Руставели. Несколькими месяцами раньше Таль в своем первом финале разделил 5-е место и в Грузию приехал в качест-

ве фаворита, готового добиться большего, прежде всего в творческом плане. И едва не стал виновником сенсации. После 12 туров он имел одну победу и девять ничьих, шансы на выход в финал сохранял...его тренер Александр Кобленц. За 7 туров до финиша «лев проснулся» и вместе с Гургенидзе сумел зацепиться за «выходящие» 5—6 места. А ведь прояви кто-то из участников большую неуступчивость, не добери Таль полочка, как знать, возможно, вхождение его в верхние слои шахматной атмосферы не было бы столь стремительным и феерическим. Из восьми партий с гроссмейстерами (четверг из них являлись претендентами на мировое первенство) Таль выиграл пять, еще две завершил вничью и только одну проиграл — Болеславскому. В последнем туре жертвой Таля пал один из лидеров, признанный мастер атаки Толуш.

...Золотая медаль чемпиона побудила отечественную федерацию шахмат ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении ему звания международного гроссмейстера. В порядке исключения, поскольку Таль был всего лишь национальным мастером.

Михаил доверие оправдал сполна, став второй год подряд чемпионом страны. В последнем туре рижского финала Спасский, имея с ним выигранный эндшпиль и ночь для анализа, проиграл эту едва ли не самую драматичную партию за всю свою карьеру, выключив себя из борьбы в претендентском цикле и дав повод говорить об очередном везении Таля.

Сам счастливец не скрывал, что считает делом чести каждого мужчины-шахматиста заслужить улыбку фортуны. Таль взял себе в союзники стиль искрометный и головоломно смелый, молниеносный расчет вариантов, когда получаемое для атаки время дороже пожертвованных фигур. Это подлинное новаторство, артистизм, возвращение к романтизму, когда риск возводился в принцип игры, могли нравиться, могли и нет, но уважения безусловно заслуживали. Мало кто до Таля и после него (за исключением, возможно, Фишера) вызывал столько ожесточенных споров и восторгов.

У Давида Кугультинова есть поэма «Шахматист», посвященная Талю. В ней в частности рассказывается, как пришел к Талю друг детства, бывший шахматист, известный психиатр и попросил гроссмейстера помочь ему в излечении одного больного, возомнившего себя сверхчемпионом по шахматам. «Но почему ты сам его не обыграешь?» — удивился Таль. «Увы, — смутился друг. — Я играл с ним, но всякий раз проигрывал». Заинтригованный Таль пришел в лечебницу, сыграл с сумасшедшим и... проиграл. Помня данное другу обещание и желая

помочь больному, а главное — из понятного спортивного чувства он продолжал с ним играть, пока, наконец, с большим трудом не выиграл, что привело к исцелению больного, который выписался из лечебницы и через некоторое время сел играть в сеансе одновременной игры против Таля. Гроссмейстер узнал его и приготовился к тяжелой борьбе, но, к его удивлению, партнер на этот раз не оказал никакого сопротивления.

Удивительная история, не правда ли? Еще удивительнее то, что на самом деле Михаил ее попросту сочинил. И поэт ему поверил — уж очень она самобытна. Выдумать такое мог лишь незаурядный человек. Поэт поэтому не обиделся на Таль за эту мистификацию.

Доказав жизнеспособность своего «некорректного» стиля на турнире претендентов в 1959 году, опередив в Югославии шахматных колоссов Смыслова, Кереса, Петросяна, Михаил Таль с первой попытки взял крепость Ботвинника и в двадцать три с небольшим года стал восьмым чемпионом мира.

Как свежо и смело он играл!

Помню огромное скопление людей по вечерам на проспекте Руставели, перед большой доской на фасаде старого шахматного клуба, куда передавались ходы из московского театра имени Пушкина, и едва ли не каждый встречался аплодисментами. В Грузии Таль любили, как в Латвии, горячо и беззаветно, разве что юная Нона Гаприндашвили могла похвалиться более многочисленной армией своих почитателей. И Таль отвечал взаимностью на эту любовь, в числе его крупных успехов первые призы на турнирах в Тбилиси, Сухуми, Гори...

Но случилось непредвиденное: через год Таль был наголову разбит в матч-реванше с Ботвинником. Считалось, не выдержал испытание медными трубами. Сам гроссмейстер уверял, что ко второму матчу готовился ничуть не хуже и не меньше, и в пику журналистам нашел две причины поражения. В манере, напомнившей, что темой его дипломной работы на филфаке была «Сатира в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Первую причину он видел в том, что во время матча 1960 года Ботвинник жил рядом с ним в гостинице «Москва». Перед партиями Кобленц услаждал слух своего подопечного исполнением неаполитанских песен. Таль это вдохновляло, а Ботвинника, по всей вероятности, размагничивало. Вторая причина: к 8-й партии Талю удалось подобрать «счастливый» карандаш, позже забытый им на столике; достойной замены не нашлось.

Ну, а если серьезно, то виноват один Ботвинник. Многие

годы он работает над созданием искусственного интеллекта и сумел запрограммировать себя на игру с Талем — держал его в партере, не позволяя получать любимые талевские позиции, в которых тот обычно всласть импровизировал и комбинировал. Стоит ли удивляться, что чувство неотвратимости, испытанное Бронштейном и Смысловым в предыдущих матчах с Патриархом шахмат, посетило рижанина в самое неподходящее время. И хотя Таль отмечал, что утрата короны не вызвала кризиса в творчестве, о чем ему напоминали в неделикатной форме, досада не раз покусывала сердце, как тот лисенок, спрятанный на груди юного спартамца.

Таль и без короны, как старый Лир, оставался королем с головы до ног. Он не отчаялся, не ожесточился, не сошел с ума, напротив, убедился в необходимости переучиваться. С годами его игра стала более позиционной и универсальной, обогатилась новыми дебютными идеями и техническим мастерством, но незаметно утрачивалось «лица необщее выражение», принесшее ему славу одного из самых ярких и оригинальных шахматистов современности. Таль привычно выигрывал крупные турниры, включая чемпионаты страны, в составе ее сборной становился олимпийским чемпионом (у него восемь золотых олимпийских медалей) и чемпионом Европы; вместе с Карповым победил в Монреале на «Турнире звезд» и через несколько месяцев — на межзональном турнире в Риге 1979 года и, оценивая свои выступления, твердо верил, что стиль остался прежним. Может быть, он просто стал постарше, чуть больше видит за партнеров, чуть меньше за себя. Чувствуя себя защищенным всей этой броней, Таль утверждал, что он того претендента 60-го года просто бы растерзал! Ботвинник, которого познакомили с этим заявлением его давнего соперника, недоверчиво покачал головой: «Таль здесь дезинформирует любителей шахмат или искренне заблуждается». Петросян также считал, что наиболее гармоничной игра его друга была в 1957 году, когда он включился в борьбу за мировое первенство.

Такова «загадка Таля», которая три десятка лет не дает покоя поклонникам шахматного искусства. О знаменитом бостонце Гарри Нельсоне Пильсбери говорили, что после Гастингса 1895 года он догонял себя, вернее, пытался догнать того Пильсбери, который в том турнире опередил чемпионов мира Ласкера и Стейница, претендентов на титул Чигорина и Тарраша. Так же в наше время повзрослевший Таль догонял Таля образца 1960 года.

В 1956 году он играл со Спасским 'финальный матч претендентов в Тбилиси. До поединка с Петросяном оставалось сделать один шаг, но какой! Внешне все было, как в лучшие времена: уютный концертный зал для игры, восторженные почитатели и друзья, но уже первые партии показали, что Спасскому удастся навязать ему тягучую позиционную борьбу без какого-либо намека на тактическое оружие, столь любимое сердцу Талья.

Счет в матче был равным, когда я по своим редакционным делам пришел поздно вечером в гостиницу «Тбилиси». Узнал у администратора, что Таль пока не возвращался с игры. «Вы его брат?» — спросила она. И после моего ответа сказала убежденно: «Очень похожи!» Скоро пришел Таль в сопровождении верного друга, спортивного обозревателя Наума Дымарского, который днем обещал устроить это интервью. Таль выглядел уставшим и немного грустным, говорил неторопливо, доброжелательно глядя на собеседника, еще не отошедший от борьбы за шахматной доской и весь во власти неосуществленных идей. Я знал, что он приехал на матч из Ялты, где врачи подозревали у него что-то нехорошее с легкими, и старался поменьше мучить вопросами, ведя беседу в ритме его любимого блица. Он тогда верил в окончательный матчевый успех, не зная, что проиграет три оставшиеся партии, что Спасский, уже начавший штурм Олимпа, через четыре года увенчает свой труд чемпионским титулом.

В жизни каждого большого шахматиста есть турнирные и матчевые катастрофы, они делают его человечней, восприимчивей к своей и чужой боли. Вероятность эта с классической точностью сформулирована в афористичной талевской сентенции: «Каждый шахматист — кузнец собственного турнирного счастья». Таль счастье знал. Несмотря на разочарования, болезни, он был счастлив, как может быть счастлив художник, задумавший и сотворивший красоту, над которой не властно время.

Главный редактор Роман МИМНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ, Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомини

Корректор Е. Сопромедзе

Сдано в набор 15.10.92 г. Подписано к печати 30.10.92 г.
Формат бумаги 84x108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0 Ти-
раж 2.400. Заказ 1772. Цена 2 р.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию Издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.
Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, ответственный секретарь
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

2 руб.

6198/6
ИНДЕКС 76117
საქართველოს
საბჭოთავო
ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურა და ხელოვნება“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან